

Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея архиепископ Ювеналий (Половцев)

Предисловие

Предисловие

Девятнадцать лет прошло с тех пор, как скончался О. Архимандрит Моисей, преобразователь, и можно сказать основатель Оптиной Пустыни, в ее духовном значении; муж, редкий по своим высоким качествам и добродетелям. Краткий некролог его, был напечатан в Калужских Епархиальных Ведомостях в 1862 году,¹ но полного, по возможности, жизнеописания его до сих пор не существовало.

Посторонний наблюдатель может упрекнуть за это братство Оптиной Пустыни, в среде которого были и есть люди с хорошим образованием. Почему не занялись они этим делом ранее? Зачем медлили? – Нельзя сказать, чтобы не занимались. Несколько человек из братий давно уже собирали понемногу материалы для жизнеописания О. Архимандрита Моисея, но дело это все не приходило к желаемой полноте, а потому и к концу. Последним из таких собирателей был иеромонах Климент Зедергольм, три года тому назад скончавшийся. Все собранное им и другими монахами вошло в состав настоящего жизнеописания, с большими, однако, дополнениями и исправлением неточностей.

О. Клименту принадлежит и статья о пустынножительстве в Рославльских и Брянских лесах, помещенная в приложении. Кроме всего, подготовленная О. Климентом, монахом Порфирием Севрюгиным, также недавно умершим, и сообщенная иеромонахом О. Евфимием Труновым, который был при покойном О. Архимандрите Моисее письмоводителем в течение 31 года и жив еще доселе, материалами для биографии Старца послужили:

Жизнеописание О. Игумена Антония, настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря. Москва 1870 г.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти Старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария. Москва 1861 г.

Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание третье. Москва 1876 г.

Историческое описание Скита во имя Св. Иоанна Предтечи Господня, находящаяся при Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание второе. С.-Петербург 1862 г.

Архив Оптиной Пустыни.

Некоторые собственноручные записки и письма О. Архимандрита Моисея к различным лицам и других лиц к нему.

Рассказы тех из братий, которые жили в его время, были очевидцами его действий и сами слышали его слова и наставления.

Брошюра: «Последние дни жизни Отца Архимандрита Моисея» (извлечено из «Церковной Летописи» от 6 Октября 1862 года).

Полагаю, что задачу жизнеописателя добродетельного мужа составляет, не обязанность только обрисовать в общих чертах прекрасную фигуру его нравственного величия, часто недостижимого для простых смертных, а изобразить, для духовной пользы читающих, его верность в малом (Лк. 16:10), выражавшуюся, в различных случаях жизни, и то, как он, при помощи Божией, чрез этот подвиг в малом, достигал постепенно духовно-великого, – той победы над страстями души и тела, того очищения сердца, которым составляют цель внутренней жизни и деятельности христианина.

Имея это в виду, я старался, как можно менее пускаться в мои личные рассуждения, а сопоставлять только факты, приводить по возможности, более устные или письменные слова самого О. Архимандрита, чтобы читатель сколь возможно яснее видел перед собою самого Старца-подвижника и верного раба Христова.

Соответственно главнейшим периодам жизни покойного О. Архимандрита и биография его разделена на 4 главы. Последняя из них особенно замечательна. Это не сказание из

отдаленных времен. Это картина жизни современного нам духовного мужа, не отличавшегося по внешности великими подвигами, но всегда понуждавшего себя, по слову Спасителя (Мф. 11:12). Трудившегося по преимуществу в вертограде сердца своего, шедшего твердою ногою по пути заповедей Евангельских, понесшего «тяготу дне и вар» (Мф. 20:12) и умножившего данные ему от Господа таланты.

Несомненно, что всякий разумно внимательный читатель, ищущий душевной пользы, найдет ее в словах и действиях покойного О. Архимандрита Моисея, но особенно настоятельствующие, в Обителях иноческих встретят здесь, в поступках покойного вождя духовного, великий пример и образец того, как и в наше грустное время возможно вести себя духовному Пастырю и с успехом пасти стадо Христово.

Архимандрит Ювеналий²

16 июля 1881 г. Оптиная Пустынь.

Глава 1. Детство и ранняя молодость (1782–1811 гг.)

В г. Молог, Ярославской губернии, на городском кладбище, близ алтаря церкви во имя Всех Святых стоит скромный, осененный крестом, мраморный памятник, на котором с одной стороны такая надпись: «Под сим камнем погребено тело Московского купца Ивана Григорьевича Путилова. Жития его было 57 лет; скончался 1809 года, января 26-го дня», а с другой стороны начертаны имена лиц, воздвигнувших этот памятник: «Путилова дети: Моисей, Игумен Оптиной Пустыни, Исаия, Игумен Саровской Пустыни, Антоний, Игумен Малоярославецкого Николаевского Монастыря».

Прочтешь эту надпись и невольно остановишься на ней мыслью. Какое редкое, замечательное семейство! Три сына, каждый в ранней молодости оставил мир, для того чтобы служить Богу, и жизнью строго-подвижническою приготовить себя к вечности. Все трое неуклонно прошли этим путем; все трое преуспели в добродетелях на столько, что каждый из них, в свою очередь, за благочестивую жизнь был избран в наставники и руководители других многих, и, пася овец Христовых, после долголетней, плодотворной деятельности, святою кончиною запечатлел святую жизнь свою. Память каждого из этих трех братьев как *память праведного – с похвалами* (Притч.10:7). Много ли ныне таких семейств?

Отец этих трех Игуменов, Иван Григорьевич Путилов, был родом из граждан г. Серпухова. Оставшись после своего отца десяти лет от роду, он детство свое и молодость провел в большой бедности, пропитывая своими трудами и себя и бывших на его попечении: мать вдову, сестру и младшего брата. Сперва работал он на полотняной фабрике, а потом перешел на службу по питейным сборам, при которых и служил в разных местах и в разных должностях до самой своей кончины. Он был православный христианин, в истинном смысле этого слова: строго соблюдал все правила и постановления Церкви Христовой, усердно посещал храм Божий, любил читать Св.

Писание и другие духовные книги, и проводил жизнь благочестивую в страхе Божиим. При том Иван Григорьевич был человек умный, в обхождении со всеми почтительный и приветливый, умел со всеми приятно, и, кстати говорить, и всеми был любим, и уважаем.

На двадцать третьем году своего возраста, он женился на Анне Ивановне Головиной, девушке, по происхождению из Высотской подмонастырской слободы. Отец ее матери, Иоиль, жил в Серпуховском Высотском монастыре, был там иеродиакон и уважаемым святым Старцем, а племянница ее Максимиλλα Головина, была замечательною по духовной жизни монахиною, в Московском Вознесенском монастыре, где и скончалась в глубокой старости. Сама Анна Ивановна была женщина простая, но умная от природы; по тогдашнему обычаю грамоте не была учена, но была усердна к молитве, смиренна и очень любила нищую братию Христову и бедных людей, и всегда им по возможности своей помогала. Во всю тридцатипятилетнюю брачную жизнь свою, Анна Ивановна была покорною помощницею и беспрекословною послушницею своему мужу.

Вскоре после брака, они переехали на жительство в г. Воронеж, где и прожили года три. В течение этого времени, Иван Григорьевич удостоился раз быть в кельях у великого Святителя Тихона и принять его благословение.

В 1777 г. Путиловы возвратились в Серпухов, и потом переселились в Ярославскую губернию, где и прожили до кончины Ивана Григорьевича. Здесь в Борисоглебске 15-го января 1782 года родился у них сын, названный Тимофеем, в последствие, благочестивый и мудрый настоятель Оптиной Пустыни Архимандрита Моисей. Имя Тимофея дано ему было в честь Св. Апостола Тимофея, которого память празднуется 22-го января. Иван Григорьевич строго придерживался правила, давать каждому ребенку имя того святого, которого память придется в 8-й день по рождению. В Борисоглебске у Путиловых родились еще четыре сына: Кирилл, Иона, Василий и Александр. Была у них еще старшая дочь Анисия, родившаяся

в Серпухове, и еще четверо детей их скончались в младенчестве.

Старшего сына Тимофея, равно как и прочих детей своих, Путиловы воспитывали в страхе, Божиим и по преданиям Святой православной Церкви. Грамоте, чтению, письму учил их сам отец, по достижении каждым семилетнего возраста, а когда подрастали старшие сыновья, тогда они учили младших братьев. В училище Иван Григорьевич детей не отдавал, из опасения, чтобы нравственность их там как-либо не испортилась. В отсутствии отца, за детьми присматривала Анна Ивановна. Она была нужная, но и благоразумная мать, и умела материнские ласки соединять с потребною строгостью. – По праздникам и воскресеньям Иван Григорьевич ходил в церковь к службе и сыновей своих водил с собою. Они шли обыкновенно все вместе впереди его, не смея ни разговаривать, ни оглядываться, и в церкви также стояли впереди его и молились. Не довольствуясь одним хождением в церковь, Иван Григорьевич внушал детям, чтобы они внимательно слушали церковную службу и особенно чтение Евангелия и Апостола, и, пришедши домой, заставлял их пересказывать, что они слышали и поняли. Иван Григорьевич хорошо знал церковные напевы, имел приятный голос теноро-бас, и в церкви становился на клирос и пел, а с ним стройно пели и дети. И у себя дома они нередко, особенно в праздничные дни, повали разные духовные псалмы; а именно: «Хвалу всевышнему Владыке, потщися дух мой возсылать», «Иисусе прелюбезный, сердцу сладосте», и некоторые другие духовные и церковные песнопения. Пели весьма стройно, так что, идущие по улице, иногда останавливались послушать приятное пение. Светских же песен, отец не позволял детям петь в своем присутствии.

Иван Григорьевич был очень гостеприимный и радушный хлебосол, кто бы перед обедом ни посетил его, всякого приглашал к обеду, и с гостями, при детях, вел назидательные и поучительные разговоры. Особенно любил он и уважал духовных особ, которые чаще других и посещали его дом. Таким образом, дети Путилова с самой ранней молодости много

видели в родительском доме монашествующих лиц, и много слышали назидательных бесед.

Младший сын Путиловых Александр, впоследствии Игумен Антон, оставил после себя келейные записки,³ в которых содержатся его воспоминания о родителях и его младенческом и отроческом житие-бытие. Из этих любопытных записок видно, под какими благими впечатлениями, возрастали дети Путиловых, какое духовное настроение господствовало в их семье.

Когда Александру было четыре года, он, имея необыкновенно тонкий слух, каждую ночь просыпался при первом ударе в колокол ко утрени и будил родителей и братьев своих, говоря: «Дон! дон! Ангелы поют. Вставайте молиться».

Единственная дочь Путиловых Анисия, еще в ранней молодости пожелала поступить в монастырь к двоюродной сестре своей монахине Максимилле, но отец не согласился. Иван Григорьевич был человек благочестивый, но конечно имел и свои недостатки. Как глава семейства, он был настойчив и привык к тому, чтобы дети во всем, беспрекословно исполняли его волю. Несогласие отца, на исполнение благочестивого желания дочери, имело влияние и на образ действий старших сыновей его, Тимофея и Ионы, как мы увидим ниже.

В начала 1800 года, Анисия Ивановна, против своего желания, была выдана замуж, за Пошехонского купца, Козьму Дементьевича Крундышева; но недолго прожила она в супружества. В 1803 году от простуды занемогла и скончалась мирною, христианскою кончиною, а муж ее, на другой же год после ее кончины, как бы исполняя ее обет и желание, удалился в Саровскую Пустынь и посвятил себя монашеской жизни. Этим он проложил путь в Саровскую Пустынь и родственникам своим Тимофею и Ионе Ивановичам, а сам, после долговременной чахотки скончался там, в 1823 году.

Вскоре после брака дочери, совершившегося против ее воли, дела Ивана Григорьевича, на время расстроились. В августе месяце 1800 года, хозяин почему-то отказал ему, а также и двум старшим сыновьям его Тимофею и Кириллу от должности и Ивану Григорьевичу пришлось ехать с тремя

старшими сыновьями в Москву для приискания новых должностей. После трех месяцев хлопот, ему удалось, наконец, с сыном Кириллом найти место по питейным сборам в г. Угличе Ярославской губернии, куда он и перебрался со всем семейством из Романова, а сыновей Тимофея и Иону определил в Москву, к откупщику Карпышеву.

Тимофею тогда был 19-й год от роду, до сего времени он жил в своей семье, на глазах у родителей, а теперь для него началась новая, более самостоятельная и независимая жизнь. Но и на свободе, с 14-и летним братом своим Ионою, он продолжал держать себя также благочестиво и богобоязненно, как в родительском доме, и своим пребыванием в Москве пользовался лишь для того, чтобы свободнее удовлетворять своим духовным стремлениям. С ревностью, предался он здесь чтению духовных и других полезных книг. В Москве было ему удобнее доставать их, нежели в уездном городке, где он прежде жил. Тимофей и во время трудов по должности, урывками, в свободное время любил сидеть за книгою. Когда приходил покупатель, он оставлял свое чтение и исполнял, что от него требовалось, а когда покупатель уходил, он снова принимался за книгу, так что никогда не был в праздности. Такая привычка много помогала ему, впоследствии продолжать, таким же образом чтение при недосугах настоятельской должности. – Тимофей, живя в Москве, читал много и читал внимательно: с молодых лет, он привык из прочитанных им книг выписывать все, особенно замечательное, для памяти и назидания своего.

Кроме чтения книг, душеполезного содержания, духовное настроение Тимофея и Ионы поддерживалось знакомством и беседами с замечательными духовными лицами.

По какому-то особенному случаю, им пришлось познакомиться с благочестивою старицею Московского Ивановского девичьего монастыря, монахиней Досифеею.

Эта таинственная инокиня,⁴ по общему мнению, была известная княжна Августа Тараканова, дочь Императрицы Елисаветы Петровны, по повелению Екатерины II, заточенная в 1785 году в Ивановский монастырь, и постриженная в монашество. Невольная затворница несла возложенный на нее

Господом нелегкий крест в духе христианской веры, в терпении, со смиренною покорностью воле Божией и с упованием на небесные воздаяния, обещанный в будущем веке невинным страдальцам. – Жизнь свою, монахиня Досифея проводила в духовных подвигах, и слава об ее добродетелях разносилась по Москве. По смерти Императрицы Екатерины II, когда Досифея стала пользоваться большею свободою, многие стали приходить к ее окнам и просили ее молитв и наставлений; некоторых она допускала и в свою келью. Тимофей не раз бывал у нее и впоследствии, между прочим, рассказывал, что видел у нее на стене кельи, акварельный портрет Императрицы Елисаветы. От этой духовно-мудрой старицы Тимофей и Иона получили наставления, соответствовавшие, тогдашним их потребностям. Насколько они пользовались ее расположением, можно заключить из того, что и по отъезду из Москвы они писали ей, и получили в ответ письмо, которое помещаем ниже в приложениях. Мать Досифея, видя в Тимофее и Ионе стремление к духовной жизни, направила их в Ново-Спасский монастырь, к тамошнему Наместнику иеромонаху Александру⁵ и его духовному другу иеромонаху Филарету.

Кроме устного рассказа о сем покойного О. Архимандрита Моисея, есть и письменное об этом свидетельство его же. 21-го марта 1859 года, писал он к строительнице Московского Ивановского монастыря М. А. Мазуриной, между прочим, следующее: «Известясь, что по промыслу Божию, предназначено Вашему особенному попечению, возобновление бывшего Ивановского монастыря, радуюсь и Бога благодарю. В этом благотворном деле для меня ближе всех душевная радость, потому что жившая в прежнем Ивановском монастыре духовно-мудрая старица блаженная памяти Досифея, послужила мне указанием на избрание пути жизни монашеского звания. Она ознакомила меня со старцами Александром и Филаретом в Ново-Спасском монастыре, где она и похоронена».

Старцы эти были, весьма замечательные подвижники благочестия. Они находились в духовном общении с знаменитым Молдавским Архимандритом Паисием Величковским; пользовались учением о внутренней

христианской жизни, содержащимся в переведенных им писаниях Св. Отцов-подвижников, и сами были исполнены духовных дарований. Под руководством сих опытных духовных мужей более и более утверждалось благое направление Тимофея и Ионы. Они давно имели желание оставить всю суету мира сего, посвятить себя Господу Богу и проводить уединенную монашескую жизнь, но медлили, не видя возможности исполнить это желание. Наконец, когда зять их Козьма Дементьевич Крундышев в ноябре 1804 года поступил в Саровскую Пустынь и известил их о своем пребывании там, Тимофей и Иона, по совету О. Александра, решились также отправиться в эту пустынную Обитель. Но, помня пример несчастной сестры своей Анисии, и не надеясь получить от отца своего согласие, на вступление в монастырь, они не сочли нужным открыть ему о своем намерении, а написали просто, что они от хозяев своих отошли за невозможностью у них жить по чрезмерной строгости, и несправедливости их. И что есть у них на примете другой хозяин, человек хороший и благочестивый, которому они и дали слово поступить к нему в услужение; но что прежде сего вознамерились проехаться в Киев, для поклонения Святым угодникам, а оттуда и к родным побывать.

В 1804-м году, в бытность свою в Москве, Тимофей хлопотал об увольнении отца своего со всем семейством из Серпуховского купеческого общества и о приписке его в Москву, также в купцы по 3-й гильдии. После того, как это состоялось, в декабре 1804 года Тимофей и Иона, без ведома отца, взяли паспорта на три года и вместо Киева отправились в Саровскую Пустынь. Прибыли они туда 13-го мая 1805-го года и были приняты тамошним настоятелем иеромонахом Исаиею. Родные полгода не имели от них никакого известия и сомневались уже, живы ли они. Наконец в ноябре 1805-го года Иван Григорьевич получил от них письмо, в котором они просили прощенья в причиненном ему от них оскорблении, а вместе просили и благословения на вступление в монашество. Иван Григорьевич, прочитав это письмо, весьма разгневался на сыновей своих, и не только не дал им благословения на монашескую жизнь, но и строго приказал, чтобы они, ни сколько не медля в Сарове,

скорее возвратились домой. Но Господь устроил все иначе. Не смотря на запрещение отца, оба брата остались в Саровской Пустыни и два с половиною года не показывались домой.

Между тем Бог смирил Ивана Григорьевича, посетив его болезнью. От ушиба, а потом от неудачного лечения очень разболелась у него правая нога и причиняла ему тяжкие страдания. В это самое время, в конце 1807-го года, приехал из Сарова Тимофей мириться с отцом, а вместе и просить увольнения в монашество, ибо срок их паспортов, самовольно взятых, уже истекал. Иван Григорьевич сначала не соглашался, но в болезни сделался несколько сговорчивее. После долгих прений, в которых и отец и сын приводили в защиту свою различные тексты Св. Писания, Иван Григорьевич наконец убедился, что не может поколебать Тимофея и решился отпустить его в монастырь. Младшего же сына Иону не согласился уволить, говоря: «Он молод, его подговорили. Я сам хочу видеть его и поговорить с ним, и родительскою строгостью остановить его от этого намерения». Через полгода в мае 1808 г. Тимофей вторично приехал из Сарова, на этот раз уже с Ионою. Между тем болезнь Ивана Григорьевича усилилась. Он так страдал от боли в ногах, что уже отчаялся в своей жизни. Особоровался, стал со всеми прощаться, и, собрав детей своих, преподал им последнее родительское благословение и наставление. Готовясь к смерти, не хотел более удерживать Иону от вступления в монашество, но и тут выдержал свой характер. Сам не решился отпустить его, а назначив сына Кирилла попечителем над младшими братьями, поручил ему и Иону, говоря: «Ты, как хочешь, можешь его уволить на поступление в монашество и можешь его удержать, мне же теперь не до того». Кирилл на это прямо сказал: «Если он в сердце своем положил твердое намерение, посвятить себя уединенной, иноческой жизни, то я, со своей стороны, его от сего намерения не отвлекаю». Тогда уже, наконец, и Иван Григорьевич благословил Иону, которому в то время был 22-й год, вступить в монашество. После этого Иван Григорьевич неожиданно стал поправляться от своей болезни, и через

некоторое время почти совершенно выздоровел; но вскоре после этого скончался от другой болезни.

13-го мая 1805 года, как мы сказали выше, Тимофей и Иона прибыли в Саровскую Пустынь и были приняты Строителем иеромонахом Исаиею. Новоначальные послушники сперва потрудились в хлебне, а потом проходили и другие послушания. Тимофей Иванович был в кухне, где, как он сам рассказывал впоследствии, печь была огромная и повара лазили в нее, для того чтобы укладывать дрова. Тимофею не раз приходилось исполнять это послушание. Проводя по некое время в печи, среди сильного тепла, и вылезая из нее в большом поту, он в кухне остывал, от чего и простудился. Был он и трапезным, и как-то проговорился впоследствии, что в один праздник хотел быть, неупустительно у службы церковной, но и послушания своего не мог оставить, вследствие чего, и пробыл тогда четырнадцать часов на ногах. Это также неблагоприятно подействовало на его крепкое здоровье, и может быть было одною из причин, почему он не возвратился в Саров. Потом Тимофей был приставлен ходить за больным Старцем Строителем Исаиею. Старец этот, разбитый параличом, доживал тогда последние дни своей жизни, окруженный общим уважением, Как братия, так и все знавшие его, глубоко почитали его за добродетельную, подвижническую жизнь. Митрополит Платон, архиепископ Астраханский Никифор Феотоки, фельдмаршал граф Каменский и многие другие знатные особы, духовные и светские были с ним в переписке. Тимофей, во время болезни О. Исаии, по его поручению и указанию писал ответы на их письма.

Саровская Пустынь в то время процветала духовно. В ней собралось много замечательных духовных лиц, которые и словом и примером назидали всех. Старец Серафим уже 37 лет, находившийся в Сарове, подвизался тогда в дальней пустыне. В некотором расстоянии от него, поближе к монастырю, жили в особых кельях: схимонах О. Марк и знаменитый Валаамский Игумен Назарий, Саровский постриженник, восстановивший Валаамский монастырь, и потом, возвратившийся в Саров, где и жил на покое в пустынном безмолвии. Молодые послушники

Тимофей и Иона пользовались назиданиями Саровских Старцев подвижников. Тимофей однажды слышал от Отца Серафима замечательное наставление: «Стоя в церкви, надобно творить молитву Иисусову, тогда будет внятно слышно и церковное богослужение».

В первое время своего пребывания в Сарове Тимофей и Иона получали назидательные письма и от первых своих Московских наставников – О. Александра Ново-Спасского и Старицы Досифеи.⁶

Иона навсегда остался в Саровской Пустыни, принял там монашеский образ с именем Исаии, впоследствии, был там монастырским казначеем, в течение двадцати лет, а потом с 1812 года и Настоятелем. Скончался в 1860-м году в сане Игумена. Тимофей же в 1808 году отправился в Москву для перемены увольнительного свидетельства, оказавшегося недостаточным для форменного поступления в монастырь и потом уже не возвратился в Саров. Почему Тимофей не остался в Саровской Пустыни? Не знаем этого на верно, но думаем – потому, что познакомившись в ранней молодости с духовными лицами, проводившими уединенную жизнь, он стремился к такой жизни, предполагая, что в ней будет дальше от греха, как сам он выразился в письме своем к Старцу Саровской Пустыни Илариону. В этом же письме он говорит: «Удалился из Сарова по неведомым мне судьбам». Так или иначе, но нам известно, что познакомившись в Москве в 1808 году с учеником Афонского Старца Василия Кишкина, Казначеем Брянского Свенского монастыря О. Серафимом, Тимофей, по его приглашению и по совету О. Александра Ново-Спасского, решился отправиться в Свенский монастырь.

Брянский Свенский Успенский монастырь, Орловской епархии, приведенный в благоустроенное состояние трудами Игумена Амвросия II, скончавшегося в 1833 году, и Архимандрита Смарагда (1842–1859), до 1810-го года управлялся большею частью Префектами Орловской Духовной Семинарии, находившейся в г. Свенске, и особенным благоустройством не славился. Но Казначей, управлявший монастырем за отсутствием Настоятеля, О. Серафим был муж

духовный, внимательный ученик опытного во внутренней жизни Старца Василия Кишкина. Около О. Серафима собралось в Свенской Обители еще несколько замечательных подвижников: Афонский постриженник схимник Афанасий, из сенатских секретарей, долго подвизавшийся на Св. Афонской горе и в Молдавии, в Обители Архимандрита Паисия Величковского; иеромонах Афанасий, бывший духовник Оптиной Пустыни; иеродиакон Анастасий, ученик Старца Василия Кишкина; монах Варфоломей из молдавского Нямецкого монастыря; О. Арсений пустынник, временно живший в Свенском монастыре, и другой схимник Афанасий Захаров, ученик и постриженник Архимандрита Паисия Величковского.

Общество этих старцев вероятно и привлекло Тимофея в Свенский монастырь.

Кроме того, вблизи от этой Обители, в Брянских и Рославльских лесах, подвизались в то время, многие пустынолюбивые иноки, и некоторые из них принадлежали к Свенскому братству. Так, упомянутый инок Арсений, то трудился в послушаниях, в Свенской Обители, то удалялся на безмолвие в Рославльские пустынные леса. Также и иеромонах Афанасий, переведенный в Свенский монастырь из Белобережской Пустыни в 1806-м году, весной 1807-го года ушел в Рославльский лес на всегдашнее пустыножительство, а для свободного проживания там, получал впоследствии, ежегодно билет от Свенского Настоятеля. С большою вероятностью, можно предположить, что Тимофей поступил в Свенский монастырь, в надежде получить там монашеское пострижение и перейти потом, на давно желанное безмолвие в соседних Рославльских лесах.

3-го августа 1809 года Тимофей Иванович Путилов по указу Орловской Духовной Консистории, определен в Свенский монастырь в число послушников. Проходили они послушание пономарское, занимался также монастырскими письмоводством, и читали в церкви каноны и прочее во время богослужения. Из жизни его в Свенском монастыре сохранился в памяти Оптинской братий только один рассказ О. Архимандрита Моисея о самом себе. Раз, говорили они, живши

в Свенском монастыре, пошел я за водою и возвращался с полными кувшинами. В воротах монастыря, встретился со мною Игумен и, увидав воду, говорит: что, брат Тимофей, верно для чаю? Я с удивлением ему ответили: нет, Батюшка, я еще им не заводился, – А, не заводился, таки заведись. Да знаешь ли, ты о чем я говорю? «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» – вот чем заведись. Эти последние слова Свенского Игумена, О. Архимандрит Моисей, часто знаменательно повторял своей братии в Оптиной пустыни. – Так же рассказывал О. Архимандрит, что один старец раз спросил его, когда он были еще Тимофеем: «Знаешь ли ты грамоту? А я говорю: знаю, да и думаю про себя, не читать только умею, а и писать хорошо пишу. Ну скажи же мне, что значить аз ? Я и замялся, и не знал, что ему ответить. Ну, так я тебе скажу, продолжал Старец.⁷ Аз Адамля естества сый, тебе Адамля естества обоего пола советую: смирен буди. Вот что значить аз”.

В 1810 г. Игумен Амвросий II, представил послушника Тимофея к пострижению в монашество, но тут встретились некоторые формальные препятствия. Св. Синод обратил внимание на то, что Тимофей не прошел трехлетнего монастырского искуса, без которого не дозволяется постригать в монашество. Хотя Тимофей и жил в Саровской пустыни около трех лет, но в Свенском монастыре, находился только с 1809 года, а по закону при переходе из одной Обители в другую трехлетнее испытание начинается снова. Кроме того и увольнительное свидетельство Тимофеево, оказалось недостаточным. За Тимофея, при увольнении его из Московского купеческого Общества, обещался вносить повинности родственник его, Московский купец И. А. Самгин, а по законам, ответственность за исправный платеж государственных повинностей, вместо увольняемого, должно принять на себя все общество. По этим причинам Св. Синод указом от 8-го марта 1810 года определил: в пострижении послушника Тимофея Путилова в монашество отказать.

Так не сбылись надежды Тимофея. Ему пришлось опять ехать в Москву, брать новое увольнительное свидетельство. Но, получив его, 16-го марта 1811 года, он не возвратился более в

Свенский монастырь, а расположился (как сказано в собственноручной записке О. Архимандрита Моисея, найденной в его бумагах, после его кончины)⁸, испытать себя по первоначальному желанию своему в пустынном уединении. По совету иеросхимонаха Алексия (Адриана), жившего тогда в Московском Симоновом монастыре, Тимофей и отправился к Рославльским пустынножителям, о безмолвном пребывании которых, он много слышал в бытность свою в Свенской Обители.

Глава 2. Пребывание в Рославльских лесах (1811–1821 гг.)

Прибыв в Рославльские леса, Тимофей поместился у старшего из пустынножителей иеросхимонаха Афанасия. Старец этот был Московский уроженец, из канцелярских чиновников, пострижник Оптиной пустыни. Он принадлежал к числу 12 человек, которые были отпущены Песношским Настоятелем старцем Макарием, вместе с учеником его О. Авраамием, для восстановления пустынной обители Оптиной, и в 1796 году принял в ней пострижение, был посвящен в иеромонаха и сделан духовником. Горю желанием безмолвной жизни, он собрался было на Афон, и уже получил увольнение, но, услышав об русских пустынножителях в Рославльских лесах, пришел туда и поселился между ними около 1805 года. Он прожил здесь безвыходно более 20 лет, храня до смерти духовное трезвение и имея дар умной молитвы. Под его руководством Тимофей провел 10 лет в лесной глуши и им был келейно пострижен, в монашеский образ, причем наречен Моисеем. Восприимным его отцем от Евангелия был другой пустынный старец, О. Досифей, пострижник Плотчанский, проживший более сорока лет в Рославльских лесах.

Кроме названных старцев, в то время подвизались здесь до 6-ти пустынников. Вот как впоследствии О. Архимандрит Моисей рассказывал о своем пребывании с ними:

«Когда я пришел в Рославльские леса, тамошние пустынники жили в трех кельях: в одной иеросхимонах О. Афанасий, от него в версте О. Досифей, а в версте от него О. Дорофей, который впоследствии (после 1812 года) переселился ближе к нам, поставив себе келью от нашей сажень в пятидесяти. Поселясь, с О. Афанасием, я построил для него и для себя новую келью; это был первый опыт моего зодчества, Келья имела шесть аршин в квадрате, с крыльцом, под навесом; прихожая в два аршина длины и два ширины, далее квадратная комната в четыре аршина в длину и ширину, ибо от нее была отгорожена перегородкой спальня, шириной также как

и прихожая, в два аршина; между прихожей и спальней в углу находилась печка, которою нагревалась вся келья».

«Место, в котором мы жили, принадлежало к дачам Рославльского помещика Демьяна Михайловича Броневского. Сельцо его Якимовское находилось от нас верстах в пяти; а верстах в тридцати было другое сельцо Межево, владельцы которого, Таптыкины, были нашими благотворителями, особенно мать этого семейства, урожденная Княжна Сонцева, – старлица благочестивой жизни».

«От Межева, верстах в двенадцати находилось торговое местечко Лагредино, также Рославльского уезда; от города же Рославля наше пребывание было верстах в сорока».

«Под самую нашу келью протекала лесная речка Болдачевка, а в полутора верстах впадала в нее речка Фроловка. На берегу ее был колодезь; в речке этой важивалась и рыбка. Бывало, перегородим ее сежею и неретки ставим. Однажды, как помню, на праздник Богоявления, освятивши в речке воду, мы пропели тропарь Св. Богоявления: *»Во Иордане крещающуся Тебе Господи, и вынув неретки, нашли в них шесть налимов, которые и приняли, как Божий дар на праздник"*.

«Всю церковную службу, мы правили каждодневно у себя в кельи, начиная с двенадцати часов ночи, полунощницу и утреню; после утрени, через час, соборный акафист Божией Матери; после акафиста, часа через два, часы с изобразительными, и наконец, вечерню часов в пять вечера. В воскресные и праздничные дни приходили к службе ближайшие старцы: О. Досифей, О. Дорофей, а иногда кто-либо из других Рославльских пустынников, живших в большем расстоянии от нас. Отправляя вместе службу, пообедаем, что Бог послал, и разойдемся до следующего праздника».

«На Пасху же и на Рождество и в другие нарочитые праздники, приходил из ближайшего села Лугов (верстах в 7) старец священник и приобщал нас запасными дарами, дабы и мы не были лишены сего духовного угощения».

«В свободное от молитвенных правил время занимались рукоделием, кто какое умел: писали полу-уставом отеческие

книги, занимались огородом, на котором, в прочем, по неблагоприятной почве, не родилось других овощей, кроме репы. Летом собирали грибы, ягоды и усердствовали благодетелям, а от них получали печеный хлеб, крупу, а иногда и бутылочку масла, для приправы пустынной трапезы. А когда случится недостаток, питались и сухоядением, дорожа всего более духовной свободой и безмолвием. Волки постоянно были около нас, в продолжение целой зимы; но мы уже привыкли к их вою, как бы к вою ветра; а медведи иногда обижали нас, расхищая наши огороды. Мы их видали весьма близко и часто слышали, как они ломали по лесу деревья, но никогда они нас не трогали и мы жили с ними в мире. И от разбойников помиловал нас Бог, хотя и часто слышали, что они бродят у нас в околоте. Впрочем нас нелегко было найти, да и нечем было им у нас поживиться. Однажды только, Божиим попущением, случилось искушение. Как теперь помню, это было 23-го ноября 1814 года, поздно вечером. Старец мой О. Афанасий отдыхал, а я переписывал святцы, так как письмо, по уставу, было обычным моим занятием, и только что начал писать молитву к Божией Матери: «Под Твое благоутробие прибегаем, Богородице, моления наша не презри во обстояниях», кто-то постучался в дверь, – то были разбойники. Они, обобравши келью, бывшего в отлучке О. Дорофея, пришли втроем к нам. Не снимая крючка, я стал спрашивать: «Кто там? – Да вот работники в лесу заблудились; нет ли вблизи селения?» – И так вопрос за вопросом; я со свечей в руках полуотворил дверь и увидел неизвестного человека; он продолжал разговор со мною, сняв шапку: «Ты говоришь – мы, а где же другие?», – спросил я. В это время из-за крыльца показался его товарищ в шапке, на которого первый тотчас прикрикнул: «Сними шапку-то!» А издали приближался и третий с рогатиною. Старец, услышав длившийся разговор, взглянул за дверь, и в то же время получил тяжелый удар в бок по руке со словами: «Его-то нам и надобно!». Заслонив собою Старца, я силился припереть наружную дверь, но подпорка попала между дверью и стеною, и нас бы конечно убили, если бы, по счастью, не случился на тот раз, в нашей келье молодой здоровый крестьянин, который

принес нам, пищу из селения, и остался за ночным временем. Проснувшись на шум, он схватил топор, и еще со сна закричал: «Много ли их тут? всех перебую». Разбойники, подумав, что нас много в кельи, разбежались, оставив Старца еле жива, и долго болел он от полученного удара. Мать Божия видимо спасла нас. Кроме, сего случая, других, в продолжение десяти лет нашего пустынножительства, благодаря Богу, не было⁹. Но страшнее разбойников бывали для нас порывистые бури, ломавшие вековые деревья и грозившие задавить нас. Однажды обрушилось огромное дерево, подле самой нашей кельи, с таким треском, что я уже думал, – вот настала последняя минута; но и тут помиловало, нас Господь, – оно лишь ветвями задело крышу. Но страшен и самый рев бури в вековом бору, когда она ходить по нему и, как трости, ломает то, что росло целая столетия. Невольно вспоминались тогда слова Псалмопевца: *«глас Господа, стрясаящего пустыни, и стрясет Господь пустыню Каддѣйскую»*. (Пс. 28:8)

«В 1812 году, страх нашествия французов понудил нас оставить любезную пустыню. Я уехал в Свенск, куда прибыл 10-го августа, вслед за Преосвященным Серафимом (бывшим впоследствии Митрополитом С.-Петербургским), ехавшим тогда из Минска. Вместе с возвращавшимся к вечеру крестным ходом, вокруг обители, мы вошли в собор. Иеродиакон возгласил многолетие Царской Фамилии, а Настоятель О. Игумен Амвросий, заметив за столпом духовную особу со звездой на груди, сам возгласил: «И о здравии Преосвященного Владыки, здесь присутствующего)». Он пробыл в Свенской обители около двух недель».

«Не много поживя в Свенске, я по приглашению О. Серафима (бывшего Свенского Казначая, а в то время уже Настоятеля Белобережской пустыни) переехал на жительство к нему. Он сперва, дал мне, уединенную келью за монастырем в лесу, в которой незадолго перед тем (в 1808 г.) добрым подвигом подвизались, в пустынном безмолвии, три Старца духовной жизни: бывший строитель сей пустыни О. Леонид; его спостник схимонах О. Феодор и иеросхимонах Клеопа¹⁰. А потом я перешел в монастырь, где ходил за добродетельным

Старцем схимонахом Афанасием (учеником Молдавского Старца Паисия), скончавшим дни свои в Площанской пустыни в 1823 году на руках иеромонаха Макария¹¹. Потом, когда миновался страх нашествия, я возвратился опять в свою любезную Рославльскую пустыню, где и прожил еще восемь лет».

«В 1816 году (в год поступления брата моего Александра к нам в пустынножительство) мы отправились с ним на богомолье в Киев. Нам сопутствовал некто странник О. Павел, знавший хорошо все святые русские места. Мы прибыли в Киев 4-го сентября, а 7-го приехал туда Государь Император Александр Павлович. Он изволил слушать обедню в пещерах; никого из посторонних не пускали; но мы, благодаря ходатайству всех знающего и всеми известного проводника нашего, были допущены. Государь сам подпевал певчим и внимал Божественной службе с чувством сердечного умиления, выражавшегося слезами. Встречал Императора, по чиноположению, Митрополит Серапион. Государь милостиво принял поднесенные иконы. Когда мы пришли к Митрополиту просить его напутственного благословения, Старец удержал нас еще на сутки, ибо намеревался на другой день сам служить литургию в пещерах, и дал нам на благословение один из больших, нарочито приготовленных для Государя благословенных хлебов, сказав: «Это Вам на благословение, и всем пустынножителям разделите!». Были мы также обласканы и Наместником Лавры, тогда еще иеромонахом Антонием, скончавшимся в сане Архиепископа Воронежского. Ехали обратно на Сафрониеву пустынь, где были знакомы нам Старцы: Настоятель Игумен Варлаам, Казначей Герман, Духовник Симеон, – все из учеников О. Архимандрита Феодосия, ученика мудрого Старца Василия Поляномерульского, которого учеником и постриженником был и Старец Паисий Величковский.

«Вместе с нами из Киева выехал иеромонах Исаакий, по приглашению коего заехали в единоверческий Максаковский монастырь, где он и остался на время¹². Далее посетили Глинскую пустынь (Курской губернии), где тогда жил О. Василий

Кишкин, бывший Велобережский Строитель; он принял нас с любовью и приглашал остаться здесь навсегда. Заезжали и в Площанскую пустынь, где в первый раз видели О. Макария, тогда еще бывшего в сане иеродикона, а в проезд чрез Орел видели известного Старца, Игумена Филарета, Настоятеля Глинской пустыни; наконец через Белые берега и Свенский монастырь, возвратились в свое пустынное пребывание».

«В 1819 году, ездили вдвоем с братом в Оптину пустынь на одной лошадке. Причем познакомились с тамошними старцами иеросхимонахом Иеремею (духовником обители), О. Феофаном и учеником его Варлаамом (в схиме Вассианом).

«Впрочем, О. Феофана мы уже знали: он еще прежде приходил к нам в пустыню погостить, а в этот раз сказал, что придет провести весь великий пост у нас. Мы сказали: «Добро пожаловать, милости просим». О. Феофан, уроженец Владимирский, был на службе Черноморского казачьего войска; до пострижения именовался «казак Феодор Талунин». Жил первоначально в Софрониевой пустыни, а потом ушел в Молдавию, где пребывал у Старца Паисия, а по кончине его возвратился в Россию и поступил в братство Оптиной пустыни в 1800 году.

«В крайнем нестяжании и кротости духа, деятельную добродетель поста, молитвы и поклонов, он проходил с горячею ревностью. В продолжение первой и последней седмицы великого поста не вкушал ничего; в прочие посты, принимал пищу на третий день. Так приготавливаясь, постепенно, он, по ревности к подвигам постническим, решился наконец, вступить в великую меру вышеестественного подвига».

«Придя к нам в пустыню перед началом Св. Великого поста (1819 года), он объявил мне, что намерен провести всю Св. Четыредесятницу без пищи: «я верую, говорил он, что не умру от поста. – Буди по вере Твоей», отвечал я, не смея, ни отклонять его от сего намерения, ни утверждать в оном. Феофан поместился у нас в прихожей; он носил с собою написанный на полотне образ Распятия Господня, пред которым совершал свое молитвенное правило. И так, вступая в сей чрезмерный подвиг, О. Феофан положил не употреблять пищи и

не ложиться спать. Сверх обычной вседневной службы, исправлял келейное правило, и правило его было большое – до 800 поклонов; он во время сего правила, чтобы не упасть от изнеможения, надевал особые нарукавники, привязанные шнурами к крючьям, на которых висела на стене икона, и так простаивал на молитве целыя ночи. Сверх того сам топил печку, помогал нам петь и постоянно виден был бодрым. Во весь пост он не вкусил ничего и только однажды в неделю употреблял воду, смешанную с уксусом, от сухости во рту. В одно время, заметив его в истощании, я сказал ему: «Отче, ты очень изнурил себя». Феофан отвечал на это: «нет, Христос Спаситель излил всю свою кровь до последней капли, а во мне еще много найдется крови». Выдержав с Божью помощью, сей подвиг неослабно, он приобщился Святых Христовых Таин. Впоследствии, он ревновал паки на тот же подвиг, но от простуды заболел жестоким кашлем, и, постоянно оскудевая в телесных силах, отошел ко Господу 15-го июня, того же 1819 года. За несколько минут до кончины, я спросил его: «Покойна ли твоя душа, не страшится ли чего в часе смертном?» – Он отвечал: «Я с радостью желаю разрешиться от жизни сей». И тут же стал кончаться; занес руку для крестного знамения и предал дух свой в руки Божии. – Погребен в пустыне.

Так закончил рассказ свой, о пустынной жизни О. Архимандрит Моисей. Сказание его, было тогда же записано с его слов одним иеромонахом и в первый раз напечатано в Домашней Беседе в 1862 г. – Возвращаясь мысленно к этой жизни старцев в лесу, нельзя не признать, что главнейшими событиями в течение ее были: пострижение О. Моисея в монашество и прибытие к нему младшего брата его Александра, для водворения с ним на всегдашнее жительство. Александр сам стремился в монастырь и думал поместиться в Саровскую пустынь, но, получив в одном из писем к нему О. Моисея приглашение приехать к ним в пустыню, последовал этому приглашению и приехал в Рославльский лес 15-го января 1816 года. Тотчас же, одели его в послушническое платье, а после четырехлетнего искуса, 2-го февраля 1820 года, иеросхимонах Афанасий, постриг Александра келейно в

монашество, назвал Антонием и поручил его О. Моисею, советами которого, Александр и прежде руководился. Но теперь был уже предан ему как восприемному отцу от Евангелия и во всю жизнь хранил к нему великое благоговейное послушание. Сам же О. Моисей, как мы видели, был пострижен в монашеский образ также келейно, тем же старцем Афанасием и поручен им от мантии другому пустыннику О. Досифею. Обоих этих Старцев О. Моисей весьма почитал и в письме своем к брату Антонию из Москвы, от 15-го декабря 1820 года выразился так: «Батюшкам моим О. Афанасию и О. Досифею низайше кланяюсь и прошу их благословения и св. молитв». В другой собственноручной записке¹³ О. Моисея, о которой мы упомянули выше, сохранились такие строки: В 1811 г., получив 16 марта, новое свидетельство (увольнительное от купеческого общества), по совету иеросхимонаха Алексея Симоновского, расположился я испытать себя по первоначальному желанию своему в пустынном уединении, отдельно от монастыря, и, слыша о Старце иеросхимонахе Афанасии, живущем в Смоленской губернии, Рославльской округи в лесной даче помещика Броневского Демьяна Михайловича, прибыл туда и был оным Старцем помещен в сожителство с ними». – Сопоставляя эту записку с уцелевшим в бумагах О. Моисея черновым письмом его, неизвестно кому и когда писанным, но судя по твердости почерка и качеству бумаги, относящемуся скорее всего ко времени его пребывания в Рославльском лесу, приходим к заключению, что не случайно, а вследствие душевной потребности избрал О. Моисей, своим Старцем О. Афанасия. Вот это замечательное письмо О. Моисея:

«Может быть падет на тебя жребий ехать в С.-Пб. к Настоятелю, в чем ни малого не покажи прекословия, если хочешь быть в благополучии. Возьми в пример, собственное мое искусство; в каких я бедствиях был, следуя своей воле. Почему, как любезному другу, тебя накрепко подтверждаю и принять за заповедь Божию, а не человеческую, советую, чтобы ты ни от какого положенного на тебя дела не отрицался, и ни на что сам не назывался, и когда сие сохранишь совершенно, то и в тягчайших трудностях благополучие увидишь, и меня

помянешь добрым словом. Когда же ты чего прилежно сам искать будешь, или отречься, то поверь, во всю свою жизнь горько сожалеть будешь. Я тебе сие не от разума, но от опыта, и опыта примерного пишу, как другу любезному. Ты человек молодой, нужно и полезно тебе будет, ежели только Бог сподобит быть и в С.-Пб., ты можешь много приобрести полезного, чего ты теперь совсем и не понимаешь, воображая, что ты совершен уже. Поезжай, поезжай, буде Бог тебя позовет, а мшелоимство¹⁴ искорени, нужное имей только»... (Конца нет)».

Нам неизвестно, в чем состоял «примерный опыт О. Моисея» и «в каких бедствиях он был, следуя своей воле», но из соображения всех обстоятельств его жизни с достоверностью можно предположить, что и бедствия эти и опыт, относятся ко времени, предшествовавшему поселению в Рославльском лесу; в это последнее время, он, как видно из писем его к О. Антонию, пользовался миром душевным. – Хотя и с ранней еще молодости О. Моисей прибегал, как мы видели, к советам Старцев духовной жизни, но, вероятно, советы эти, обнимали не всю его деятельность, и ему оставалось еще многое решать самому собою, на основании учения Св. Отцев. Такие решения, при неопытности в жизни, были без сомнения с ошибками и не могли доставить ему тогда прочного мира душевного. Мир этот бывает следствием совершенного отсечения своей воли и предания себя в полное послушание Старцу. Вероятно тревоги душевные и «бедствия» мысленные, заставили его искать твердой и верной, хотя и трудной, стези иноческой жизни, о которой О. Моисею приходилось много читать в книгах Св. Отцов: Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея и прочих, разумением, стезю совершенного послушания и полной покорности духовному наставнику с отсечением своей воли и своих разумений. Таким наставником был для него О. Афанасий, избранный по указанию О. Алексея Симоновского.

Иеросхимонах Афанасий был старец простой нравом, но духовно–мудрый по жизни: украшенный деятельными добродетелями; он пребывал в совершенной безпопечительности обо всем житейском, хранил духовное

трезвение и имел дарование умной молитвы. От всегдашнего молитвенного состояния, лицо его было румяно, так что незнавшие его, могли думать, что он употребляет хмельные напитки. В пример его безпопечительности О. Архимандрит Моисей впоследствии в назидание другим, рассказывал о нем следующее: «Однажды спросил я своего Старца, не истопить ли печку?» – Он сказал: – «Хорошо». – Я и спрашиваю: сколько положить дров, побольше или поменьше? – Уж как сам знаешь. – А если для Вас, Батюшка, будет холодно? – Оденусь в шубу – А если жарко будет? – Я дверь отворю». Старец скорее соглашался терпеть холод или излишнюю теплоту, чем каким-либо внешним попечением отвлекать себя от молитвенного внимания и богомыслия.

Находясь десять лет под руководством такого мужа, О. Моисей и сам приобрел великую сосредоточенность, кротость, дар молитвы и внимания себе. Все эти дарования были присущи ему и потом во всю жизнь его, не только в пустынном безмолвии, но и во время многотрудной и многопопечительной его деятельности настоятельской, когда они особенно и проявлялись. Может быть, пустынное возделывание самого себя и находило в нем, уже готовую почву в его природной склонности к молчанию и сокровенности от других, может быть и общение с молчаливыми Старцами, имело на него такое влияние; но только О. Моисей, как мы его знали, был весьма молчалив, любил краткословие и очень не охотно говаривал о самом себе. Брат его О. игумен Антоний, также ничего не сообщал о сокровенном делании О. Моисея, да может быть и не знал о нем, а судил только по плодам. В виду всего этого, мы были бы в немалом затруднении, и не могли бы ничего сказать о внутренней жизни О. Моисея, в период пребывания его в пустыне, если бы Промыслом Божиим, не сохранилось несколько листков синей бумаги, из числа тех, на которых О. Моисей иногда записывал свои действия, мысли и намерения. Вероятно, таких листков в течение десяти лет, написано было не мало, но они утратились, и до нас дошло только шесть страничек, очень малого формата; эти странички говорят только

о пяти днях 1819 года, но как много говорят! – Вот они слово в слово:

Ноября 15-го 1819 года. По принесении молитвы исповедания грехов слагался¹⁵ в сердце, на все следующее время блюстися опасно, чтобы не ужинать отнюдь, ибо бесчисленно страдал от того и искусом наставлен, что нет лучшего средства к благоустроению души, как вкушать пищу по однажды в сутки. Господи, не остави мене, вонми в помощь мою, отселе воздержатися от вечерняго употребления пищи и в обеденном трапезовании не пресыщаться и принять искус употребления одного рода пищи.

16 Ноября. По духовном беседовании с братом А. о пользе души, усмотрел после в мысли своей за необходимо нужное помнить следующее: не начинать никогда говорить брату о пользе души и о всяком исправлении, также и не выслушивать объяснения его без обращения прежде ко Господу ума своего, с требованием себе и брату Его вразумления, и говорить потом с воображением присутствия Божия. По беседе же, с обеих сторон, должны паки обратиться ко Христу Спасителю и помолиться о помощи Его во исполнение Евангелия и всеблагой воли Его, каковую могли выразуметь при собеседовании нашем. Да не в праздности будет совещание наше, но поминая глаголы Господа нашего Иисуса Христа: *яко аще два от вас совещаеца о вещи и просита от Отца Моего во имя Мое даст вам (Мф. 18:19)*, будем от сего в несомненной надежде о всяком исправлении нашем.

Того же 16-го. По вечери между чтением о трезвении и молитве пришло на память призывать молитвы братии и других известных лиц духовных смирения ради в мысли, и действительного, их ради молитв, пособия о Христе Иисусе Господе нашем, на все борющиеся и упорно стоящие помыслы и страсти.

Молитва о пользе братии

Самого Христа Спасителя нашего, преданная молитва на всякую потребу нашу ко временной и вечной жизни есть сия: Отче наш: а по ней, аще не погрешительно будет, да благословит всещедрый Господь и сию читать с верою и благоговейным смирением:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Щедрый и милостивый, долготерпеливый и многомилостивый, многоблагодарный, человеколюбивый, незлопомнивый и истинный, не прогневайся на ны зело, ниже помяни беззаконий наших, но призри и ныне яко благоутробен и избави ны от врагов наших. Спаси Господи и помилуй раба Твоего, брата моего (имя рек). Подаждь ему, Господи, ведение, память и бодрость в делание советуемых ему заповедей Твоих, душевный мир и телесное здравие во исправление дела послушания, да со страхом Твоим и смиренною мыслью, без размышления и роптания и всякаго преткновения лукаваго исполнить все нужное в простоте сердца, сообразно с пресвятою волею Твоею. Без Тебе бо, Владыко Господи, ничтоже можем благо и благоугодно творити. Того ради дерзаю аз недостойный и всякаго греха исполненный молить благость Твою: даруй нам истинный разум и силу во всем сотворити волю Твою; да ни делом, ни словом, ни помышлением прогневаем Тебе, Создателя нашего; но вся дела наши, советы и помышления да будут во славу пресвятаго имени Твоего, молитв ради Пречистыя Матери Твоея, предстательством честных небесных Сил безплотных, святых Ангелов хранителей наших и преподобных и богоносных Отец наших, Иоанна Дамаскина, Акакия иже в лестнице, Досифея и всех Твоих святых. Аминь!

1819 года Декабря 14-го. Сподобился я благодатию Христовою приобщиться Св. Таин с желанием положить начало благое, еже блюсти заповеди святыя. В сей день воскресный 29-й недели апостол читался к Колоссаем зачало, – Евангелие от Луки зач. 85-е лист 147-й. На сие читалось толкование Св.

Феофилакта Болгарского, Никифора Астраханского, Св. Димитрия Ростовского и Преосвященного Амвросия Новгородского. Поучения Св. Исаака Сирина слова 58 и 59. Полагаю все оное за основание моего предложения, чтобы всегда поучаться в самом деле по оному.

После того, занимавшись правилом, пришло мне на мысль: исправя с Божью помощью, труд поста обучением себя в одном роде простой пищи, начать хранение уст, в разуме грехов своих и недостойства еже глаголати, за нечистоту и неисправленность сердца и ума моего: чтобы вовсе не говорить устно ничего ни с кем, а по крайней нужде изъясняться через брата, краткими словами на письме полу-уставом. – Боже! Помогите мне сие начати и начатое совершити, определяя лучше умереть, нежели начатое нарушить и не совершити. Для сего призывать в помощь Св. Димитрия Ростовского и Феофилакта Болгарского.

Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожительствовавших со мною братьев, чтобы их погрешности, видимыя мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Равномерно и им мои погрешности должно принимать на себя, с исповеданием пред Богом. И так да даст Господь разум и силы друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов, любовь и мир. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои.

Декабря 31-го. На предложение Старца О. Ар. взять для обучения грамоте и письму Д., я без всякого противоречия согласился, нисколько не относясь молитвою к Богу и не обдумавши. Для того за непременной долг полагаю впредь наблюдать память Божию и не решаться ни на какое предложение, не помолившись довольно Богу и не размысливши, согласно ли (оное) с волею Вышнего и с силами моими. – Господи! Дажь мне помощь отселе положить сего чина начало.

Какой тихий, но ясный свет проливают эти записки на внутреннюю жизнь О. Моисея в пустынной его кельи. Сосредоточиваясь всегда в самом себе, содержа в памяти

слова Спасителя о молитве: *егда молишия вниди в клеть твою, и затворив двери твоя помолися Отцу твоему, иже в тайне, и Отец твой видяй в тайне воздаст тебе яве* (Мф. 6:6.), О. Моисей и молился в тайне и тщательно скрывал от всех свое внутреннее делание. Но вот от полноты сердца рвутся иногда и его уста сказать, что у него на мысли, на душе. Однако верный самому себе, он и тут не проговаривается, но берет клочек синей бумаги и записывает на нем свои думы и намерения. Записал и кладет эту бумажку в сторону, к другим таким же записочкам, а сам опять скрывается мыслью внутри себя и продолжает трудиться в глубине сердечной. Проходят годы, старцы переселяются из пустынного леса на другое место жительства; келейные записки О. Моисея пропадают одна за другою, или может быть, он сам их уничтожает. Потом и О. Моисей и ближайший сотаинник его в пустынножительстве О. Игумен Антоний кончают свой подвиг и отходят в вечность. Кажется, некому более сказать о них, как они жили в пустыне, что думали и предпринимали там, но синяя бумажка не пропадает, не случайно, а конечно действием Промысла Божия, она сберегается среди книжного хлама и через шестьдесят слишком лет после того, как была написана, из темного уголка чулана, является на свете, поднимает перед нами завесу всегдашнего молчания О. Моисея о самом себе и ярко освещает его сокровенное Евангельское делание в пустынном безмолвии: его строгий там пост, его бдительность над собою, жажду совершенного молчания, прилежное чтение Слова Божия и писания Св. Отцев подвижников, его молитвенное, при всяком деле, обращение к Господу Богу и хождение пред Ним, как бы в виду Его присутствия, по слову псалмопевца: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15:8). Наконец и силу его характера, и его любовь к братьям, с которыми он жил, и для которых служил примером строгого подвижничества и послушания Старцу. Много, много говорит о нем эта синяя бумажка внимательному читателю.

Какие были, кроме вышеупомянутых молитвословы, келейные, молитвенные подвиги О. Моисея в Рославльском уединении, это, к сожалению, осталось для нас тайною, ибо и

сам он, как мы упомянули выше, и брат его О. Игумен Антоний, не любили говорить об этом и отклоняли всегда подобные вопросы.

В свободное от молитв время, главным занятием О. Моисея было чтение и переписывание книг Св. Отцев подвижников. Еще в бытность свою в Свенском монастыре в 1810 году и в Белых берегах в 1813 году, он переписал полууставом, с переводов Молдавского Старца Паисия Величковского, книгу Св. Иоанна Лествичника, житие Симеона нового Богослова, поучительные слова его и Стишную его книгу. В Рославльском лесу у Старца О. Афанасия, он нашел многие другие рукописи Свято-Отеческих книг, переведенных тем же Старцем Паисием и, пользуясь этими духовными сокровищами, а также и другими книгами, составил вместе с братом своим Антонием несколько рукописных сборников выписок из поучений Св. Отцев. Эти замечательные сборники хранятся в библиотеке Оптиной пустыни и содержат в себе, изложенный в последовательном порядке правила христианской жизни, особенно монашеской, и свидетельствуют о том, с каким вниманием и разумением, оба брата читали творения Духоносных Отцев. Вот заглавия этих сборников: 1) *О подвижничестве иноков*, в трех книгах. 2) *О покаянии и спасении души*, в трех книгах. 3) *Уединенное поучение*, в двух книгах, и 4) *Душевная пища для всегдашняго употребления*.

До глубокой старости О. Моисей (равно как и Антоний) не оставлял чтения духовных и других общепользных книг и потому имел обширные сведения, не только о духовных предметах, но и о других отраслях человеческих знаний. Замечательно еще, что по особенному благоговению к книгам Св. Отцев братья подвижники, О. Моисей и О. Антоний, живя в Рославльском лесу, старались и читать и писать их стоя, и это – после продолжительного стояния на молитве.

По благословению своего Старца, О. Моисей построил и малую келью, которую называл первым опытом своего зодчества, и распоряжался по своему усмотрению, их малым хозяйством. Когда странник или прохожий заходил в их пустынное уединение, то О. Моисею поручалось, оказать ему

странноприимство, и он исполнял это с особенным радушием, с приветливостью и любовью, так что кроме хлеба, для каждого гостя из скудных своих припасов приготавливал какую-нибудь горячую пищу, щи или похлебку. За такое свое страннолюбие, он при пострижении и был наречен Моисеем в память преподобного Моисея Мурина¹⁶, отличавшегося страннолюбием. Так еще здесь проявлялись в нем черты, которые впоследствии столько прославили гостеприимного и нищелюбивого Оптинского Настоятеля.

Главный труд пустыни – молитва и прилежное изучение Писаний Св. Отцев, не прошел бесследно для ума и сердца О. Моисея. Обогащенный большими познаниями, при постоянной духовной практике, в обращении с братьями, руководя и поддерживая их, согласно советам О. Афанасия, О. Моисей незаметно для себя самого возрос в мужа добродетельного и крепкого духом, в уповании на Господа. Кроме братий, живших с ним в лесу, руководство его простиралось и на семейство помещиков, давших им приют и снабжавших их хлебом насущным. Это последнее руководство, как мы слышали лично от покойного Старца О. Макария, было особенно тягостно для О. Моисея, потому что лишало его, по временам пустынного безмолвия. По благословению своих Старцев, он вместо них должен был от времени до времени посещать семейства помещиков и вести с последними, довольно частую переписку. Отрывки этих писем, дошедшие до нас, равно как и письма из Рославльского леса О. Моисея к О. Антонию, носят отпечаток замечательной духовной опытности, силы слова и духовного разумения жизни и отношений между людьми¹⁷.

Возросший и окрепший духовно в пустынном десятилетнем безмолвии, О. Моисей был переставлен Промыслом Божиим, как горящий светильник, для пользы общей, на свещник иной деятельности, и вот как это случилось.

В конце 1820 года О. Моисей имел надобность побывать в Москве и на обратном пути оттуда вздумал снова посетить Оптину пустынь.

Обитель эта, возобновленная в конце прошедшего столетия, попечением Митрополита Платона, продолжала мало

по малу благоустраиваться под отеческим вниманием к ней, тогдашнего Калужского Архипастыря Преосвященного Филарета, впоследствии Митрополита Киевского. *Любя от самой юности всей душою монашеское житіе,*¹⁸ сей Преосвященный, часто посещал монастыри вверенной ему епархии. Он пленился красотою места, занимаемого пустынью и удобством, которое представляли ее лесистыя окрестности, к прохождению уединенного, пустынного жития, по примеру древних Св. Отцев, и в сердце Святителя родилась благочестивая мысль, основать при Оптиной пустыни скит, как для того, чтобы доставить желающим средство к более безмолвному житию, так равно и для того, чтобы в духовном отношении, навсегда укрепить любимую им обитель. Зная по слухам о подвижнической жизни Рославльских отшельников, Преосвященный на них обратил свое внимание и желал поручить им устройство и управление, задуманного им скита. Когда О. Моисей посетил Оптину пустынь, Настоятель ее, Игумен Даниил, зная о благом намерении Преосвященного Филарета, представил ему О. Моисея. Отчески милостиво принял его монахолюбивый Владыка и советовал переместиться с братию в его епархию, дабы принять на свое попечение заведение и устройство скита, в любом месте леса, принадлежащего Оптиной пустыни. До той поры О. Моисей, вовсе не помышлял перемещать своего уединенного жительствова, но при свидании с Оптинским схимником О. Вассианом, (по его собственным словам) «несколько был поколеблен от основания своего». Потом, будучи привлекаем благосклонностью Архипастыря и вниманием Игумена Оптиной пустыни Даниила, хотя и соглашался на исполнение их общего совета, но не мог совершенно решиться последовать ему без свидания и совета со своими старцами и сожительствующею братию, почему и отправился в место, своего жительствова. Возвратясь в свое уединение О. Моисей вручил старцу Афанасию письмо к нему Преосвященного Филарета такого содержания:

Преподобный Отец Афанасий,
Возлюбленный о Господе брате!

Брат Ваш, а мой сын по духу, схимонах Вассиан возвестил мне, что Вы имеете желание, для удобнейшего прохождения, подвигов монашеской жизни, избрать себе и с единомышленными вам братьями, уединенное место, при Введенской Оптиной пустыни. Тоже самое, подтвердил и Отец Моисей, бывший у меня проездом в Москву. Таковое желание Ваше, считая особенною милостию Божиею, к моему недостоинству, я готов принять Вас и других пустынножителей, которых Вы с собою взять заблагорассудите, со всею моею любовью. Я Вам позволяю в монастырских дачах, избрать для себя место, какое вам угодно будет, для безмолвного и отшельнического жития, по примеру древних Св. Отцев пустынножителей. Кельи для Вас будут изготовлены, как скоро вы изъявите свое на то согласие. От монастырских послушаний, Вы совершенно будете свободны; уверяю Вас пастырским словом, что я употреблю все мое попечение, чтоб Вас успокоивать. Любя, от юности моей, от всей моей души монашеское житие, я буду находить истинную радость в духовном с Вами собеседовании.

Призывая на Вас, благословение Божие, и моля Господа Иисуса Христа, да совершит Он благое желание Ваше, с моим истинным к Вам почитанием и братскою любовью, имею радость быть

Вашего Преподобия,
усерднейший слуга и Богомолец, Филарет Епископ
Калужский.

1820 года. Декабря 15 дня
Оптинская обитель.

Р. С. И настоятель теперешний, О. Игумен Даниил, очень рад будет пришествию Вашему. Он человек весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите.

О. Моисей при этом подробно объяснил, единомысленной с ним братии, те удобства в духовной жизни, которые представлялись во вновь устрояемом скиту при Оптиной пустыни, под покровительством такого Боголюбивого Архипастыря, каков Преосвященный Филарет. Предложение О. Моисея было принято с радостью, и на общем совете согласились последовать сему приглашению, признав его за

звание Божие, особенно еще потому, что в это же время попусшением Господним, мирное их безмолвие, начало подрываться притязаниями окружного земского начальства.

Вследствие этого решения, О. Моисей немедленно отнесся, как к самому Преосвященному Филарету, так и к Оптиному Игумену О. Даниилу, письмами следующего содержания:

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Отец и Архипастырь!

Я недостойный, имевши счастье пользоваться Вашею Архипастырскою милостию, в проезд мой до Москвы и обратно, хотя не полагал никакого намерения перемывать свое убогое жилище, кроме таких вин, которые разве невольным бы образом принудили к тому; но при свидании с честнейшим отцом Вассианом, его любовью и достойным образом жизни, от основания моего несколько был поколеблен. Когда же сподобился видеть Вашего Преосвященства ко мне ничтожному снисходительность и слышать пастырский глас, советующий, к моей и прочих выгоде, переместиться в уединение при Оптиной Введенской пустыне, на скитскую жизнь, совершенно сделался убежден и, без сомнения, принял сердцем Архипастырский совет Ваш за звание Божие, которому я с радостию расположен следовать, уповаю на Ваши Святительские молитвы и отеческое о всех нас попечение. Также, соответственно Вашей Архипастырской кротости и любви, чувствовал с уверенностью и пречестнейшего отца игумена Даниила добродушие, что все весьма привлекает. По возвращении моем, до своего жилища, когда письмо Вашего Преосвященства вручил я О. Афанасию и братьям, сожительствующим со мною, все подробно объяснил, какие можно иметь выгоды душевные и безопасность в уединенной жизни при обители, под покровительством Вашего Преосвященства, они все то, приняли с радостью и объявили себя со мною совершенно согласными. И так, когда воля Вашего Преосвященства о принятии нас на уединенную жизнь есть такова же, как благоволили объявить, то я нижайший с братьями моими теперь, единодушно возложившись на волю и промысл Отца небесного, осмеливаюсь решительно припасть к Святительским стопам Вашим и всеусерднейше просить, с

истинною преданностью, благоволите, Преосвященнейший Владыко, принять нас в Ваше Архипастырское милостивое покровительство и на назначенном месте дозволить заняться благодетелю нашему Димитрию Васильевичу Брюзгину нужным приготовлением для скита. Мы располагаемся отсюда выбраться по просухе, как только удобно будет ехать; между тем желательно осведомиться о воле Вашего Преосвященства в рассуждении решимости нашей; о чем соблаговолите, Милостивейший Архипастырь, приказать уведомить нас. Предал себя навсегда Вашей Архипастырской воле и святейшим молитвам, имею счастье быть.

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Отец и Архипастырь,
Ваш всенижайший и покорнейший послушник, недостойный инок Моисей, вкупе с братьями.

1-го Апреля 1821 года

Пустынь.

Ваше Высокопреподобие,
Всепречестнейший Батюшка Отец
Игумен Даниил!
Благословите!

Пользовавшись отеческим приятием Вашим, побужден изъявить Вашему Высокопреподобию мою чувствительнейшую благодарность, и притом донести о себе, что привлекаем, будучи Архипастырскою благосклонностью и Вашею и Отца Вассиана любовью, сердечно соглашался на перемещение, под покровительство Его Преосвященства и Ваше, в назначаемый при обители вашей скиток; но, не выдавшись со старцами здешними и с сожителствующими со мною братьями, не мог совершенно решиться, теперь же, по свидании моем с ними, находя их со мною согласными, решаюсь совершенно оставить здешнее место, и возложившись на Божий Промысл, поступить по воле Его Преосвященства в назначенный ските; о чем я нижайший и имел дерзновение на сей же почте отнестись к Архипастырю письмом, на которое ежели последуете, Его Преосвященства благоволение, то должен по просухе отправиться отсюда; между тем, предал

себя навсегда Вашим святым молитвам и отеческой хриstopодражательной любви, о которой предварительно Ваше Высокопреподобие всеусерднейше прошу, и с истинною моею к Вам преданностью и высокопочитанием имею счастье остаться, Вашего Высокопреподобия всенижайший послушник, недостойный инок Моисей с братьями.

Не смотря однако на все, невидимому, столь благоприятная обстоятельства, Рославльские Старцы иеросхимонах Афанасий и О. Досифей не решились тотчас оставить свое безмолвное пребывание, предоставляя это дальнейшему усмотрению, по совершенном устройстве предполагаемого скита¹⁹. Отец же Моисей с О. Антонием и двумя преданными им монахами, Иларием и Савватием, исполняя волю Боголюбивого Архипастыря, оставили Рославльские леса и отправились в вожденный путь, сопровождаемые благословениями своих старцев.

Глава 3. Пребывание в скиту при Оптиной пустыни (1821–1826 гг.)

Можно себе представить, в каком спокойном экипаже, с какими удобствами в пути, двинулась в дорогу, эта колония пустынников и на постоянном месте своего жительства в Рославльском лесу, питавшихся по большей части сухим хлебом и репою. Там жили они в кельях, тесных до крайности, ежедневно вставали с полуночи на славословие Божие, проводили день в трудах, а полнощи, начиная с полуночи, в молитвенном служении Богу. Без сомнения и все время путешествия их прошло среди внутренней молитвы и внешних лишений и трудов всякого рода. Но, так или иначе, оно прекратилось 6-го июня 1821 года. Четыре пустынножителя, под предводительством О. Моисея достигли Оптиной Пустыни, повидались здесь с ее настоятелем Игуменом Даниилом, и по его благословению, временно поместились на монастырской пасеке неподалеку от Обители.

Отдохнув и оправившись с пути, О. Моисей и О. Антоний поспешили в Калугу, чтобы явиться Преосвященному Филарету. Монахолобивый Владыка, принял их отечески милостиво и рад был их приезду, как началу исполнения его благого желания. После духовной беседы о правилах для скитской жизни, по духу святых пустынножителей, О. Моисей получил от Владыки пастырское наставление и благословение на избрание места для Скита в лесу около Оптиной Пустыни.

Посоветовавшись между собою, приезжие заняли место на восточной окраине монастырского владения в 170 саж. от Обители, вблизи малой монастырской пасеки. Здесь среди густого леса из вековых сосен и порослей липы и орешника стоял маленький домик, в котором в начале XIX столетия подвизался 12-ть лет благочестивый старец Иоанникий, смиренный схимонах, скончавшийся в 1815 году.

Составив план, будущего Скита²⁰, О. Моисей с Игуменом Даниилом представили его Преосвященному Филарету. Владыка Калужский, немедленно утвердил его такой

резоллюцию: «1821 года 1июня 17-го дня. По сему начертанию, строить скит да благословит Господь Бог, и благодатью Своею да поможет совершить».

Получив, благословение Архипастыря и призывая в помощь имя Господне, О. Моисей с братию приступили к делу, будучи обеспечены в начальных издержках помощью благодетеля своего, Козельского гражданина Димитрия Васильевича Брюзгина, который пожертвовал на постройку скита 1500 руб. ассигн. Вместе с тем нашлись и другие благодетели, между которыми занимал видное место Н. Самгин, пожертвовавший в августе месяце триста рублей и потом сделавший на свой счет плащаницу и другие церковные вещи для новопостроенной скитской церкви.

Главный труд состоял в том, чтобы очистить избранное место от громадных сосновых деревьев. Ревностно занялись этим приезжие отшельники и О. схимонах Вассиан. Собственноручно трудились они изо дня в день, помогая небольшому числу нанятых рабочих, то в рубке толстых сосен, то в выкапывании их глубоких и тяжелых разветвленных пней.

Из срубленного на месте леса, скитяне выстроили себе на первый раз небольшую келью на юго-западной стороне и жили в ней все пятеро вместе, общежительно. Потом обнесли все расчищенное место досчатым забором, и наконец приступили с благословения Преосвященного к построению скитской церкви во имя Собора Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. По воле Архипастыря этой церкви присвоивалось название «домовой для архиерейского приезда», вследствие чего и предположено было строить западную часть ее по домовому расположению.

26-го октября 1821 года О. Моисей писал своему родному дяде Ивану Ивановичу Путилову: «Благодарение Богу, мы находимся, живы и здоровы. По благословию Владыки, на новом месте три месяца трудились, по мере сил наших, около строения кельи святого храма, и тем, с помощью Божию, полагая основание нашей здесь жизни, чувствуем в себе надежду к спокойствию и пользе душевной под покровом

Обители святой, и благодарим Бога, что привел нас сюда. Благодарим и Вас за бывшее полезное советование к тому».

Из других современных этому писем О. Моисея к Н. Самгину видно, что до 1-го ноября 1821 года построено было кроме церкви, только два дома братских келий, а в ноябре прибавился еще один домик, так что 21-го декабря того же года О. Моисей мог уже написать к иеромонаху Августину, бывшему в то время настоятелем Цивильского монастыря: «Выстроены уже три кельи и храм во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня». Но средства для продолжения построек окончательного устройства церкви оскудевали со дня на день, и это оскудение вынудило О. Моисея поехать в декабре месяце 1821 года за сбором в Москву. Из этой поездки он возвратился в скит с немалым трудом, в повозке, настолько нагруженной, что и самому сидеть едва было можно, а дорога была очень тяжела, как сам он писал своим московским родным, но цель была достигнута. Труды сбора принесли желаемый плод, так что скитская церковь, через шесть месяцев после закладки была совершенно окончена и снабжена приличною утварью церковною. Торжественное освящение ее по благословению Преосвященного Филарета было совершено настоятелем Оптиной Пустыни Игуменом Даниилом 5-го февраля 1822 года.

Вскоре после этого на сырной неделе, продолжавшейся в том году с 6-го до 13-го февраля, Преосвященный Филарет посетил Оптину Пустынь, и О. Моисей просил его дозволения быть постриженным в великий ангельский образ (схиму), но Владыка ответил ему на это: *«Неуприде время»*. О. Моисей, как сам рассказывал нам впоследствии, никогда не думал и не желал принимать священного сана, а желал только уединенной жизни; но мудрый епископ провидел в нем деятеля, способного принести пользу многим, и потому не согласился на его пострижение в схиму. Владыка знал, что О. Моисей был пострижен в монашество О. Афанасием в пустыне, и сам вполне признавал это пострижение; но для соблюдения должного порядка представлял в Св. Синод, прося дозволения постричь О. Моисея, и получив это дозволение, благословил О. Моисею с 3-го июня 1822 года носить монашескую мантию.

Вероятно, к этому же времени относится и прошение к Преосвященному Филарету, начисто написанное О. Мойсеем собственноручно и сохранившееся в бумагах, но без пометки года и числа. Вот это прошение слово в слово:

Ваше Преосвященство
Преосвященнейший Владыко
Всемиловитейший Отец и
Великий Архипастырь!

Во время посещения Вашего Преосвященства обители нашей на сырной неделе, когда я недостойный дерзал напомнить о крайнем желани моем, чего душевно жажду, услышал от Святительских уст Ваших в ответ, что не у прииде тому время. С тех пор непрестанно ожидая милостивого призрения на меня нижайшего, часто унываю духом, понеже смертен, и не знаю, когда придет оное время? Человеколюбивый Спаситель, жаждущих на духовную воду поощряет приходить безотложно, но мне не у прииде тому время. Увы, мне грешному паче всех! Преосвященнейший Владыко, осмеливаюсь паки со умилением припасть к Святительским стопам Вашим и слезно просить: удивите свое снисхождение ко мне недостойному, и желание души моей исполнить соблаговолите. Сие едино, теперь прошу и то усердно взыскиваю, чтобы возобновить обветшалость моего монашеского образа, внушением мне обетов вторым вопросом. Ободрите меня унылого, возложением нового знака к вящему смирению моему; дабы Господу содействующу, совершеннее отвратить очи мои, еже не видети мне более суеты мирской и не принимать лепая на сердце мое. (Конца нет).

Так заботился О. Моисей постоянно и усердно о своем собственном сердце и его очищении; а Владыка Филарет предполагал воспользоваться его способностями, дарованиями и ревностью о благочестии для пользы всего братства и духовного благоустройства не только скита, но и всей Обители. В виду этого Преосвященный предложил О. Моисею принять сан священства, но услышал в ответ решительный отказ пустынника. Препирательство между архиереем и пустыннолюбцем продолжалось шесть недель, и О. Моисей

тогда только решился уступить, когда услышал от Владыки Филарета: «Если ты не согласишься, то буду судиться с тобою на страшном суде Господнем». После этих слов архипастыря О. Моисей умолк и 22 декабря 1822 года был рукоположен в иеродиакона, а 25 декабря того же года в иеромонаха, и в тоже время определен общим духовником Оптиной Пустыни.

Не оскудевала, а возрастала ревность О. Моисея в порученном ему деле устройства скита, и Господь благословлял и подкреплял его в этом деле видимыми знаками Своей помощи и благоволения. Кроме вещественных неожиданных пособий от благодетелей, в это время пожертвованы были в скит и две иконы, местно чтимыя чудотворными, составляющие и поныне украшение и святыню скитского храма: Знамения Пресвятыя Богородицы и Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.²¹ – Постепенно возникали по сторонам церкви отдельные домики братских келий. «Теперь мы занимаемся сажанием и сеянием», – писал О. Моисей весною 1822 года своим родным в Москву. Эти занятия их не пропали понапрасну. Насажденные ими плодовые деревья и ягодные кустарники, мало-помалу покрыли все пространство скита между церковью и кельями, а кедровые орехи, посаженные в то время собственноручно О. Моисеем и превратившиеся теперь в красивые деревья, ровно через двадцать пять лет после посадки в первый раз принесли плод таких же прекрасных орехов. На восточной стороне скита, на малой протоке выкопаны были два пруда. Словом, начаты были, а частью и dokonчены, тогда же, все существующие, ныне принадлежности скитского общежития.

Продолжавшееся, строение вовлекло О. Моисея в долги и потому с надеждою на Бога, посылающего помощь рабам Своим, он вторично отправился в 1825 году в Москву за сбором подаяния.

Но, едва успел прибыть туда, как получил из Обители от О. Игумена Даниила письмо с извещением об избрании его в настоятеля Оптиной Пустыни, и с просьбою оставить все дела, и немедленно поспешить возвратиться в Обитель для получения прощального благословения от отъезжающего

Архипастыря, а равно и для принятия, по воле Владыки, в свое управление Обители.

Глава 4. Настоятельство (1826–1862 гг.)

От плодов их познаете их (Мф. 7:16).

«Уединение, кажется, от самой юности влекло меня к себе», писал О. Моисей еще в 1813 году; но Промысл Божий устроил иначе.

Уединенная жизнь его, в Брянском лесу была непродолжительна, в сравнении с тем поприщем деятельности настоятельской, на которое Господь поставил его через тогдашнего Калужского Архипастыря.

В 1826 году, 43 лета от роду, О. Архимандрита Моисей, тогда еще иеромонах, был назначен управляющим Оптиною Пустынью и 37-мь лет сряду, стоял неуклонно на божественной страже вверенной ему паствы. Оправдались на нем слова летописца: «Монастырь согради и браню собра», но все это доставалось ему с трудом и трудом, подчас великим. Подвижническая жизнь в пустыне под руководством опытного старца, в совершенном послушании ему, изучение и исполнение на деле писаны Св. Отцев, равно как и скорби, постигавшие О. Моисея от юности и всегда переносимая им с молитвою и покорностью воле Божией, на столько подготовили, просветили и укрепили его внутреннего человека, что он, вступив в должность настоятеля в зрелом, возрасти по годам телесным, был близок и к зрелости духовной: как по ясному, духовно-просветленному взгляду на вещи и чувствам, *обученным долгим учением в различении добра же и зла*, так и по твердости воли, укорененной в добром направлении. Доказательством этому служат его действия и письменные его советы, данные близким ему людям и дошедшие до нас²². Тем не менее, почти 40 лет подвижнической жизни в сане настоятеля, конечно, не прошли для него напрасно.

Каждый промежуток времени, каждый случай в жизни, при крайней бдительности О. Моисея над собою и постоянном молитвенном подвиге, без сомнения, возводили его от силы в силу и увеличивали в нем сокровище добродетелей.

За сокровенные труды его в тайне сердца своего Господь, *видяй в тайпе*, воздал ему явным благословением внешних его действий. Последнее, очевидно было всем его знавшим; но крайне сожалеем, что не имеем достаточно сведений, о его внутренней жизни и деятельности и не можем изложить их здесь в желаемой полноте. Старец не любил говорить о своих поступках и никогда никому не рассказывал о действиях благодати Божией, который несомненно ощущал²³. Можем только сказать, что он, по слову Св. Исаака Сирина, был всегда «борцем против страстей и терпеливым делателем заповедей Христовых». Тому же учил он и просивших его советов и наставлений.

О постоянном внутреннем преуспевании Старца на пути добродетелей во время его настоятельской жизни, мы можем судить, только по наружным его действиям, и в этом случае припоминаем слова, которые он нередко повторял при жизни: «Да, уж само дело лучше покажет». Дело О. Моисея, как настоятеля, по истине, лучше всяких слов показывает, что он был *муж благу, исполн веры и плодов благих*.

В то время, когда он принял в свое управление, Оптину Пустынь, братство ее состояло из 40 человек. Не все они были люди способные, не все духовно преуспевающие; даже приличного иеродиакона для праздничных служений, как рассказывал нам сам О. Моисей, не было, и надобно было приглашать светского диакона из ближнего села или города. На обители был долг в 12 т. рублей; запасов для продовольствия братий пищею, одеждою и обувью также не было; наконец, что самое главное, настроение братства нельзя было назвать образцовым. При таких скорбных и трудных обстоятельствах, совершенно вопреки своей воле, только из послушания архипастырю, после долгих уговоров устраившего его словами: «если не согласишься принять священства, буду судиться с тобою на страшном суде Господнем», О. Моисей принял сан священства и управление Обителью.

Сам он рассказывал нам в 1861-м году, что подчинившись воле Владыки Филарета, имел в виду, если Бог продлит веку, 10 лет пронести этот крест настоятельства, а потом уединиться; но

когда прошло 10 лет, говорил Старец, я думал: если оставлю настоятельство, то это будет своя воля, а должно покоряться воле Божией, потому и не удаился. Мало помалу было приобретено доверие купцов. Стали верить нам, в случае надобности, в долг, потом, когда Господь посылал средства, счета эти уплачивались; так дело и шло. Хотя у нас и теперь денег нет, но за то, слава Богу, рухлядная²⁴ полная, закончил Старец, а мы можем прибавить к этому: не рухлядная только наполнилась, но и вся обитель из малого монастырька, преобразилась в целый град обительный, полный братий, полный и благоухания духовного, привлекавшего множество богомольцев.

Когда О. Моисей сделался настоятелем из зданий, ныне украшающих Оптину Пустынь, существовали в теперешнем виде: одна церковь (Казанская)²⁵, колокольня, старое здание трапезы, настоятельский корпус, два братских корпуса деревянных и два каменных одно-этажных. Был и собор Введенский, но очень тесный. Была и больничная церковь в память явления Владимирской иконы Божией Матери, но без притвора и пристроек. В настоятельство же О. Моисея, Введенский собор распространен и устроены два боковых придела, с крытыми папертями; к больничной церкви сделана пристройка; в старой братской трапезе, устроена церковь во имя Преп. Марии Египетской; построена кладбищенская церковь. Над двумя одно-этажными каменными корпусами надстроены верхние этажи; вновь построено семь братских корпусов внутри монастыря; каменная ограда с семью башнями, новый большой корпус для братской трапезы, библиотека, гостиницы (восемь корпусов с тремя флигелями для богомольцев различных сословий); два конных двора с братскими кельями, скотный двор, заводы кирпичный и черепичный, мельница вблизи монастыря, выстроена вновь; новое братское кладбище, весь Скит с его церковью, кельями и службами – все это возникло при О. Моисее.

На земле Высочайше дарованной монастырю в 1853 году, устроен был хутор для сбора сена и для рыбной ловли. Заведен прекрасный рогатый скот, крупной породы. Улучшены прежние и

вновь устроены большие огороды, сделавшиеся необходимыми при умножении числа братий и богомольцев. Разведены фруктовые сады, около монастыря и на хуторе. При вступлении в должность О. Моисея, Оптиная Пустынь владела всего 197 десятинами и 1564 кв. саж. земли под монастырем, лугами, огородами, озерами, дорогами и лесом, из которых было около 80 дес. собственно леса и луговой земли, за исключением неудобной и находящейся под строением, реками и дорогами до 50 десятин, а в год кончины О. Архимандрита Моисея было у Обители 348 дес. 1464 к. саж. земли и в том числе 188 дес. леса. – О. Моисеем устроено каменное помещение для монастырской библиотеки, о котором мы упомянули выше, устроена и самая библиотека. Началом последней, послужило множество книг (до 2100) и не мало рукописей, принадлежавших лично О. Моисею. Монастырская ризница обогатилась прекрасными и многочисленными облачениями. Церкви – хорошею стенною живописью и иконостасными иконами в окладах. – Личное безкорыстие и нестяжательность подвижника Настоятеля привлекали усердие богомольцев к Обители и ее храмам, а это усердие и помогало О. Моисею в деле устройства монастыря.

Один из Козельских граждан, бывший долго в отлучке из родного города и приехавши, потом в Оптину Пустынь для поминовения своих родных, был изумлен переменою, которую он нашел в монастыре, и, зайдя после паннихиды к О. Моисею, тогда уже Архимандриту, при других гостях, выразил ему свое удивление, сказав: «Как у Вас, Батюшка, все в Обители преобразилось. – А вы давно у нас не были?» – спросил Старец. – «Вот уже 20 лет. – Да, 20 лет времени много. – Но ведь не только время, на это и средства нужны, Батюшка; верно у вас хорошие средства», – продолжал посетитель. – «Нет, этого нельзя сказать, средства у нас, какие Господь пошлет, такие и есть. Вот мое упование!» – сказал О. Архимандрита, указав на бывший в комнате образ Спасителя, несущего Крест.

«А Архимандритства, Батюшка, это Вы сами пожелали», – продолжал гость, очевидно вовсе незнакомый с порядком иерархических возвышений. При этих словах О. Архимандрита

Моисей перекрестился и отвечал: «Нет, на это была воля начальства, а я просил и прошу у Господа Бога одного, чтобы быть мне монахом». – И выпросил этого у Господа Бога Старец: монахом был он в своей пустынной кельи в Рославльском лесу, монахом – и в должности настоятеля многолюдной Обители.

Под именем монаха разумею мы, разумел и О. Моисей, не подвижника только, в смысле бдения, поста, уединения, телесной молитвы и других дел самоумерщвления, но человека Евангельского, по слову Св. Пимена, научившегося умерщвлять не тело, но страсти²⁶. Человека разумно управляющего собою, согласно изречению Св. Максима исповедника: «Телу определи труд по силе его и весь ум твой обрати внутрь»²⁷. Это последнее – обращение ума внутрь, т. е. внимание и составляет истинный подвиг разумного монаха. Постоянно ведет он борьбу со страстями душевными и телесными; при должном воздержании, неослабно хранить свои чувства и их органы и очищает сердце от страстных помыслов молитвою и самоукорением; следует Евангельским заповедям и советам, и таким образом стремится к чистоте сердечной, к желаемому бесстрастию, к отрешению мыслью от здешнего Мира: живет сердцем в будущем, в обетованном Спасителем *паки бытіи* (Мф. 19:28) и с ним, соображает все шаги своей земной деятельности. Таким мы видели и знали О. Архимандрита Моисея. Его строго-монашеское, или точнее истинно-христианское направление и внутреннего и внешнего человека выражалось, в период его настоятельства и в отношениях его к Начальству и в управлении братию, в обращении его с рабочими людьми и с посетителями монастыря, как бедными, так и богатыми, наконец, и в келейной его жизни. По этим отраслям деятельности О. Моисея мы и будем теперь следить за ним.

Исполняя обет, монашеского послушания, О. Моисей покорился воле архипастыря и принял управление Обителью; но вслед за этим, благоговейно чтимый им Владыка Филарет, указом Св. Синода от 28 января 1825 года, был переведен в Рязань и на его место прибыл Пр. Григорий I, бывший впоследствии, архиепископом Казанским и Митрополитом Петербургским. Знаменитый ревнитель православия выразил и

Оптиной Пустыни в лице ее тогдашнего правителя общего духовника Обители О. иеромонаха Моисея свое полное сочувствие. Преосв. Григорий I указом Калуж. Консистории, от 17 августа 1826 года утвердил О. Моисея в должности строителя Оптиной Пустыни и вместе с тем наградил его набедренником. Никого из братьев, Преосвященный Григорий не помещал в Обитель и не брал из нее, без согласия настоятеля и даже приносил в жертву Оптиной Пустыни удобства своего собственного Лаврентьева монастыря. Доказательством последнего, братья старожилы Оптинские, приводят такой рассказ. При тогдашней скудости в иеродиаконах, один из них по имени Серапион, родом из Орловских мещан, поступив из мира в Оптину Пустынь, настолько здесь образовался и приучился к церковному богослужению, что мог быть довольно хорошим иеродиаконом. Он и был посвящен; но через короткое время выпросился на богомолье на Калужку к чудотворной иконе Божией Матери и подал в Калуге прошение о переводе его в архиерейский монастырь праведного Лаврентия. Эконом архиерейского дома иером. Августин и казначей были этому очень рады, потому что и в Лаврентьевом монастыре в то время нуждались в иеродиаконах, и Консистория поспешила его переместить. Преосв. Григорий, бывший, в то время в Петербурге, для присутствования в Св. Синоде, утвердил это перемещение; но когда О. Моисей донес ему о том, что иеродиакон Серапион, нужен для Оптиной Пустыни, то Преосв. Григорий, на его доношение, написал такую резолюцию: «Возвратить иеродиакона, не смотря на то, что дом наш остается пуст». Консистория и возвратила О. Серапиона при указе, от 9 дек. 1827 года, в котором прописана резолюция Преосвященного. И после своего перемещения из Калуги Преосв. Григорий I сохранил навсегда добрую память об Оптиной Пустыне и ее настоятеле. Во время управления своего Казанскою паствою приглашал туда монахов из Обители О. Моисея, а в бытность свою Митрополитом Петербургским с участием осведомлялся об Оптиной Пустыни и с любовью вспоминал об О. Моисее. Распрашивал о нем, приезжавших из

Оптиной Пустыни в столицу, и выражал со своей стороны очень доброе к нему расположение.

После Преосв. Григория I на калужской кафедре были недолгое время Пр. Гавриил 1828–1831 г. и Пр. Никанор 1831–1835. Оба эти архипастыря, хотя и не были особенно близки к Оптиной Пустыни, но ценили в известной степени труды ее настоятеля. Преосв. Гавриил, как видно из дел монастырского архива, сначала благоволил к Оптиной Пустыни и ее настоятелю, но потом, вследствие наговоров, некоторых светских лиц, как рассказывают старожилы, и доносов непокойных людей из братий изменил свое расположение к О. Моисею и стал стеснять его, требуя на вступление новых лиц в Обитель и на другие действия настоятеля, согласия братий, (как будет сказано ниже). Определил в число братий Обители, без согласия настоятеля, священника села Косташева Ивана Захарова и исключенного из Калужской семинарии ученика Алексея Беляева и присылал в Оптину Пустынь немало подначальных, – эту язву монастырей.

Тем не менее 8 февраля 1829 г. Преосвященным Гавриилом объявлена была О. строителю Моисею благодарность за попечение о поддержании благоустройства и порядка в Оптиной Обители, с напоминанием однако, чтобы он, по мере возможности, старался уплачивать монастырский долг.

В том же году О. Моисей был определен членом в комитет по устройению зданий в Лихвинском Покровском Добром монастыре, а в 1831 г. ему объявлено было от Преосвященного Гавриила благословение за верное и успешное исполнение сего возложенного на него поручения.

В 1832 году О. Моисей определен был, тогдашним Епископом Калужским, Преосвященным Никанором, благочинным монастырей.

Об отношениях последнего Преосвященного к обители может свидетельствовать письмо его к О. Моисею из Варшавы от 30 апреля 1847 г., по случаю посланных Преосвященному книг, изданных Оптиною Пустынью. Вот текста этого письма:

Преподобный Отец Игумен Моисей!

В бытность мою в Калужской епархии, я несколько раз посещал Обитель, вверенную управлению Вашему, и всякий раз утешался ее благосостоянием, внутренним и внешним. С сим утешением, не перестаю вспоминать о Вас и Обители Вашей, перемещаясь из одной епархии в другую, и, зная благоразумие Ваше и опытность в управлении, представляю себе теперь Оптиную Обитель в цветущем состоянии.

Приимите искреннюю благодарность за доставление изданных от Обители полезных книг. Прошу сказать О. иеросхимонаху Иоанну²⁸ благожелание мое: да подкрепляет его Господь в силах и совершает Свою силу в его немощах.

Призывая на Вас и братию Божие благословение, есмь к Вам с истинным почтением и искреннею любовью Усерднейший слуга

Никанор А. Варшавский.

Апреля 30-го дня 1847 г.

Варшава.

Не таковы были отношения, к Оптиной Пустыни и ее настоятелю, Преосвященного Николая, почти 17 лет (1885–1851), управлявшего Калужскою епархию. Верно Промыслу Божию, угодно было сначала поддержать О. Моисея и укрепить его на месте настоятеля благосклонностью к нему Калужских Владык, а потом попущены были и в этом отношении скорби, которыя О. Моисей переносил с великим терпением и монашескою покорностью воле Божией.

Преосвященный Николай, насколько нам известно, был вообще неукоризненным слугою Господним, но имел неосторожность доверять иногда слухам, без точной их проверки. Этим пользовались люди или точнее человек, стоявший близко к Преосвященному и нерасположенный к О. Моисею.

Кроме доносов от братий Оптиной Пустыни, о которых мы скажем впоследствии, Преосвященный слышал наговоры и порицания действий О. Моисея и, может быть, незаметно для себя самого, переходил мысленно на сторону противников О. Моисея и стеснял его.

Если и каждому домохозяину известно, то тем более начальнику монашеского общежития хорошо ведомо, как важно иногда присутствие в Обители и одного человека, способного к делу и благочестиво настроенного, тем более – присутствие нескольких таких лиц, служащих поддержкою для прочей братии. Знал это хорошо и Преосвященный Николай, но, тем не менее, брал многих таких людей из братства Оптиной Пустыни и перемещал их в други Обители, вопреки воле и взгляду на вещи О. Моисея.

В один из своих приездов в Оптину Пустынь (в 1837 г), Преосвященный Николай спросил О. Моисея: кто у вас в Обители способен к казначейской должности? О. Моисей, подумав, отвечал: иеромонах Геронтий, Ваше Преосвященство. Так я его назначу строителем в Тихонову Пустынь, сказал Преосвященный и когда О. Моисей выразил сожаление об этом, Преосвященный добавил: «Или его, или О. Антония давайте». Последнее было конечно еще тяжелее для О. Моисея; за О. Антония вступился и Старец О. Леонид и решили отдать О. Геронтия. Преосвященный и назначил его в Тихонову Пустынь и приказал отпустить с ним несколько способных людей из числа братий. Тяжело это было для О. Моисея, тем более, что и сам О. Геронтий отнюдь не желал такого назначения и долго, упорно отказывался; но делать было нечего. О. Моисей опять подчинился воле архипастыря, стараясь видеть в ней волю Божию и в Тихонову Пустынь, вместе с ее новым строителем Геронтием отправилась целая колония монахов из Оптиной Пустыни.

Но этим не ограничился для О. Моисея сердечный труд его относительно Тихоновой Пустыни.

В следующем, 1838 году получен был из Калужской консисторы указ о перемещении в Тихонову Пустынь из Оптиной иеродиакона Маркелла. Иеродиакон этот был в то время весьма нужен в Оптиной Пустыни; способный к хозяйству, он помогал старому и слабому силами Казначею в исправлении его должности и распоряжался постройками, которые тогда возводились. О. Игумен Моисей подал Преосвященному прошение, в котором изложил необходимость пребывания О.

Маркелла в настоящее время в Оптиной Пустыни и представлял на его место трех кандидатов, для перемещения в Тихонову Пустынь; но Преосвященный Николай не обратил на это внимания, нашел представляемых кандидатов недостаточными и возвратил О. Игумену Моисею его доношение с резолюцию, которою подтверждал перемещение О. Маркелла.

Нелегко было настоятелю Оптиной Пустыни прочитать эту резолюцию. Вспомнил, может быть, старец Преосвященного Григория I и его милостивое расположение к Обители, столь благосклонно выраженное при возвращении О. иеродиакона Серапиона, но делать было нечего, и, скрепя сердце, О. Моисей снова возвергнул печаль свою на Господа.

Прошло несколько времени и новый, еще более сильный удар поразил сердце О. Моисея. Преосвященный Николай в конце лета 1839 года, объезжая по обычаю свою епархию, прибыл в Оптину Пустынь: посетил и Скит, в котором тогда начальствовал О. Антоний. Осматривая Скит, Владыка вошел в церковь, вошел и в небольшой ее алтарь; пригласил войти туда же О. Антония и сказал ему: положи руку на престол. О. Антоний положил. Клянись мне, продолжал Владыка, что ты не будешь отказываться, если Св. Синод, по моему представлению, назначит тебя настоятелем в Малоярославецкий монастырь. О. Антоний, пораженный внезапным требованием Владыки, повиновался ему беспрекословно. По отъезде последнего, рассказал бывшее своему Старцу и брату О. Моисею, и с тех пор все горевал и плакал до самого своего назначения, последовавшего в конце ноября того же года. В это время О. Игумен Моисей получил от Преосвященного Николая следующее письмо:

Преподобнейший Отец Игумен
Моисей!

Святейший Синод предоставил мне, по моему усмотрению, избрать и произвести кого-либо в Игумена Малоярославецкого монастыря. Я не переменяю моей мысли об избрании, веруя, что она от Бога, и единственно на пользу Обители Святителя Николая. Вам О. Антоний сказывал, или скажет теперь, если

прежде не сказывал, как мы оба пред престолом Господним в скитской церкви наедине, только двое, давали обет, внимать званию Божию, и, если будет ему свыше избрание на Игуменство Малоярославецкой Обители, то радеть об оной с самоотвержением. Половина дела сделана прежде, хотя не с полной надеждой, но с упованием истинно христианским. Да увенчается оно и плодами спасительными. О сем моя молитва.

Вам остается расстаться с добрым Вашим помощником и братом, наставить его советами и препроводить к посвящению во Игумена 3 числа декабря, дабы он введен был уже 6 декабря в Обитель, вверенную его управлению.

Более не знаю, что сказать Вам. Водитесь при сем благонамеренностию и благоразумием, призывая наипаче в деле сем помощь Господа Бога, всеблагого, премудрого и всемогущего. Он укажет Вам кого избрать в Скитского Настоятеля, и все устроить во благое.

Призывая Божие благословение на Обитель Вашу со всеми братьями нашими о Христе, есмь и пребуду в попечении о всех вас по долгу и званию моему.

Николай Епископ Калужский и Боровский

23-го Ноября 1839 года.

Калуга

Тяжело было О. Моисею исполнить требование Владыки – отпустить О. Антония, в котором он имел верного друга, в высшей степени усердного помощника и беспредельно преданного ему послушника; но О. Моисей принял это назначение и свою разлуку с О. Антонием, как от руки Господней, с монашескою покорностью; сам отвез О. Антония в Калугу и присутствовал при его посвящении в сан Игумена. Преосвященный Николай, при свидании сказал О. Моисею: «Вот я Вашего брата назначаю на место, высшее того, которое Вы сами занимаете». – Ему и подобает расти, Ваше Преосвященство, мне же молиться, смиренно отвечал О. Игумен Моисей и так писал брату своему из Калуги, вслед за разлукою с ним, в первый раз на новое место его служения.

Любезный брат.

Приветствую тебя поздравлением в новом сане, на новом месте должности настоятельской и с высокаторжественным праздником великого угодника Христова Николая чудотворца. Усердно желаю тебе от души возмогать о Господе в державе крепости Его, а не от своего разума и силы чего-либо доброго ожидать. Сила бо Божия совершается в немощи нашей, да уповаем на Господа. Кротость и воздержание с терпением находящих скорбей, привлечет на тебя Божие благоволение, и, по верному слову Христову, *«претерпевый до конца той спасен будетъ»*. (Мк 13:13). Искреннее попечение о тебе по чувству и долгу братской и отеческой любви возлагаю на Господа и упованием на спасение Его, душевно себя успокоиваю.

Не оставляй сообщать мне сведения всем пребывании твоём на новом месте, дабы я мог участвовать во всем, моля всегда премилосердного Бога о даровании тебе истинного разума и силы, во исполнение святой Его воли.

Пожелав тебе и всему вверенному тебе братству мирного жителства, доброго здравия и спасения, остаюсь навсегда благожелательным богомольцем недостойный И. Моисей.

5 Декабря 1839 г. Калуга.

Не прошло еще трех лет после отбытия из Оптиной Пустыни О. Антония с близкими ему братьями, как взят был опять из Оптиной же Пустыни в настоятели Мещовского Георгиевского монастыря, иеромонах Никодим, также с несколькими человеками из числа братства.

Трудно было О. Игумену Моисею отпускать из своей Обители людей, которые собрались сюда уже при нем, и из которых многие, были ему духовно близки, но при этих переселениях, он мог утешать себя мыслью, что, пересаженные на новые места, духовные прививки его, хотя и поболят, как он выражался, но примутся и возрастут, с нравственною пользою для других Обителей, а в Оптину Пустынь Господь пошлет новых жителей – подвижников, что и сбывалось действительно. Господь посылал людей, желавших поступить в число братий, но и в этом последнем случае – определении новых братий – О.

Игумен Моисей, попущением Божиим, терпел от Преосвященного Николая большое стеснение.

В начале своего управления, Калужскую епархию, Преосвященный Николай, не смотря на доносы, несколько более благоволил к Оптиной Пустыни, чем впоследствии. В 1837 году 5 сентября, при освящении придельного храма во имя Св. Николая чудотворца произвел О. Моисея в сан Игумена, но потом, вследствие недоразумений, о которых мы упомянули выше, отношение Преосвященного к Обители приняли особенный, стеснительный характер. По ни кому неизвестной причине, для одной только Оптиной Пустыни, исключительно из всех монастырей Калужской епархий, назначено было: не определять указом в число послушников никого, без личного представления Преосвященному и выдержания экзамена из чтения и пения церковного, катихизиса и священной истории. Экзамены эти производил сам Преосвященный и притом иной раз и довольно строго. – Знакомым с монастырскою жизнью довольно известно, что в монашеских общежитиях есть различные послушания (в смысле занятия) и не от каждого из братьев требуются книжные познания. Иной благочестиво трудится в простоте сердца, довольствуясь церковным богослужением и внутреннею молитвою, при исполнении самим делом заповедей Божиих, и преуспевает в деле угождения Богу не менее, если еще не более, получивших хорошее образование. Доказательством этому служат в древности Св. Антоний Великий, Св. Спиридон Тримифунтский и многие другие, а в наше время – пещеры Киево-Печерской Лавры, в которых нетленно почивают почти рядом и преподобный Нестор летописец земли Русской и преподобный Нестор некнижный. Преосвященному Николаю все это было без сомнения очень хорошо известно; но, тем не менее, он не отступал от установленного им же самим порядка относительно Оптиной Пустыни: так что бедному послушнику, желавшему в то время поступить в Оптину Пустынь и быть потом постриженным в монашество предстояло кроме обычного, установленного церковными правилами, трехлетнего испытания, выдержать еще три экзамена от Преосвященного Николая лично: первый перед

определением в число указных послушников, второй перед одевашем в рясу и камилавку и, наконец, третий перед пострижением в монашество.

Из числа многих таких экзаменов один живо сохранился в памяти братьев Оптиной Пустыни. Раз, в приезд Преосвященного Николая, последний потребовал к себе на экзамен, в настоятельскую келью, несколько человек, желавших быть определенными указами в число братьев. Преосвященный начал их спрашивать из катихизиса. Мы не готовились к экзамену. «Пр. Владыко, – отвечал один из них, – «а в кельях читаем больше монашеские книги. – Какие же вы книги читаете? – Св. Аввы Дорофея, Св. Иоанна Лествичника. – Ну скажи мне что-нибудь из книги Иоанна Лествичника. – Простите, Преосвященнейший Владыко, я читать читаю, а рассказать не могу. – Почему же не можешь? – Да как-то в памяти не остается. – Да, это правда, вот я и сам Лествичника книгу читаю, да как-то она в памяти не остается». О. Игумен, продолжал Преосвященный, обращаясь к О. Настоятелю, смиренно стоявшему в стороне, – «Вы что на это скажете, почему книга Лествичника плохо остается в памяти? – Да ведь эти книги, Ваше Преосвященство, дела требуют», – отвечал так же смиренно, как и стоял, О. Игумен Моисей. Преосвященный замолчал. Однако, экзамены продолжались и после этого и много стесняли определение новых лиц в число братьев.

Каково было О. Игумену Моисею переносить все это. По его взгляду на вещи надобно было принимать в Обитель всех, искренно желавших служить Богу; но, приняв их, он не мог, согласно своему желанию, успокоить их «приуказкою» т. е. твердым помещением в число штатной братии. Вот где, испытывалось и укреплялось его терпение; но возложившись, раз навсегда на волю Господа Бога и Его святой Промысл, покойный О. Игумен наш Моисей не хотел прибегать ни к каким человеческими средствами, чтобы избавиться от этих невзгод, а еще утешал и братию, скорбевшую о незаслуженных притеснениях, потому что Преосвященный Николай, иногда отказывал даже в рясофоре и давно жившим в Обители.

Всегда сосредоточенный в себе самом, О. Игумен Моисей не выражал ни малого ропота на действия, угнетавшей его власти и только к духовному своему сыну, брату и вместе другу, О. Игумену Антонию, писал в 1848 году 19 февраля «А бывшие скорбные касательности от той десницы, которая преподавала благодать и милость нам грешным, должно понести во смирении души: в чем мне и тебе да поможет Господь», – и в другой раз 25 февраля того же 1848 года: «Смиряющие нас, касательности А. надобно понести терпеливо с Божиею помощью, и благо нам будет напоследок».

Однако прискорбные эти «касательности» от начальства, скудость средств, к содержанию братства и другие скорби поколебали раз твердость О. Моисея настолько, что он собрался отказаться от настоятельства, но, не доверяя себе и боясь своей воли, пошел к своему духовнику О. иеросхимонаху Иоанну, поговорить об этом деле. Последний, Старец замечательный своею святою простотою, решительно не советовал ему отказываться, повторяя: «Как же, этакое правда (обычное присловие О. Иоанна), ты нас стариков собрал, да теперь и откажешься. Нет, нет, как же мы-то останемся без тебя? Нет, не отказывайся». О. Моисей, в то время еще Игумен, принял эти слова за выражение воли Божией и остался.

Через несколько времени после этого разговора О. Игумен Моисей и О. Иоанн сошлись опять в кельи одного больного иеромонаха, которого оба пришли посетить. Поговорив немного с больным, оба старца сели и О. Игумен сказал: вот, брат мой Игумен Антоний все унывает в Малоярославце и хочет отказаться от начальствования. Уныние это также страсть, но страсть, ничем неутешающая.

О. Иоанн в ответ на это спросил его: «А о себе-то как ты теперь думаешь, на счет того, что хотел отказаться от настоятельства? – Да, уж хочу, якоже будет» отвечал О. Моисей.

Кроме упомянутых нами грустных экзаменов представился еще случай, немало украсивший венец терпения, заслуженный и несомненно полученный от Бога О. Игуменом Моисеем. В 1850 году объявлена была ревизия. Преосвященный Николай не

позволил ни одного из братьев в это время определить в число действительных послушников, тогда как в других епархиях, определяли их без всякого затруднения. По этой причине, несколько весьма способных людей вышли из Оптиной Пустыни и переместились в иные епархии, где они и заняли впоследствии видные места²⁹.

Самого нынешнего Настоятеля Оптиной Пустыни О. Игумена Исаакия, уже 19 лет благополучно ею управляющего, теперь и успешно поддерживающего труды покойного О. Архимандрита Моисея, Преосвященный Николай не хотел в это время определить указом, ссылаясь на ревизию, тогда как О. Игумен Исаакий, по происхождению своему из почетных граждан, ничего не имел общего с ревизией, в смысле податей. Преосвященный Николай, лично экзаменовавший О. Игумена Исаакия (в то время еще Ивана Ивановича Антимонova), убеждал его возвратиться домой, по случаю ревизии и взять новую увольнительную бумагу; когда же О. Игумен Исаакий отвечал, что увольнительное свидетельство его вполне достаточно для определения и за новою бумагою ему нет надобности ездить домой, Преосвященный, хорошо это знавший, сказал: «Ну, все же лучше», – и потом быстро спросил: «Ты вчера пел в Скиту октавою? – Я, Ваше Преосвященство», – отвечал О. Игумен с обычным приклонением головы. «Ну, что с тобою делать, верно уже принять». Таким образом, замечательно приятный в пении и очень сильный октавистый бас, которым пел Иван Иванович, устранил все мнимые препятствия со стороны ревизии и дал ему место в числе указных послушников Оптиной Пустыни.

Приводим этот рассказ со слов достопочтеннейшего О. Игумена Исаакия, в подтверждение того, с каким трудом доставалось в то время О. Игумену Моисею умножение числа братьев и достойнейшими из среды ее. – Казалось, что Преосвященный Николай, пользовался каждым, и нужным и ненужным, предлогом для того только, чтобы поучить О. Игумена Моисея терпению и перенесению обид. Как же и чем воздавал за это Преосвященному О. Игумен? – Мог он роптать; мог через своих влиятельных знакомых действовать против

Преосвященного Николая, но строгий блюститель закона Христова, имели в виду только исполнение последнего и усиленно старался платить за зло добром.

В 1850 году, скончался келейник Преосвященного Николая иеромонах Иннокентий. Архиерею, необходим был на его место, благонадежный иеромонах. Куда же было обратиться за ним, если не опять в Оптину пустынь, не опять к О. Моисею, постоянно теснимому. *Не побежден бывай от зла, а побеждай благим злое (Рим. 12:21)*, всегда советовал последний нам, своим подчиненным, не упускал он сам случаев к исполнению на деле этого апостольского заветования; не упустил и последнего, – решился, для успокоения Преосвященного, пожертвовать ближайшим к себе человеком, своим старшим келейником, жившим при нем – двадцать лет и в то время, уже иеродиаконом О. Нифонтом. Кроме замечательных способностей к хозяйству и приобретенной в этом деле опытности, О. Нифонт имел еще хороший голос – бас, пели на правом клиросе и при своей прекрасной, представительной наружности служил замечательным украшением, для богослужения в Оптиной Пустыни. Можно себе представить, как дорожили таким иеродиаконом Настоятель, который, в первое время своего пребывания в Обители, не имели ни одного способного иеродиакона, а вынужден был приглашать такого из другого места. Сам О. Нифонт отнюдь не желал перемещаться в Калугу; каково же было расстаться с ним О. Моисею, живо принимавшему к сердцу и чужие скорби; но он решил, что надобно расстаться для успокоения Преосвященного и так писали об этом в Малоярославец к О. Игумену Антонию 25 апреля 1850 года: «И я готовлю отправить в завтрашний день к посвящению О. Нифонта во иеромонаха, только не для своей Обители, а для дома Архиерейского, на место покойного О. Иннокентия. Чем я Владыке изъяснил от себя усердие, с рекомендациею о нем, и считаю это за благое дело: не только Архипастырю услужить оным, но и всем Обителям Калужской епархии, которые обыкновенно входят со всеми потребностями к Владыке посредством докладчика. Способности О. Нифонта к келейной услуге и хозяйственной распорядительности,

довольно опытные в аккуратности и верности. Владыка принимает его благосклонно. Будем молить всеблагого Бога, чтобы Он управил сие к общему благу».

О. Нифонт был немедленно перемещен в Калужский архиерейский дом и посвящен в иеромонаха; но очень скорбел о своем перемещении, как голубица Ноева, не находил покоя мысленным ногам своим и рвался назад в Оптину Пустынь.

В один из приездов О. Игумена Моисея в Калугу, О. Нифонт при других, с большою скорбью и горячностью, высказал ему свое душевное состояние и порицал его за то, что отдал его в Калугу. «Не служил ли я, Батюшка, Вам и Св. Обители двадцать лет; не старался ли я, как только мог, и что же Вы со мною за это сделали? Выслали меня из Обители и сослали сюда в Калугу. Ведь я здесь не иеромонах, а просто каммердинер Преосвященного» ... и многое еще говорил О. Нифонт, в своей жгучей скорби, но О. Игумен все выслушал молча, не проронил ни одного слова, из слышанного, но и сам не сказал ни пол слова в ответ, а что у него было в это время на сердце – можно себе представить! Он сам имел нужду в присутствии О. Нифонта в Обители, глубоко и живо сочувствовал его скорби, но исполнение заповедей Евангельских предпочитал всему.

Горячий от природы по темпераменту, постоянным, усиленным трудом над собою и молитвенным подвигом приобрел О. Моисей кротость, заповеданную Господом, и, в случаях сильной скорби и тревоги мысленной, предпочитал молчание, и внутреннюю молитву, потому, смеем думать, не сказал он и О. Нифонту на этот раз ни слова. Да и О. Нифонт, сильно тогда взволнованный, не мог бы спокойно выслушать слова Старца; последний ясно видел это и решился, по обычаю, все вынести на себе и покрыть молчанием.

Преосвященный Николай был доволен услугами О. Нифонта и не желал Отпустить его от себя. Казалось бы – пора успокоить и Старца Игумена Моисея; но Преосвященный, по неизвестному нам побуждению, готовил ему новый и несравненно больший труд; хотел его, на закате святой его жизни, разлучить с любимой и устроенной им Оптиною Пустынью и переместить в настоятели 3-е классного Лютикова

Троицкого монастыря, с возведением в сан Архимандрита. Намерение Преосвященного Николая было для многих тайною, но О. Игумен Моисей узнал о нем и очень скорбел. В то же время писатель этих строк слышал от покойного нашего Старца О. Макария, также за тайну, что «О. Игумен наш скорбит, боится, что Архиерей сделает его Архимандритом и переведет в Лютиков монастырь». Однако лишь по кончине О. Игумена Антония, из писем к нему О. Игумена Моисея, сделалось известным, что О. Архимандрит Моисей не только боялся перевода в Лютиков монастырь, не только скорбел об этом, но и просил участия в этом деле бывшего Наместника Троицкой Сергеевой Лавры, Архимандрита Антония. О Лютикове так мыслю, писал О. Игумен Моисей к О. Антонию 28 марта 1850 года, – «В наказание за грехи мои должен туда пойти – на смерть, а не на жизнь. От чего да избавит меня премилосердый Отец Небесный. Смерть бо грешником люта» – и 4 апреля 1850 г. – «Относительно степени Лютикова монастыря желал бы знать решительную волю Архипастыря и – не последовало ли представления вместе с прочими. В таком случае я избрал бы с Божию помощью меры к избавлению себя от нового неудобноносимого ига, по летам моим и великой немощи, какую в себе чувствую постоянно. Нельзя ли тебе узнать от О. Архимандрита или от кого другого и меня не помедля уведомить, на каком я нахожусь распоряжении Начальства». Получив на эти строки от О. Игумена Антония ответное письмо, содержание которого к сожалению не дошло до нас, О. Игумен Моисей снова писал к нему 15 апреля 1850 года. «О. Наместнику (Троицкой Сергеевой Лавры Архимандриту Антонию), я писал благодарность за все и особою записочкою объяснил милость Архипастыря ко мне в ходатайстве степени Лютикова монастыря». По кончине О. Архимандрита Моисея, в числе бумаг его, найдена была и самая черновая «особая записочка». Вот она: «Брат Антоний писал ко мне, слышанное из уст Владыки нашего, что он хочет исходатайствовать мне степень Лютикова монастыря. Не знаю в благостном ли это духе, или только возложить на меня почетное наказание за грехи мои? Я не отыскивал никогда никаких степеней, и в

первом случае подклонить главу под священный сан весьма страшился и трепетал и более полугода не решался на оное. Конечно, наказание я по всей справедливости заслужил, но молю премилосердного Господа: Господи, да не яростью Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешь мене, Помилуй мя, яко немощен есмь. Смерть бо грешником люта, и мне немощному в этой участи Лютикова монастыря не хочется быть, по преклонным моим летам. Признаюсь откровенно пред Вами, печаливает меня такая милость Архипастыря». Эта ли особая записочка, объяснявшая милость Архипастыря, была представлена О. Наместником Высокопреосвященному Митрополиту Московскому Филарету и вызвала его могущественное слово в пользу оставления О. Игумена в Оптиной Пустыни, или иным путем Господь удержал Преосвященного Николая от исполнения его намерения, нам неизвестно, но только, к счастью Оптиной Пустыни и успокоению О. Игумена Моисея, намерение Владыки замедлялось в осуществлении, а смерть Преосвященного Николая, последовавшая в 1851 году, положила ему и совершенный конец. С кончиною, тогдашнего Калужского Архипастыря, темный горизонт Оптиной Пустыни прояснился; на нем возшла звезда радости, – проезд на епархию Преосвященного Григория II. По примеру Григория I, новый Калужский Владыка, оценил заслуги О. Моисея и благосклонно сочувствовал и содействовал его трудам. Не только милостивым отеческим обращением, но и видимыми знаками своего благоволения, почтил Преосвященный Григорий, многолетние труды О. Моисея. По представлении Преосвященного, в 1853 году, О. Игумен Моисей был возведен в сан Архимандрита, а в 1859 году награжден орденом Св. Анны 2-й степени, и мирно провел последнее десятилетие своих настоятельских трудов под покровом благочестивого Святителя, понимавшего и ценившего его духовные заслуги, не только для Оптиной Пустыни, но и для других Обителей Калужской епархии. В течение, этих последних десяти лет жизни О. Архимандрита Моисея, Оптина Пустынь снова делилась своею братиею и с Тихоновою Пустынью, куда назначен был в

настоятели, по смерти О. Геронтия, сначала духовник Оптиной Пустыни иеромонах Паисий, а вскоре после него, бывший уставщик Оптиной Пустыни иеромонах Моисей, и до ныне благополучно, и плодотворно управляющий Тихоновою Пустынью в сане Архимандрита. В 1857 году два иеромонаха Оптиной Пустыни Ювеналий Половцев и Леонид Кавелин и один монах Александр Яновский, были назначены членами Духовной Иерусалимской Миссии. Но все это совершилось мирно, без оскорблений для О. Моисея, и по нравственному состоянию братий, равно как и по числу их, не было уже прежним ущербом для Обители. Лишь напоследок дней Отца Архимандрита набежало небольшое, туманное облачко, и то не от распоряжений Владыки, с большим вниманием к Старцу разрешившего недоразумение, но от некоторых нетерпеливых из братий; – тех братий, которые собрались при О. Моисее и для которых он столько потрудился, которые видели в нем постоянно, с первых дней до последних часов его настоятельства, заботливого и благодушного попечителя об их нуждах и мудрого предводителя в пустыне земной жизни.

Мы уже знаем, что немного находилось монахов и послушников в Оптиной Пустыни в то время, когда О. Моисей был назначен общим Духовником и Управляющим Обителью. В течение его управления, число всех братий увеличилось в четверо; изменился состав их, изменилось и направление их к несомненно лучшему в духовном смысле.

О. Моисей, имея в виду слова Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжену вон* (Деян. 6:37), принимал в Обитель всех вновь приходивших из мира с истинным желанием спастись. Не отказывался принимать в братство и успокоивать и старцев, почтенных священным саном, и довольно потрудившихся в других обителях. Так при нем кончал дни свои в Оптиной Пустыни О. Архимандрит Мелхиседек, бывший Наместником Александро-Невской Лавры, а потом Настоятелем монастырей: Ростовского Яковлевкого, Спасского в Арзамасе и Спасо-Евфимиевского Суздальского. Скончался он в 1841 году, 80 лет от роду, проводя в Оптиной пустыни 17 лет.

Далее, кроме Старцев О. иеросхимонаха Льва и иеросхимонаха Макария, о которых скажем впоследствии, при О. Моисее поселились и жили в Оптиной Пустыни;

Иеросхимонах Геннадий, служивший на флоте, а потом при русской церкви в Ироме в Венгрии и удостоившийся два раза быть духовником Императора Александра I (во время Веронского конгресса). О. Геннадий прожил в Оптиной Пустыни двенадцать лет и скончался здесь в 1846 году, семидесяти пяти лет от роду³⁰.

Игумен Варлаам бывший настоятелем Валаамского первоклассного монастыря. Муж богомудрый и многоопытный, проходивший высокую умную молитву. Скончался в Скиту Оптиной Пустыни в 1849 году, на семьдесят третьем году от рождения.

Иеросхимонах Иоанн, ревностный обличитель раскольников. В детстве он был отторгнут от Св. Православной Церкви, потом, обратившись к ней с великою ревностно, много пострадал от раскольников, и в старости, живя в Скиту, что при Оптиной Пустыни, издавал против них известные свои сочинения. Отличался христианским незлобием и кротостью. Скончался в 1849 году 86 лет, из которых пятнадцать провел в Оптиной Пустыни.

Иеромонах Иов, бывший духовник знаменитого архиепископа Тверского Амвросия Протасова, поступил в Оптину Пустынь в 1832 году, скончался в 1843 восьмидесяти лет.

Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов) из Московского Андронического монастыря. Замечательный безмолвник, скончавшись в 1861 году. Тихо, спокойно лежал он в своей предсмертной болезни и на вопрос служившего ему брата: Батюшка, не желаете ли вы чего-нибудь, отвечал словами Апостола Павла: «*Желание имею разрешиться и со Христом быти*». Что и сбылось над ним вскоре³¹.

Весь этот Собор почтенных Старцев О. Моисей и принял в Обитель и упокоивал со свойственным ему доброжелательством и редким радушием, оказывая им всегда подобающее почтение и приветливость, и стараясь по возможности удовлетворять их потребностям и желаниям, а они

со своей стороны служили немалым украшением для Оптиной Пустыни.

И образованных людей и простых из всякого сословия О. Моисей принимал в братство охотно, если видел в них благое намерение угождать Богу; не требовал никакого вклада в пользу Обители и в 1847 году сам выразился так одному приезжему: «Мы принимаем и тех, кто только себя принесет, иногда и в рубище, едва его прикрывающем». По опыту знал он, что в общежитии потребно много рук; потребны и люди с самыми многоразличными способностями, дарованиями и познаниями, что каждый тем или другим может быть полезен Обители. Но не столько заботился О. Моисей о том, могут ли принимаемые им принести пользу Обители, сколько о том, чтобы Обитель действительно послужила к их душевной пользе и спасению, и потому одинаково охотно принимал не только молодых и здоровых, но и старых и хилых, изъявлявших искреннее произволение, посвятить остаток дней своих, на служение Господу. Даже и слепых было при О. Моисее шесть человек. С особенною, отеческою любовью смотрел, он на своих слепых, как они усердно подвизались в послушании, кто звонарем, кто в хлебне. При этом иногда, с удовольствием вспоминал он, что и в Саровской Пустыни, в его там бытность, жил слепой, который искусно плел mreжи (сети) и, занимаясь своим рукоделием, припевал Псаломские стихи: *сохрани мя от сети, юже составиша ми и от соблазн делающих беззаконіе. Падут во mreжу свою грешницы. Един семь аз дбндеже преїду* (Пс. 140: 9)³².

Случалось О. Моисею слышать и укоризны, зачем он, при такой скудости в средствах, принимает много народу. На это он обыкновенно отвечал: «Чем больше принимается в Обитель, тем больше молитвенников и служащих Богу, Который на долю всякого и посылает потребное». – В последние годы жизни О. Архимандрита Моисея одна почтенная Старица, прехавшая в Оптину Пустынь на богомолье, предложила ему тот же вопрос: зачем он, терпя постоянно недостаток, принимает в Обитель столько больных и старых, которые работать не в силах, тогда как содержание их обходится не дешево? – «От вас ли я это

слышу»? – отвечал О. Архимандрит. – «Здоровый и молодой везде найдет себе пристанище, а если старых-то и неспособных к делу, каковы мы с вами, не призреть, то куда им деться? Притом же на всякого поступающего в монастырь, Господь и посылает, а на старичков и на больных вдвое, потому что они сами ничем не могут воздать принявшей их Обители». – Но повторяем, что О. Моисей принимал не всех безразлично, а обращал внимание на готовность и усердие служить Богу в Св. Обители. В одном только случае, О. Моисей затруднялся принимать: если кто-либо, особенно из новоначальных, желал перейти в Оптину, не ужившись в своем монастыре. Таковых он всячески уговаривал возвратиться на прежнее свое основание, т. е. туда, где полагал начало, и принимал только в случай решительного от этого отказа.

Не ошибся О. Моисей в духовном своем расчете. При помощи Божией он собрал большое братство и успевал питать и содержать его безбедно. Труды при этом бывшие, он выносил главным образом на себе, и без сомнения получил от Господа многую мзду, за то, что послужил делу спасения многих. Обитель же осталась в духовной прибыли, сделавшись местом жительства, а потом и упокоения многих истинных рабов Божиих.

Труды О. Архимандрита Моисея относительно братий, не ограничивались заботой о том, чтобы построить и благоустроить для них церкви и кельи, и снабдить братство одеждою и трапезою, о чем мы скажем впоследствии, но главное внимание Старца было обращено на духовное воспитание братства и нравственную его поддержку, Благодичие и продолжительность церковных служб, все внешние и внутренние порядки Оптиной Пустыни, весь ее духовный строй, все это установилось и утвердилось в настоятельство О. Моисея. Главная же и неоценимая заслуга его состоит в том, что он и на будущее время упрочил благоустройство Обители и Скита, решившись при содействии посланных ему Богом Старцев, ввести в своей Обители древний порядок иноческой жизни, учредить так называемое «Старчество».

Под словом «Старчество», понимается искреннее отношение духовных детей к своему духовному Отцу, или Старцу. Отношение, которое выражается со стороны учеников совершенным послушанием, т. е. отсечением пред Старцем не только своей воли во всем, но и своего образа мыслей, своих разумений и откровенного, полного исповедания тайн сердечных, а со стороны Старца, не старика только летами, а мужа духовно-разумеющего и обогащенного долгою опытностью, трудами и успехами на поле добродетелей, со стороны такого Старца, говорим – духовное назидание учеников с любовью и разумным снисхождением к их немощам, долготерпение, соединенное с постоянною молитвою о преуспевании и спасении учеников, и образ действий, согласный со словами Св. Писания: «*начат Иисус творити же и учити*» (Деян. 1:1.). Такой путь послушания Старцу, в смысле духовного общения и руководства, есть без сомнения самый безопасный для инока, самый надежный и скорее других приводящий, искреннего послушника к его цели, т. е. духовному совершенству³³.

Множество иноков, как видим из Писания, Св. Отцев подвижников и из их жизнеописаний, шли этим путем и преуспевали в добродетелях, в цветущие времена монашества. Впоследствии, путь этот сделался более редким и только в прошлом столетии, просиял снова в Молдавских общежитиях, у знаменитого и поистине великого в добродетелях Архимандрита Паисия Величковского. Оттуда проникло Старчество и в наше отечество.

Судя по вышеупомянутым свойствам истинного Старца, конечно, не всякий инок, хотя бы он и долгое время подвизался, может быть Старцем и руководителем других. О. Моисей без сомнения мог им быть для многих, как был для своего брата О. Игумена Антония и других в Рославльском лесу; но, при разнообразных заботах настоятельской должности, не считал этого удобным для себя. Зная по собственному опыту и плоды своей воли, хотя и на добро направленной, и плоды искреннего послушания духовному наставнику, О. Моисей несомненно желал доставить своему братству наиболее удобный путь к

духовному совершенству. Смеем думать, на основании других его действий, что он и много и усердно молился о сем Богу, потому что Господь послал к нему в Обитель Старцев О. Леонида и О. Макария, бывших истинными и яркими светильниками веры, Евангельского благочестия и сокровенной иноческой жизни во Христе.

В 1829 году поместился в Оптину Пустынь О. Леонид, а в 1834 году, с согласия О. Моисея, прибыл сюда же и водворился здесь, для совместного жительства с О. Леонидом, и иеромонах О. Макарий Иванов, бывший прежде уставщиком и ризничим в Пощанской пустыни.

«Оба Старца, говорит о них покойный Преосвященный Игнатий Брянчанинов³⁴, лично и хорошо их знавший, были напитаны чтением отеческих Писаний о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом... Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда они не давали советов из себя; всегда представляли в совет изречение из Св. Писания или Отцев. Это давало советам их силу; те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали слово Божие, и находили справедливым, покорить ему свое умствование», – Но еще более придавало силы их советам то, что они не только изучили творения Св. Отцев подвижников, но и осуществляли их советы в собственной своей жизни: сами делом проходили то, что встречали в книгах Св. Отцев. О. Леонид в течение многих лет находился в искреннем послушании, своему Старцу схимонаху Феодору, с согласия которого оставил и должность Начальника Белобережской Пустыни. Старцем О. Макария был сначала один из учеников Архимандрита Паисия схимонах Афанасий, а потом О. Леонид, под руководство которого О. Макарий, искавший в себе плодов истинного послушания, поступил уже в то время, когда многие имели его своим наставником. Таким образом, О. Леонид и О. Макарий, как делатели, вкушившие от плодов послушания, могли с духовною пользою вести по этому пути и других, прибегавших к ним с верою и покорностью. Бывши в начале сами хорошими послушниками³⁵,

они сделались в свое время мудрыми Старцами, и с твердостью, и искусством могли руководить и новоначальных, и преуспевавших в духовной жизни. Слава о них вскоре далеко распространилась, и из разных концов России, опытные духовные мужи стали присылать под их руководство в Оптину Пустынь людей всякого сословия, желавших посвятить себя монашеской жизни, но недоумевавших касательно выбора монастыря. Так несколько человек поступило в Оптину Пустынь по совету Георгия затворника Задонского, другие по совету Троекуровского затворника Илариона; иные по совету Архимандрита Игнатия Брянчанинова и некоторые по указанию О. Архимандрита Московского, Симонова монастыря Мельхиседека.

Настоятель Обители О. Моисей всех принимал с любовью и, помещая в братство, поручал духовному назиданию Старцев, ибо знал, что они возвещали своим слушателям по истине *«глаголы жизни вечной»*. Поучали их тому, что, произволяющим положить твердое начало иноческой жизни и преуспевать в оной, необходимо идти узким путем отсечения своей воли и разумений, и не только удерживать себя от действий по внушению какой-либо страсти, но исторгать и самые корни страстей, очищая сердце от страстных помыслов молитвою, самоукорением и по возможности частым покаянным объяснением этих помыслов духовному Отцу и наставнику.

Ради духовных советов начали приходить к Старцам из городов и селений люди разного рода: дворяне, купцы, мещане и простой народ обоего пола и все были принимаемы ими с любовью и отеческим вниманием к их сердечным нуждам. Раскрывавшие, пред ними свои душевные недуги и раны отходили вразумленными, утешенными, а часто и совершенно исцеленными. С каждым годом стечение народа к Оптиной Пустыни значительно умножалось, а с тем вместе увеличивались и средства к процветанию Обители.

Хотя в духовном назидании братьев и прочих лиц, приходивших в Оптину Пустынь, главными действующими лицами были Старцы: О. Леонид, а потом О. Макарий, но и О. Моисея заслуга и участие, в этом деле весьма велики. Не будь

настоятель, муж поистине духовный, не содействуя он введению Старчества, оно не могло бы утвердиться в Обители. О. Моисей с любовью принял Старцев и водворил их в своей Обители. Он лучше других понимал высокое значение и силу их благотворной деятельности, и, судя обо всем не по человеческим толкам и понятиям, а с духовной точки зрения, он с редким доброжелательством и беспристрастием, содействовал трудам Старцев всеми зависевшими от него мерами: без их совета не определял и не постригал никого; новопоступивших и новопостригаемых поручал их руководству³⁶ (последних, в то время и исключительно О. Макария); сам во многом советовался со Старцами касательно внутреннего благоустройства Обители и избрал О. Леонида своим духовником.

Случалось, что некоторые лица знакомые Оптинским Старцам, или только слышавшие о них, приезжали в Обитель и спешили по приезде своем прямо к Старцам, чтобы перед ними излить свои духовные нужды и скорби, и только на другой день, успокоившись мысленно, вспоминали, что они еще не видели Настоятеля, не принимали его благословения. Но О. Моисей таких упущений, со стороны своих гостей будто не замечал, и когда бы кто ни являлся к нему, всех принимал с одинаковою приветливостью и ласкою, и все уходили от него утешенные его благодушием и духовною мудростью. Но особенно смирение О. Игумена Моисея и величие его духа видно в том, что он сам обладал и даром слова и знанием сердца человеческого и ведением Св. Писания и Отеческих книг, и духовною мудростью и потому, как мы уже говорили, весьма мог быть духовным наставником других; но с одной стороны, понимая как трудно в одном лице совместить эти две обязанности: настоятеля и Старца, и с другой вполне доверяя О.О. Леониду и Макарию, он не обнаруживал своих духовных, старческих дарований. С посетителями, вел он обыкновенно какой-либо общий, назидательный разговор, зная, что они, по личной духовной потребности своей, верно уже слышали или еще услышат от Старца должное наставление. Даже с бранями, искренно относившимися к Старцу, О. Моисей избегал брать на себя

наставничество, а только при случае, вкратце, делал им как настоятель нужное замечание. Случалось, что во время какой либо поездки О. Игумена Моисея, по благочинию или с другою целью, сопровождал его кто-либо из братий, имевших близкое отношение к Старцу; и в продолжение многих дней, О. Игумен, не скажет ему бывало ни одного слова, собственно к его назиданию, зная, что у него есть наставник, которого он должен держаться. Многие и не подозревали, что тот, которого они считали только хорошим хозяином, и мудрым настоятелем, был вместе с тем и мужем по истине духовным, в полном значении этого слова. Другие, хотя и знали это, но не могли подвигнуть его оставить любимое свое молчание и только изредка, по просьбе немногих лиц, соглашался он объяснить то или другое неудобопонятное место из Св. Писания или побеседовать о чем-либо духовном, и тогда все заслушивались мудрых его слов.— Однажды, особенный случай заставил О. Архимандрита сделать некоторым лицам в Обители наставление в присутствии О. Макария. Из уст Старца – Настоятеля так и полились речи, исполненные мудрости и силы духовной. Все с изумлением слушали его, изумляясь и тому, как он говорить, а еще более тому, как он всегда молчит, имея такие дарования. Но, повторяем, только особенные случаи заставляли, таким образом, О. Моисея высказываться. По духовной своей мудрости, он самым настоятельством своим пользовался не для того, чтобы выставлять себя, а более скрываться внутри себя: ни малейше не завидовал Старцам, в их духовной деятельности и ее плодах, но с смиренною мыслью, оставлял себе только настоятельские труды и попечения, по-видимому только внешние заботы и благосостояние Обители, утаивая от всех и свои дарования, и свои молитвенные труды о духовном преуспевании братий под руководством Старцев.

Но этого мало. Заслуги свои касательно введения в Оптиной Пустыни Старческого наставления братии, О. Моисей запечатлел и тем, что перенес за это много скорбей.

При вступлении О. Моисея в должность Настоятеля Оптиной Пустыни были здесь в числе братства люди, несомненно благочестивые и подвизавшиеся о своем спасении,

но, насколько нам известно, более направленные на телесное делание: пост, бдение, молитву с поклонами, псалмопение и т. п.. Внутреннее же делание инока – очищение сердца от страстных помыслов молитвою и исповеданием их духовному наставнику – не входило в круг духовной деятельности тогдашних жителей Оптиной Пустыни. Заключаем это из того, что некоторые из них, вооружались на своего Настоятеля за устройство Скита с его безмолвною келейною жизнью и еще более стали вооружаться на него и вооружать других братьев, за то, что в этом Скиту поместился на жительство О. Леонид со своими учениками и стал принимать всех прибегающих к нему, за наставлениями и советами.

Основанное на учении древних Св. Отцев, ежедневное объяснение помыслов Старцу и проверка своих действий его наставлениями и советами, казались невиданным этого прежде старичкам, только сплетнями, нововведениями, которых устраивает О. Моисей с Леонидом, а иные называли это просто новою ересью. Сначала роптали только между собою, потом стали доносить об этом, конечно по своим понятиям и со своими прибавлениями, Епархиальному Начальству и успели исходатайствовать у Преосвященного Гавриила указ из Консистории, в котором было сказано, чтобы четыре иеромонаха из старшей братии вместе со строителем и Казначеем, участвовали в совещаниях по всем важнейшим делам Пустыни и без общего их согласия ничего, относящегося к благоустройству Обители, не предпринималось и не вводилось в действие. Строителю предписывалось об этом для надлежащего исполнения и объявления братии, с тем, чтобы впредь все исходящие бумаги, по оной Пустыни поступали по принадлежности от имени его Строителя с братию. Это было в 1830 году, т. е. год спустя после водворения в Оптиной Пустыни О. Леонида. Каково было О. Моисею искренно и вседушно ревновавшему, прежде всего о нравственном благе Обители, получить этот указ, выражавший недоверие к нему и связывавший ему руки в распоряжениях! Но, возвергая, по обыкновенно, печаль свою на Господа, он верно и при этом случае повторял, как говаривал впоследствии: «Да, всякое дело

само себя оправдает». Побеждая противных терпением и молитвою, О. Строитель шел неуклонно своим путем, поручая новопоступавших в Обитель руководству О. Леонида и не возбраняя ему принимать на исповедь всех желавших. Некоторые из недовольных братий стали успокаиваться, другие, по необходимости сходили со своего поприща, число новых учеников Старца Леонида увеличивалось и благотворное влияние его на братию, вопреки усилиям противников, делалось все сильнее и обширнее. Но невидимый враг мира и духовного преуспевания не дремал. Поднялась новая буря.

Один из скитских иноков и вместе старожилов Оптиной Пустыни, схимонах Вассиан, воспытал мнимую ревностью за то, что к О. Леониду ходят мирские люди ради совета, назидания и исповеди. Согласясь с некоторыми нерасположенными к О. Строителю и О. Леониду братиями, О. Вассиан неоднократно писал к Преосвященному доношения о стечении к О. Леониду народа и представлял это соблазнительным, и нарушающим, скитское безмолвие, хотя посетители приходили не прямо в Скит, но на пасеку, где была келья О. Леонида, и куда вход был совершенно отдельный, следовательно и никому от этого помехи не было. – В тоже время были в епархии и другие лица, не понимавшие или не нехотевшие понимать духовной деятельности Старца О. Леонида и распускавший о нем невыгодные слухи. Преосвященный Николай, желая утолить молву, а может быть и сам, опасаясь получить какую-либо неприятность по поводу усиливавшихся слухов, приказал перевести О. Леонида со скитской пасеки в монастырь и запретить вход к нему светским людям обоего пола. Исполняя волю Архипастыря О. Строитель Моисей, по неимению в то время в монастыре удобной для О. Леонида кельи, перевел его в ноябре месяце 1835 года в другую келью в самом Скиту и прекратил, таким образом, посещения Старца посторонними людьми. О. Строитель знал весьма хорошо, что он преграждал этим источник духовной пользы для многих, но беспрекословно, скорбя только душою, повиновался воле предержащей власти. Вскоре после этого последовало новое распоряжение Преосвященного Николая, чтобы

непременно переместить О. Леонида из Скита в монастырь. Поводом к этому последнему распоряжению был, как надобно полагать, очень злобный и несправедливый донос, поданный от неизвестного в Москве в канцелярии жандармского управления, и препровожденный оттуда к Калужскому Преосвященному. Последний не мог не обратить на этот донос серьезного внимания и потребовал от О. Строителя Моисея письменного объяснения. Копию с ответа О. Моисея и этот донос, писанный им собственноручно, сохранились в его келейном архиве.

Из них видно, каким злобным клеветам подвергались оба Старца: Строитель Оптиной Пустыни и достойный сподвижник его по управлению братаяею О. Леонид, и как возразил на эти клеветы сам О. Моисей.

Пустынник Гавриил, Молдаванин, упоминаемый в этом доносе, был лично известен Преосвященному Гавриилу, управлявшему Калужской паствою прежде Преосвященного Николая, и помещен О. Строителем Моисеем в отдельной от Скита кельи в монастырском лесу, вследствие письма, к нему от Преосвященного Гавриила еще в 1830 году такого содержания:

Отец Строитель!

Пустынник Гавриил искренно желает, для душевной его пользы, летние месяцы, в неделю пять дней провождать в отдаленнейшей Пустыни. Видя его слезы и стремление к тому душевное, я благословил его, на сей подвиг. Чем далее от мира, тем ближе к Богу.

Гавриил Епископ

Калужский.

24 июля 1830 г.

Повинуясь воле Начальника епархии, О. Строитель дозволил Гавриилу жить вне ограды, но и это при другом Преосвященном, составило один из пунктов доноса на послушного Строителя. Такова общая участь праведных: и добрые дела их перетолковываются в дурную сторону и служат к их же порицанию. Неизвестно, как принял Преосвященный Николай объяснение О. Строителя, но оно было подано в январе месяце 1836 года, а 2 февраля того же года, по приказанию Преосвященного, Старец Леонид был переведен в

монастырь, где и занял келью, на условии, никого к себе кроме братьев не принимать. Однако недовольные из братьев не удовлетворились этим, и хотели жаловаться прямо в Синод, но предварительно спросили мнение о сем О. Игнатия Брянчанинова, бывшего в то время уже Архимандритом и настоятелем Сергеевой Пустыни, недалеко от Петербурга. Главою недовольных был, как видно, иеромонах Иларий. Он писал к О. Архимандриту Игнатию, ему и отвечал последний в марте 1836 года письмом, которое дошло до нас и оканчивается словами: «Оставьте Вашу мысль о жалобе в Синод, когда не хотите на старость лет испытать горькую чашу». После такого внушения от Петербургского Архимандрита, бывшего, хотя и краткое время, послушником Оптиной Пустыни, жалобы замолкли.

В 1837 году, т. е. через год с небольшим, после того как О. Леонид перемещен был в монастырь, посетил Оптину Пустынь, проездом из Петербурга в Киев, член Св. Синода Преосвященный Филарет Митрополит Киевский; вместе с ним приехал и Преосвященный Николай Епископ Калужский. Митрополит очень милостиво и внимательно обошелся с О. Строителем Моисеем и Старцем Леонидом. Последнего Высокопреосвященный Филарет знал еще в 1807 году, когда сам был Игуменом в Свенском монастыре, а О. Леонид был Строителем Белобережской Пустыни.

Неизвестно, что и как беседовали между собою Владыки Киевский и Калужский, но вскоре по отъезде В. Пр. Филарета, О. Строитель Моисей 5 сентября 1837 года был посвящен Преосвященным Николаем в сан Игумена и О. Леонид не подвергался более таким сильным притеснениям, как прежде. Преосвященный Николай стал повидимому менее доверять толкам недоброжелателей.

Последние пять лет своей жизни с 1836 и до октября 1841 года, О. Леонид провел в монастыре, постоянно продолжая свое служение ближним. Посетители Оптиной Пустыни, и в особенности братия ее, пользовались его советами, и Обитель утверждалась духовно. Сотрудником О. Леонида и преемником его в деле духовного руководства и назидания братьев и

приезжих был, как мы уже сказали выше, иеромонах О. Макарий Иванов. Еще в 1836 году, по представлению О. Строителя Моисея он был утвержден в должности духовника Оптиной Пустыни и до самой блаженной кончины своей, последовавшей 7 сентября 1860 года с неутомимой ревностью и усердием продолжал святое дело служения Богу, в лице душевностраждущего человека.

Таким образом, «Старчество» было насаждено в Оптиной Пустыни. Политое слезами духовно-мудрого Настоятеля и его благих помощников, возделанное их сердечными воздыханиями, скорбями и молитвами, оно возросло и укрепилось, а потом принесло и добрый плод – благоустройство Обители. Мы уже сказали выше, но считаем нужным повторить еще раз, что хотя ближайшими насадителями Старчества и были О. Леонид и О. Макарий, но на долю О. Моисея выпадает при этом великая заслуга. На нем сбылись слова Св. Писания: *даст ти Господ по сердцу твоему и весь совет твой исполнит* (Пс. 19:5.). Он сердечно, молитвенно, желал ввести духовное руководство для братий и Сердцеведец *внял уготованию сердца его* (Пс. 9:38.), послал и ему О.О. Леонида и Макария, как некогда послал Авве Серида в Палестине Варсануфия Великого и Иоанна пророка. Оставив Александро-Свирский монастырь О. Леонид направился со своими шестью учениками не в Оптину Пустынь, а в Площанскую, с намерением поместиться там на всегдашнее жительство; но пробыл там лишь полгода и переехал в Оптину, привлекаемый сюда не приглашениями О. Моисея, а нравственными его достоинствами и характером его управления Обителью, О. Макарий прибыл вслед за О. Леонидом и оба они, каждый до своей кончины, не оставляли уже более Оптиной Пустыни, не были вынуждены искать себе нового места жительства, а трудились здесь, под защитой и охраной духовно разумевшего и высоко ценившего их подвиг Отца Моисея.

Принимая в Обитель и Старцев, потрудившихся в других монастырях, и вновь приходивших из мира, О. Моисей умел замечательно хорошо держать себя в отношении и тех и других. Он был рожден быть Настоятелем. От природы горячий по характеру, многовременным подвигом понуждения себя, он

приобрел замечательную тихость и кротость в обращении. Но не вдруг и нелегко досталась ему такая победа над гневом. Еще при нас, т. е. в 1840-х годах, бывали случаи, что рабочие, которых О. Архимандрит Моисей до последнего времени жизни всегда сам нанимал и рассчитывал, выводили его из терпения своими нелепыми требованиями и грубостями; тогда О. Моисей, чувствуя, что начинает сам волноваться гневом, быстро оставлял этих рабочих и уходил из передней в другие свои комнаты. Что он там делал нам неизвестно, но думаем, что молился, потому что через короткое время опять выходил в ту же переднюю, к тем же рабочим, но совершенно другим человеком, вполне спокойным. Он бывал и весел без нарушения своего кроткого, духовного величия; всегда сосредоточенный в себе, но ласковый в общении с ближними, невольно внушал к себе уважение. Мы, братия, смотрели на него с любовью и благоговейным страхом, но едва ли не во всех нас преобладал страх, хотя О. Архимандрит Моисей и не был грозен в речах и действиях: напротив, в них всегда проглядывала любовь и духовное понимание нужд и немощей человеческих, но и строгость к самому себе. Он не любил повелевать и выказывать свою власть, но всегда и везде был сам начальником и не упускал власти из своих рук. В многолюдной Обители с тремя почтистами братий и рабочих, при огромном хозяйстве, множестве самых различных послушаний, постоянных постройках, большом съезде посетителей и стечении народа, не было заметно в О. Моисее ни суетливости, ни тревоги. То же самое, в известной степени, от Настоятеля переходило и на братию. Всякий свободно, и как будто сам по себе, занимался своим делом, а между тем общий порядок не нарушался; все управлялось одною волею, подчинялось одному человеку, а человек этот только ходил везде и смотрел, говорил мало, и часто как будто не замечал того, что было перед глазами. Дело в том, что О. Архимандрит Моисей, как сам все исполнял по совести, так и братий направлял к тому, чтобы всякий из них делал свое дело без стеснения, по совести. Никому не позволял он уклоняться в своеволие, но с другой стороны, всякому благоразумно

предоставлял достаточную свободу. Зная, что каждый, занимаясь каким-либо делом, приобретает в нем навык и опытность, и что сверх того большею частью нельзя предвидеть, что может встретиться при исполнении того или другого поручения. О. Архимандрит, отдавая приказания, не любил входить в мелочи и тем связывать подчиненных. Главнейшее, что нужно скажет, а остальное предоставлял собственному их соображению и обстоятельствам. Если же кто добивался наперед получить подробное приказание на все, то он обыкновенно говаривал: «Да уж там само дело укажет». И что же? Встречались часто, при исполнении порученного дела, непредвиденные обстоятельства, и посланный, не будучи связан подробною инструкцию, мог действовать, как признавал за лучшее, по крайнему своему разумению, а в душе был рад, что не получил приказания, которого добивался, но по обстоятельствам не мог бы и исполнить.

За всякий труд, понесенный в пользу Обители и братства, О. Моисей был всегда признателен, и потрудившихся, умел утешить и ободрить выражением своей благодарности и отеческою приветливостью. «Спаси Господи за святое послушание. Благодарствую», – бывало скажет, почитаемый Старец, и всякий с полным усердием готов трудиться в десятеро более.

Назначая кому-либо занятие, или как говорят в монастырях, «послушание», О. Архимандрит старался обращать внимание брата, на внутренний духовный смысл поручаемого ему дела. Так, определяя одного послушника в должность будильщика³⁷, О. Архимандрит сказал ему: знаешь ли ты, брат, какое это послушание? Ведь это дело ангельское. Как ангелы возбуждают людей на молитву, так и будильщик возбуждает братию. Помни же это и старайся по совести проходить такое послушание.

Проникнутый духом писаний Св. Отцев подвижников, он старался исполнять их учение на самом деле. – Помня слова Св. Дорофея: «Если не хочешь впасть в раздражительность и злопамятность, то отнюдь не имей пристрастия к вещам... если какой-либо сосуд, случайно или по небрежению разобьется, или потеряется, не скорби». О. Архимандрит Моисей применял это к

различным случаям в жизни. Бывало кто-либо из братии, при исполнении к... *отсутствуют страницы текста оригинала* 96,97 опять повторил, что огурцы были, кажется мелки. Огородник опять стал оправдываться и старался доказать, что огурцы очень хороши. В течение двух недель, О. Архимандрит несколько раз повторял свое мнение об огурцах, так что огородник стал об этом горевать, буквально плакал, и наконец вздумал: пойду к нему объясняться. Пришел и начал так: «Батюшка, Вы на счет огурцев несколько раз мне говорили, что они мелки, а я все вам противоречил, простите Бога ради. – Только того я брат и ожидал», сказал О. Архимандрит, и успокоил и отпустил его с миром.

Понятно, как сильно действовало такое терпение, соединенное с любовью; как одно слово такого Настоятеля глубоко проникало в сердце и на всю жизнь оставалось в памяти.

По слову Апостольскому *любвы всему веру емлет* (1Кор. 13:7), О. Моисей верил совести каждого и верил не на словах только, а на самом деле, и по вере его сбывалось. Если и попадались люди, которые не оправдывали его доверия, то таковые скоро обнаруживались и сами не могли оставаться в Обители, хотя бы их и не высылали; но за исключением подобных, весьма редких случаев, каждый из братства в душе чувствовал, что доверие Старца-Настоятеля, внутренне его связывало и не позволяло ему уклоняться от добросовестного, по силам, исполнения послушания. Для всех доверие Настоятеля, было лучшим поощрением и лучшей наградой, потому все и старались как только могли, все трудились не со стесненным сердцем, а от души, с полным усердием и успеха было более, нежели бывает при других порядках.

Однако, при мудрой снисходительности, правление О. Архимандрита Моисея вовсе не было слабое. Он редко взыскивал, долго молчал, хотя и видел какие-либо беспорядки, но тем не менее, в случае надобности умел вразумить, кого требовалось, и напомнить ему о послушании и настоятельской власти. Нерадения или небрежности в деле послушания, на которое он сам смотрел и всех нас приучал смотреть как на

дело Божие, он весьма не любил, и кто в этом оказывался виновным, тому он в свое время давал почувствовать его вину.

Так один из его келейников, иеродиакон Никандр рассказывал: «Зимою придет, бывало О. Архимандрит от утрени, сожмется, холодно ему, и скажет мне: «Посмотрика брат, сколько градусов на дворе?»³⁸ – Раз я сказал: 18°. – Холодновато. Что тут делать? Истопить бы печку что ли? – Как благословите, Батюшка. – Уж теперь бы что ли истопить, или после обеда? – Как благословите, Батюшка. – А ты был у утрени? – Был, – Ну уж потрудись, истопи». А когда случалось, проспишь и скажешь не был, то повелительным тоном ответит: истопить печку. Повернется и уйдет. Подобных случаев было не мало.

Еще более О. Архимандрит Моисей не допускал самочиния, то есть направлял всех так, чтобы на всякое дело спрашивали благословение, и ничего не предпринимали бы по своей воле. Как бы успешно и полезно для Обители ни было дело, предпринятое без благословения, О. Моисей этим никогда не успокоивался и говорил, что в таком случае, самочиние приводит к тщеславию и оканчивается душевным вредом. А когда тоже дело совершается с благословением, то ради молитв братии и Настоятеля Господь покрывает послушника от всего вредного и он получает душевную пользу. Тут О. Архимандрит приводил и слова Апостола: *сеяй о благословеніи, о благословеніи и пожнет* (2Кор. 9:6).

По этому О. Архимандрит весьма внимательно следил за братьями и не позволял им уклоняться в своеволие, но, обличая делом, а не словом только, вразумлял так искусно, что давал виноватому возможность самому понять свою ошибку и исправить ее, или беречься подобных, на будущее время.

Так раз О. Моисей заметил, что эконоом, не спрашивая его благословения, (хотя и ежедневно приходил к Настоятелю за приказаниями) от себя делает, некоторые распоряжения. Не говоря ему об этом ни слова, О. Архимандрит постарался обличить его самым делом. Обходя монастырь и увидав эконома, он подозвал его к себе и спросил: «Там вот куча мусора лежала, а теперь я ее не вижу, куда она девалась? – Да

я ее велел смести, Батюшка. – Что же ты меня не спросил, у меня для этого мусора было другое назначение. Ты все самочинничаешь, без благословения делаешь. Надобно обо всем спрашивать». И столько говорил об этой безделице, куче мусора, что экононом поневоле увидел, как Настоятель за всем следит, хотя и помалчивает, и вперед берегся уже самочиния, не относительно мусора только, но и в других делах более важных, которые прежде делал не спросясь у Настоятеля. «Монашество требует смирения и прощения» говаривал О. Архимандрит Моисей в подобных случаях, наклоня всех, со свойственною ему духовною мудростью, к добровольному сознанию своих ошибок и охотно прощая в таком случае.

Назначая раз, одного монаха старшим в просфорню и давая ему наставление, как обращаться с подчиненными ему братьями, О. Архимандрит Моисей сказал: «А когда кто скажет: прости Бога ради, то – все кончено, так ты и знай!». Также точно поступал и сам он; если кто раз испросил прощенья и получил его, то О. Архимандрит об этом деле, никогда более не вспоминал.

Если же кто-нибудь и после долгого выжидания со стороны Настоятеля не вразумлялся, то О. Архимандрит, снисходя его немощи душевной, старался найти удобный случай к обличению его, или когда заметит, что тот, кого следует вразумить, в хорошем расположении духа и готов принять замечание или когда виновный сам являлся к нему по какой-либо своей надобности и казался спокойным. «Придешь, бывало к О. Архимандриту, рассказывал один из старших братий, бывший тогда и сборщиком и погребничим, он тебя несколько раз с ног до головы осмолит, и когда увидит, что ты совершенно спокоен, тогда и начнет делать замечание: «Да, вот, брат, я давно хотел тебе сказать и проч.», а если заметит, что не покоен, то и говорить не станет.

Одному новонаначальному послушнику из дворян, назначили, раз читать в церкви кафизмы в течение седмицы. Первые два или три дня приходил он исправно к началу службы и исполнял свое дело. Потом ему показалось очень трудным и днем заниматься делом и вставать еще к утрени в два часа ночи, и он

успокоился на той мысли, что и без него найдется кто-нибудь прочесть кафизмы, и пренебрег этим делом. Ни Настоятель, с которым он после того не раз встречался, ни другой кто-либо из братьев не сделал ему за это выговора, потому он скоро и забыл о своей неисправности. Немало времени спустя представилась ему надобность выписать что-то для рукоделия, которым он занимался, и он пошел просить об этом Настоятеля. О. Моисей, приняв его, по своему обычаю приветливо, взял карандаш, чтобы написать, что ему нужно, и между тем завел речь о прошлом. «Да вот уж в прошлом месяце, вы были назначены читать кафизмы. В понедельник и во вторник прочитали Вы как следует; в среду же не пришли к утрени; в четверг опять не пришли; не пришли и в пятницу, и во все эти дни читал за Вас другой. Подумал я: конец венчает дело; не придет ли он в субботу, чтобы, хотя самому окончить свою седмицу, но вы и в последний день не позаботились прийти. Объясняли ли вы об этом Старцу? – Нет, едва мог проговорить озадаченный такую неожиданностью послушник. – Как же это? Пренебрегли святым послушанием и не сочли даже нужным покаяться? О, великое нерадение о душе», – продолжал О. Моисей, не выпуская из рук карандаша; и так долго поучал виновного, застигнутого врасплох и совершенно обезоруженного послушника, что последний был вынужден просить прощения и не скоро позабыл это вразумление.

Вообще, смотря снисходительно, на немощи и не взыскивая за малости, доверяя на совесть, О. Архимандрит не пропускал поступков, требовавших исправления, но сохранял их в памяти, и, дождавшись удобного случая, за один раз высказывал все, что нужно, все припоминал за долгое время, так что слышавший не знал, чему более удивляться; продолжительному ли молчанию Настоятеля, или неожиданному его обличению, из которого было ясно, что он видел все и прежде бывшее, и не забыл того, а ясно представлял его вину, и в прежних действиях, и теперь; обличал неуклонно и такое делал сильное назидание, что всякое самооправдание разрушалось в прах, и один подобный случай оставался памятным на многие годы и действовал сильнее

часто повторяемых выговоров. От этого и происходило, что хотя О. Моисей мало и редко говорил, но влияние его ощущалось во всей Обители, во всем братстве. Слово О. Архимандрита Моисея никогда не было праздное, но всегда сказанное кстати, редко да метко; но вместе с тем не в начальническом, властительном тоне, а в отеческом духе и весьма рассудительно. По своей духовной мудрости, он на всех смотрел как на детей, на которых и не мог сердиться, а в случай надобности только вразумлял их отечески. Одному монаху из Оптинских старожилов, некоторые распоряжения Настоятеля показались неосновательными; долго он боролся с самим собою, желая объяснить это Настоятелю, но – боялся его расстроить; наконец решился высказать свои мысли, а там, подумал он, пусть уж будет, что будет! Пришел к О. Архимандриту и сказал ему: «Батюшка, меня один помысл очень беспокоит. – Что же тебе, брат, помысл говорит? – А вот, Батюшка, помысл мне говорить, что Вы не так делаете то и то», и высказал все, что было у него на уме. О. Архимандрит выслушал все молча и внимательно, а потом тихо, с улыбкою, отвечал: «Скажи, брат, твоему помыслу, что это не его дело». С тем и отпустил этого монаха, так что он, обезоруженный кротостью Настоятеля, удалился совершенно успокоенный и после сам смеялся над собою, как просто разрешились все его мысленные колебания.

Слово обличения и вразумления О. Архимандрита было с властью и благотворно действовало на братий потому, что он имел правило, прежде, нежели сделать замечание брату, внутренно помолиться за него Богу. Этот секрет своей внутренней жизни, О. Архимандрит высказал как бы невольно в 1861 году, одному иеромонаху из числа Оптинской братии, при назначении его Настоятелем Глинской Пустыни. Иеромонах этот просил у О. Архимандрита совета и наставления, как обращаться с братию. Тотчас О. Архимандрит на это ничего не ответил, а на другой день, при беседе о различных предметах, сказал: «А на счет того, что вы вчера спрашивали, как обращаться с братию, – опыт указал мне такое правило: если кому нужно сделать выговор или замечание, то надобно прежде

в сердце помолиться за него Богу. Думаешь иногда, что брат тот, не примет замечания, а если помолишься за него сперва, то смотришь сверх ожидания, он и замечание выслушает спокойно и исправление бывает».

Иеромонах Вассиан, поместившийся в Оптину Пустынь на покой из Московского Данилова монастыря, рассказывал, что наслышавшись разных толков и рассуждений о действиях О. Архимандрита Моисея, и давая им вероятие, он несколько раз решался откровенно объясниться с О. Архимандритом о слышанном, и ходил к нему с этой целью. Но каждый раз встречал такой радушный, ласковый прием, что вся смелость и решимость передать ему слышанные замечания пропадала, и я как обезоруженный, говорил О. Вассиан, уже не решался касаться того, ради чего приходил. Однако сам Старец, поговорив кое о чем, наводил разговор на цель моего прихода. Вот обо мне говорить то и то, начинал он, и, не давая мне, собеседнику своему, сказать ни слова, своими объяснениями рассеивал все мои недоумения и опять с отеческою приветливостью отпускал меня, не показывая и вида, что очень хорошо понимал цель моего прихода.

В Скиту жил схимонах, также Вассиан по имени, который принимал участие, в упомянутых выше доносах на О. Архимандрита, вместе с другими недоброжелателями его и Старца Леонида. Впоследствии О. Вассиан успокоился и жил мирно, но все-таки помнил, что по летам и по времени поступления в Оптину Пустынь, он старше Настоятеля, и на этом основании считал, что тот обязан его слушаться. Бывало и соберется, придет из Скита в Монастырь, и со свойственною ему простотою, начнет выговаривать О. Архимандриту и делать ему замечания. Тот принимал его всегда с обычною своею любовью, молча выслушивал его, давал ему наговориться вдоволь, и потом, уходя в свою келью, возвращался оттуда со связкою баранок или чем-нибудь подобным и, благодаря своего обличителя, отдавал ему гостинец, приговаривая: «Ну, О. Вассиан, спаси тебя Господи, что потрудился посетить меня грешного, вот тебе за это и гостинец». Бывало братия увидят, что схимник возвращается в Скит со связкою баранок и,

улыбаясь, догадывались, что он приходил учить или обличать Архимандрита. Следуя заповеди Апостольской: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое, (Рим. 12:21) и смотря на всех благим окомъ, по слову писания, не узрит зла.* О. Архимандрит Моисей хорошо понимал, что прежние ошибочные поступки О. Вассиана происходили от того, что он, по простоте своей, не разумел высокой духовной жизни Старца О. Леонида и других, и был только орудием людей, злоупотреблявших его ревностью о добре. Впрочем, повторяем, что О. Вассиан в последние годы своей жизни, успокоенный любовью, и вниманием к нему О. Архимандрита Моисея и Старца О. Макария, не предпринимал уже ничего по внушению своей прежней ревности и сподобился мирной христианской кончины. Не поминая старого, О. Архимандрит Моисей сам составил для него эпитафию, в которой подробно исчислил его христианские добродетели и монашеские подвиги, так что ни в монастыре, ни в скиту нет, ни на одном братском памятнике такой длинной, похвальной надписи. О. Архимандрит, будучи сам подвижником, уважали в О. Вассиане Старца–подвижника.

Случалось, что некоторые из немощных братий, особенно в первое время настоятельства О. Моисея, питая к нему, за что-либо неудовольствие, увлекались до того, что поносили его разными укоризнами и делали это в присутствии его, притворяясь, что его не замечают. В подобных случаях О. Моисей все выслушивал улыбаясь, с веселым видом и с какою-то радостью принимал неприятные слова, как драгоценный подарок, и после ни словом, ни делом не воздавал за такое неразумие. – А приходя в келью, молился пред образом Спасителя, о котором всегда говорил: «Вот мое прибежище!».

Во все время его Настоятельства никто от него не пострадал; никому он не повредил. Известно, что нехорошая отметка в послужных списках иногда имеет дурное влияние на судьбу брата и приносит часто, немалые скорби. О. Архимандрит Моисей никогда никого не замарал в послужных списках. У него все были хороши и самые немощные – в надежде их исправления. – Даже из Обители он никого не высылал; напротив, если кто-либо из немощных братий хотел

выйти из монастыря, то О. Моисей уговаривал его остаться, конечно если предвиделась для него от этого нравственная польза. Если же кто-либо не внимал и долгим его увещаниям, и, несмотря на оказанное ему снисхождение, не подчинялся монастырским правилам, то сам, наконец, чувствовал, что здесь не его место. При таких случаях О. Моисей повторял слова Старца Леонида: «Кто в монастыре живет не по-монашески, того само место изгонит»; однако и с такими людьми всегда старался расстаться с миром и, отпуская их из Обители, не поминал прежних их вин и проступков, а с полной приветливостью снабжал чем было возможно на дорогу, иногда сверх всяких ожиданий; так что никто не ушел им обиженный или оскорбленный, а все с сожалением расставались с Обителью, умиротворенные духом. Этого правила О. Архимандрит Моисей держался крепко и другим советовал то же. «Если хотите, говаривал он, быть всегда мирными, ни с кем не расставайтесь в неудовольствии; но всячески старайтесь от души простить всех и даже по возможности умиротворить, чтобы разойтись в мирном духе, тогда и сами будете наслаждаться душевным спокойствием». Не редко повторял он псаломское слово: « *взыщи мира и пожени и*», (Пс. 33:15) и не только сам был мирен ко всем, но и других всегда наклонял к взаимному миру и согласию.

Случалось, что между братьями возникало какое-либо неудовольствие, и тот или другой приходил жаловаться к Настоятелю. Внимательно выслушав жалобу, О. Моисей давал недовольному высказаться, прерывая изредка замечаниями в таком роде: «Как же он это мог сказать! – Поди ты, одобрить этого нельзя», а в заключение, когда пришедший думал, что с виновного последует взыскание, О. Моисей обыкновенно говаривал; «Да, уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди, как-нибудь там объяснись с ним». То есть тот, кто приносил жалобу должен был делать первый шаг к примирению или просить прощенья у другого... Случалось, что кто-нибудь, очень убедительно доказывал вину другого и вина эта несомненно существовала, тогда О. Моисей, внимательно выслушав, напоминал слова Апостола: «*Не побежден бывай от зла, но*

побеждай благим злое (Рим. 12:21). Если же приносивший жалобу был сильно взволнован и не был готов, сейчас же помириться, то О. Моисей советовал это сделать, когда несколько успокоится. Или же, если видел, что неудовольствие далеко зашло, выслушав жалобу, говорил: «хорошо, позову его». И действительно, бывало, позовет, но поговорить с ним о другом деле, а по взаимным жалобам никогда не делал взысканий, зная, что это могло только развивать в братстве раздоры и несогласия. Виновных же вразумлял сам, при удобном случае. – Случалось и так, что поспорившие между собою братья оба разом приходили к нему на суд, О. Архимандрит внимательно на них взглянет и, если заметит в них смущение, то не станет и расспрашивать, а скажет только: «Ну, братцы, мне теперь не время, подойдите после».

Из многих случаев и братья убедились, что по жалобам, приносимым в неудовольствии, они не получают желаемых удовлетворений и перестали жаловаться друг на друга настоятелю, а старались, объяснив дела Старцу-духовнику, оканчивать оные между собою по-монашески, – Если же О, Игумен Моисей замечал между братьями, немирное расположение, то всячески старался прекратить оное, внушая им, что мы обязаны *друг друга тяготы носить*, по слову Апостола, *да тако исполним закон Христов (Гал. 6:2)*, и сам служил для всех высоким образцом исполнения этой заповеди Апостольской.

Из наставлений, которые О. Моисей давал брату своему О. Антонию еще в 1823 году, когда сам был только начальником Скита и монастырским духовником, видно, как он был велик в этом отношении. «Немощи душевныя», говорил он О. Антонию, исповедавшему ему свою скорбь на одного брата, «должно носить благодушно, без огорчения. Ибо если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом; то таким образом надо и в душевных недугах поступать». «Батюшкою (О. Моисеем) замечен я», записал О. Антоний в своем дневнике³⁹, «очень жестоким касательно ношения немощей братских и благонадежности в их исправлении на лучшее». В заключение он сказал мне: «В

каком бы кого порочном положении ни видел, не должно тому удивляться и сомневаться в его исправлении; ибо многие наконец из пьяниц сделались трезвыми, из буйных кроткими, из блудников целомудренными, и проч. А Св. Златоуст сказал: «Об исправлении того, только должно сомневаться, который во аде находится с бесами». – Когда же, через несколько времени, О. Антоний опять объяснил своему брату и Старцу, «что недостатки братий невольным образом сердцу приносят огорчение», то на это услышал от него: «Я всех Вас недостатки сношу великодушно и никаким немощам Вашим не удивляюсь; а ежели бы всем, тем огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсем бы себя давно расстроил». Таков был О. Моисей еще в 1823 году, при самом начале своего настоятельского поприща.

Можно себе представить, каково было его великодушие и снисхождение к недостаткам ближних, когда он состарелся в трудах настоятельских и подвигах монашеских, когда после многообразных испытаний и скорбей почти сорокалетнего настоятельства возрасла и созрела в нем духовная опытность и мудрость, когда после полувековой подвижнической жизни, смиренный образ мыслей и сознание своей худости и немощи обратились ему в неотемлемый навык... В последние годы жизни, когда кто-нибудь с огорчением говорил ему, о каких-либо беспорядках или безчиниях, О. Архимандрит кратко отвечал: «Да, уж сам-то я хуже всех», и говорил это с таким искренним смирением, что разговор о немощах братских невольно прекращался.

Если, кто-либо из старших братий, которому поручалось наблюдение за порядком в Обители, принимался за это дело очень ревностно и горячо, и в скором времени хотел исправить многое и многих, то О. Архимандрит этого не одобрял и говорил, что подобная, хотя и благонамеренная ревность и строгость, «в человеческом разуме (смысле), а не в духе Христовом». «Сказано, говаривал он, что *от Господа стопы человека исправляются* (Пс. 86:23). Значит, мы много брали бы на себя, если бы сами хотели исправить все немощи немощных. Наше дело, в случае надобности, напомнить о должном.

Послушается нас брат, благо ему; не послушается, понудить его мы не можем, а надобно молиться за него и подождать, пока Господь коснется его сердца».

Обещавший исправиться, не только из числа братства, но даже из рабочих, всегда находил у О. Архимандрита милость и полное прощение. В памяти братии сохранился один замечательный в этом отношении случай. В Обители работал печник, часто плутовавший и нехорошо исполнявший свое дело. По просьбе эконома, О. Архимандрит решил его рассчитать и отпустить навсегда; но печник усердно просил прощения и обещал исправиться. О. Архимандрит простил его и снова нанял. Эконом, узнав об этом, приходит к О. Моисею и говорит: «Батюшка! Вы опять того печника наняли; ведь он плут, как и Вам хорошо известно. – Да ведь он бедный человек, я видел, что на нем и рубашки-то нет, а только кафтан, надобно же ему помочь, притом же он обещает исправиться. – Когда же он исправится, Батюшка, он известный негодяй. – Как, человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй! Сам ты негодяй, ступай!» Так эконом и ушел.

Еще очень заметно было в О. Архимандрите искусство, как с кем из братий обращаться. Немощным он снисходил с духовным искусством, к преуспевшим в монашеской жизни был строже. Из многих примеров это доказавших, приведем один.

После вечернего правила О. Архимандрит запрещал прогуливаться. Раз, идя в такое время по лесной дорожке, он увидел, что навстречу ему идут два послушника. Один из них, увидав Настоятеля, тотчас убежал, а другой спрятался близ дороги в кусты!; О. Архимандрит этого не мог не заметить, но, продолжая свой путь, подошел к кустам, стоявшим на другой стороне; дороги, как раз против того места, где спрятался послушник и долго переступал около него с ноги на ногу, не отходил далеко, но обходил эти кусты и громко разговаривал с самим собою: «Что за чудо! Или привидение это было? Ведь сам же я видел. Люди были, шли на встречу, куда же они давались? Или мне привиделось». Послушник слышал все это и сидел вблизи ни живой, ни мертвый. Но О. Архимандрит не подошел к его убежищу, а ходил только около противоположных

кустов и потом ушел совсем. На другой день послушник этот пришел сам просить прощенья и получил его.

Некоторым и из младших братий говорил всегда *Вы*, и имел с ними ласковое и даже почтительное обращение. Другим и из старших говорил *ты* и держался с ними простоты монашеской. Иным предоставлял известную свободу действий, а в ком замечал готовность смиряться – тех смирял и смирял нещадно, начиная со своего родного брата О. Игумена Антония. О. Архимандрит хорошо помнил учение Св. Иоанна Лествичника, который, в 4-м слове о послушании, в § 27, говорит: «Как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцев, какие он, по его примечанию, может заслуживать перенесением досад, безчестий и унижений». Раз О. Архимандрит, придя к утрени, увидел, что О. Игумена Антония нет в церкви. Хорошо было известно, что О. Игумен сильно страдал в это время ногами и по болезни не пришел к богослужению; тем не менее, О. Архимандрит подозвал к себе будильщика и послал его за О. Игуменом. Последний отвечал: «Болен я, не могу пойти». – Будильщик передал это О. Архимандриту. – «Пойди, скажи, чтобы пришел. – Будильщик снова отправился. – Да я бы с радостью пошел, да ноги очень болят, скажи Батюшке, что никак не могу». – О. Архимандрит, услышав это, опять послал будильщика в третий раз. Тогда больной О. Игумен Антоний, с великим трудом оделся и еще с большим пошел потихоньку в церковь. Пришел и прямо к О. Архимандриту, поклонился ему в ноги и просил прощенья в своей лености. О. Архимандрит молча повидался с ним и отпустил его опять в келью. Но дело было сделано; великий пример понуждения себя к послушанию был подан всей братии.

Вновь поступавшим в число братии, в то время не вдруг давали подрясники, а сперва одевали их в так называемый свитки, одежду несколько короче подрясника, обыкновенно из темно-коричневого, весьма грубого сукна. Наскучив носить такую свитку, один из братий, весьма молодой летами, из купеческого звания, пришел к О. Архимандриту просить подрясника:

«Батюшка, благословите мой подрясничек. – Подрясничек, а помнишь ли ты, брат, что сказано в Евангелии об одежде, которую носил Иоанн Креститель: *одежда его была от влас вельблужд и пояс усмен о чреслах его* (Мф. 3:4). Вот, я смотрю на тебя, и твоя одежда похожа на такую, из верблюжьих власов, и пояс также у тебя усменный, т. е. кожаный, хорошая эта одежда; на что же тебе подрясник, походи пока еще в этой». Послушник ушел, утешенный тем напоминанием, которое сделал Старец, говоря об его свитке, а свитка все-таки осталась еще на нем к его смирению.

В ком О. Архимандрит видел недостаток надлежащего разумения, от тех много и не требовал; а если кто, по его замечанию, уже мог понимать дело по-монашески, но был невнимателен к должному, или уклонялся в самооправдание, к тем был строг и взыскателен. Тем из братьев, которых считал более развитыми и понимающими духовную жизнь, поручая какое-либо дело, говорил иногда, что его можно исполнить так или вот так, т. е. на два манера; для того чтобы потом, как бы тот брат ни исполнил дело, иметь возможность его смирить, выставляя на вид иной способ исполнения, может быть лучший.

В ком замечал тщеславие или самохвальство, тех тотчас же смирял. Был в Обители старый монах Иоанникий, который ездил за сбором и не раз бывал в Астрахани для покупки рыбы. В одну из таких своих поездок он возвратился с большим успехом, и на вопрос О. Игумена: каково съездил, есть ли рыба? Самодовольно ответил: «Слава Богу, Батюшка, сорок подвод идет. – Да, вот, брат, мы уж рыбы-то здесь купили», ответил ему О. Моисей, – «Так ты поезжай навстречу своему обозу, да и продай рыбу-то в Белеве. Нам Бог уже послал» – Тщеславный сборщик так и опустил крылья.

В 8 верстах от Обители, на берегу реки Жиздры, был хутор с сенокосными лугами и для рыбной ловли. Последней, заведывал, как мы выше упоминали, старик монах Афанасий, бывший прежде в монастыре главным огородником. Надобность указала О. Архимандриту призвать его опять на время в монастырь. О. Афанасий этот не без тщеславия рассказывал О. Архимандриту о своей рыбной ловле: как он там все устроил и

как все передал своему помощнику. О. Архимандрит хорошо заметил тщеславный оттенок его рассказа; за тем О. Афанасий переехал в Обитель, а ловля рыбы, при усердии его помощника, продолжалась весьма успешно. О. Моисей не пропустил этого случая, для того чтобы смирить их обоих.

При свидании с О. Афанасием, говоря о других предметах, упомянул: «А вот, брат, рыбка-то и без тебя хорошо ловится». Когда же прехал с хутора новый его распорядитель с донесением об удачной ловле рыбы, то и ему сказал: «Да ведь это, брат, не по тебе рыба-то ловится». Распорядитель этот был из крестьян и О. Архимандрит самым произношением слова *табе*, слегка напомнил ему среду, из которой он вышел.

Все братство, всех и каждого О. Архимандрит Моисей хорошо знал. Бывало вечером во время прогулки, обходя монастырь, встретится с кем-либо из новоначальных, предложить ему тот или другой вопрос, заведет разговор о его родных, о семейных обстоятельствах, долго ли он собирался в монастырь, как ему эта мысль пришла и т. д. и незаметно, в продолжение одного разговора, хорошо узнает высказавшегося брата. По времени, когда представится надобность назначить кого-либо на то, или другое послушание, О. Архимандрит, подумав немного, и решается, кого выбрать. «Вот, говорить, уже давно у меня на примете такой-то. Кажется, человек он хороший с благим произволением; должно быть он способен к этому делу».

Неподражаемо, было искусство О. Архимандрита говорить с каждым в его тоне: с простыми по-просту; с образованными на их языке, а со средними, сообразно с их понятиями, и их образом речи. Он хорошо понимал потребности каждого; за то и его внимание ценили все и все его любили. На всякого он умел действовать и всякого направлять к полезному, смотря по его свойствам, привычкам и душевному настроению.

Недавно скончавшийся монах Порфирий⁴⁰, оставил в своих келейных записках такие заметки об О. Архимандрите Моисей. «Часто страдая желудком, я не мог постоянно ходить в трапезу, хотя очень старался об этом, а в такое болезненное время из трех кушаньев выбирал одно или два полегче и обедал в келье.

О. Архимандрит, встречая меня несущего кушанье, благословлял, не делая никакого замечания. Но однажды говорить: «что, в келийку?» Я объяснил причину. Он сказал на это: «Если верую ходить в трапезу, то это может исцелять болезни», и немного помолчав, прибавил: «Не только телесные, но и душевные». (Я же в то время был сильно отягчен разными помыслами). По слову О. Архимандрита я начал ходить в трапезу обедать; с того времени в течение лет пяти или шести я мог ежедневно обедать в трапезе без вреда для желудка. Ужинать же я не начал ходить в то же время, впоследствии же, когда пожелал приучить себя и ужинать в трапезе, то не мог, и должен был брать по-прежнему вместо двух одно кушанье полегче. Насколько я тотчас оказал послушание, настолько получил и пользы.

Другой случай был следующий: в одно время я заметил, по некоторым сделанным мне намекам, что в монастыре распространилось обо мне несправедливое мнение. Я сильно огорчился этим и смутился мыслями, Старцу медлил сказать об этом, вместо того я пробовал объясниться с двумя из более близких ко мне братьев, но один из них уклонился от объяснений, а другой старался только успокоить меня. В это время, мне случилось быть у О. Архимандрита, говоря о чем то, он коснулся в разговоре предмета, подобного мнения обо мне, и пристально взглянул мне в глаза; при этом предложил вопрос, не касавшийся меня лично, я ответил, – он в это время еще взглянул на меня. После этого, лицо его из задумчивого сделалось совершенно спокойным; тоже спокойствие выразилось и в его голосе. Из этого я заключил, что О. Архимандрит отвергнул подозрение против меня; это было первым укреплением, для страдавшей тогда души моей, и после этого я не замечал ни малого подозрения против меня. – Слегка коснуться предмета и двух взглядов для О. Архимандрита было достаточно, чтобы отвергнуть подозрение или сомнение; меня это довольно успокоило или по крайней мере ободрило. – Когда я бывал, отягчен помыслами, то в последние годы жизни О. Архимандрита от одного

благословения его, мне случалось получать облегчение помыслов.

При скудости средств, О. Архимандриту необходимо было посылать некоторых из братьев за сбором. Отправляя их, он советовал, чтобы входя в каждый дом они читали внутренне молитвы: «Отче наш», «Достойно есть» и прочие, какие знают на память, но «Отче наш» непременно. Один из сборщиков рассказывал замечательный случай с ним, бывший в Туле. Пришел я в дом тогдашнего откупщика Молчанова. Вхожу в переднюю, человек тут бывший, спрашивает меня: «Что Вам нужно? – Да, вот я со сборною книгою на Обитель. – Никого здесь нет и не найдете». С этими словами он сам вышел, а я стою и думаю: идти и мне, чтобы не случилось еще какой-нибудь неприятности, а другая мысль говорит: да исполни же слова О. Игумена, прочитай сперва «Отче наш». Я и начал читать мысленно эту молитву. Не успел еще окончить ее, как из боковой двери вышла дама хорошо одетая и спросила меня: «Батюшка, что Вам угодно? – Я собираю на Обитель с книгою. – Подождите немного», – и вошла опять в ту же дверь. Слышу, что она громко говорит кому-то. «Там монах пришел за сбором. – Ну, подай ему», – отвечал другой голос. Щелкнул замок от ящика. – «Да тут мелких нет, только десять рублей. – Ну, отдай их ему». Дама эта и вынесла мне, вовсе ей незнакомому, десять рублей. Это для сборщика немалая редкость и радость, а уйди я, не исполнив слова О. Игумена, ничего бы и не получил. Такова была сила его слов!

При переездах через реки и озера, когда «предлежит жидкий путь», как выражался О. Моисей, он советовал братьям призывать в помощь Св. Николая чудотворца. Один из таких монахов сборщиков рассказывал, как он во время разлива воды, при переезде; через реку, по затопленному мосту, совсем было утонул с повозкою; но вспомнил слова О. Архимандрита, призвал в помощь Святителя Николая и лошадь его, уже погружившаяся в воду, вдруг рванулась и выскочила на мост сама, а за собою вытащила и повозку с седоком.

Много перенес О. Архимандрит неприятностей от подначальных, присылавшихся в Обитель; не говоря уже о

причетниках и мирских людях,⁴¹ которых присылали сюда на покаяние, и священнослужители подначальные в течение многих лет, не давали Старцу покоя своими поступками, и испытывали его терпение. В числе последних прислан был, в Оптину Пустынь Преосвященным Николаем собственный его постриженник, бывший учитель духовного училища, иеромонах Мельхиседек. По временам, он принимался за подвижничество, а потом опять за пьянство. О. Архимандрит переносил его выходки и грубости с удивительным терпением. Раз, этот О. Мельхиседек, после своих проказ, пришел к О. Архимандриту просить прощенья. Старец простил его и сделал ему в своей спальне приличное наставление, на которое О. Мельхиседек отвечал словами: «Ну, Батюшка, а теперь благословите чайку. – Нет, брат, уж чаю-то, знаешь что: надобно помнить «чаю воскресения мертвых», и с этими словами, О. Архимандрит вышел на минуту в другую комнату, а О. Мельхиседек, увидав, что тут же недалеко стояла чайница, схватил ее и стал сыпать из нее прямо себе в карман. О. Архимандрит увидел это через открытые двери и идет назад со словами: «Что ты, что ты это делаешь! – Ничего, Батюшка, чаю-то довольно», – отвечал О. Мельхиседек, ставя на место пустую чайницу, – «а теперь благословите сахарцу. – Ну, что с тобою делать, верно уж и сахару дать», – сказал О. Архимандрит; позвал келейника и велел дать О. Мельхиседеку сахару.

Не раз О. Архимандрита келейники бывали свидетелями подобных сцен и его крайнего снисхождения; многократно испытывали они последнее и на самих себе. К О. Архимандриту имел доступ всякий. Часто приходили к нему продавать разные мелочи и купленные вещи, иногда оставались тут же в комнатах по несколько дней. Заметив это, О. Архимандрит сказал раз своему келейнику: «Что же Вы не прибираете, всякая вещь должна быть на своем месте». Вскоре после этого кто-то принес Старцу арбуз. Он взял его и положил тут же в своей келье. Арбуз этот лежал день, лежал другой, а на третий келейники решили: давай-ка приберем этот арбуз, ведь Архимандрит велел, чтобы всякая вещь была на своем месте, взяли арбуз к себе и после обеда расположились его есть. Половину уже

сели, как вдруг звонок от О. Архимандрита. Старший келейник и говорит своему товарищу: ну, брат, иди ты, если спросите про арбуз, отделивайся, как знаешь. Келейник входит. О. Архимандрит спрашивает: «А что, брат, вот тут у меня одна вещица лежала, да я ее теперь уж там не вижу, где она? – Где, Батюшка, какая вещица? – Да вот здесь, одна вещь была у меня. – Какая, Батюшка, не арбуз ли? – Да, арбуз. – Простите, Батюшка, мы его прибрали, да половину уже и съели. – Ну, принеси мне сюда хоть половину», и больше ни слова; потому конечно, что келейник начал со слова: простите.

Подобными вещами как арбузы и другие фрукты О. Архимандрит любил угощать приезжих, посещавших Обитель с благочестивою целью молитвы и духовного назидания себя. В обращении с ними, да и со всеми приезжавшими и приходившими в Обитель, он был очень приветлив и радушен, но беседовал весьма искусно и разнообразно, имея всегда в виду, и степень образования, и общественное положение, и духовное развитие своих слушателей. С иными заводил речь о торговых делах, с другими беседовал о современных отечественных событиях или политических происшествиях, так что нередко удивлял своих собеседников основательностью и оригинальностью замечаний, которых они никак не ожидали от Настоятеля-пустынника. – С иными беседовал о их семейных обстоятельствах и весьма кстати приводил какой-либо пример или изречение Св. Писания. С удивительным искусством, старался он всегда избегать среди беседы разговора о людях, в смысле их осуждения. Иногда, поставленный течением речи в необходимость произнести свой приговор, он выражал его не резко, а в общих выражениях, не имевших оттенка осуждения. «Да, кто же может это одобрить!» и т. п. «Слово его было сладко, встреча радовала, приветствие его было драгоценно; так всегда было обдуманно и нежно. «Эта прекрасная душа, ни перед кем не оставалась в долгу»⁴², писал о нем один из хороших его знакомых.

Если кто-либо из посетителей говорил, что он считает себя обязанным к всегдашней благодарности, за оказанный ему в Обители прием, то О. Архимандрит обыкновенно отвечал, что

Апостол говорить: *ни единому ни чим же должны бывайте, точію еже любити друг друга* (Рим. 13:8). Тем не менее, он всегда старался по мере своих личных сил и средств Обители успокоивать посетителей и достаточных и бедных. «Всех бывало, обойду и на гостинницах», говорил он незадолго до своей кончины одному приезжему Настоятелю, «а теперь уже не могу я этого делать; очень ослабел силами». – Для помещения приезжих и приходящих были выстроены им гостинницы, на которых бесплатно предлагалось и помещение и пища от Обители. Вместо урочного платежа, кто сколько хотел, столько и клал, по мере своего усердия, в кружку, прибитую к стене в коридоре. Об этом порядке на гостинницах сохранился в памяти братии такой рассказ. Во время игуменства О. Моисея заехал в монастырскую гостинницу, один богатый купец вместе со своим взрослым сыном. Внезапный разлив воды заставил их прожить здесь несколько дней. Купец этот с недоверием смотрел на монахов и не был к ним расположен, и медлил он в монастыре только по необходимости. Видя, что монах гостинник усердно прислуживает им несколько дней и приносить кушанье, он, раз, во время обеда, сказал ему: «Угощаете-то Вы нас усердно, да что-то Вы с нас за это после положите? – Ничего не положим. – Как ничего? – Да, так; у нас есть кружка запечатанная на стене, что Вам Бог положит по сердцу, то Вы в нее и опустите. «Ну конечно, я-то опущу, но ведь другой ничего не опустить, да может быть и много таких найдется. Так всех-то монастырю кормить даром убыточно будет». – На это наш О. Игумен говорит: «Если и 99 ничего не заплатят, так Бог пошлет такого сотого, который за всех вознаградит. При этих словах купец взглянул на своего сына и сказал: «Ну, сотые-то верно мы с тобою». И с тех пор, пораженный такою верою Настоятеля, сам сделался постоянным благодетелем Оптиной Пустыни.

Всякое благодеяние, всякую жертву из усердия к Обители, даже и самую малую, О. Архимандрит Моисей принимал всегда с искреннею благодарностью, особенно во время нужды; но с другой стороны никакому и самому значительному приношению не удивлялся. Случилось, что одно семейство, оказавшее много благодеяний Оптиной Пустыни, посетило Обитель и,

остановившись в монастырской гостиннице, осталось недовольно каким-то распоряжением гостинника. Пошли жаловаться к О. Архимандриту. «Вот, Батюшка, мы всегда с усердием принимаем Ваших сборщиков, всячески стараемся их упокоить, с любовью помогаем Обители, сколько можем, а Ваш гостинник и того-то не захотел сделать для нас». – «Да уж мы думали, отвечал Богомудрый Старец, что Вы оказываете нам благодеяния Ваши ради Бога, и от Господа ожидаете себе награды за Ваши добрые дела. Если же вы от нас грешных ожидаете себе воздаяния, – то лучше уже и не оказывать благодеяний, потому что мы убогие и неисправные ничем не можем воздать за них». – Посетители не только удовлетворились этим объяснением, но и утешились искренностью Старца, и потом сами с удовольствием и благодарностью вспоминали, как, вместо ожидаемых извинений и удовлетворений их самолюбия, получили к душевной своей пользе такое высоко-духовное назидание. Конечно, в этом случае О. Архимандрит знал, с кем он имел дело, а гостинника после все-таки призвал и сделал ему нужное вразумление.

Подобный же случай был и с экономом. О. Архимандрит всегда давал посетителям лошадей до станции, если они того просили, а иногда приказывал эконому при отправлении монастырских подвод за чем-либо в Белев, или другой близкий город, отвозить на этих подводах, конечно бесплатно, бедных людей из посевщавших Обитель. Также и из Козельска приходили иногда некоторые пешком, и потом просили О. Архимандрита, нельзя ли им доехать обратно на монастырской лошади; им никогда не было отказа. Один раз с такою же просьбою пришел к О. Архимандриту бедный чиновник из Козельска. О. Моисей отправил его для исполнения к монастырскому эконому, но последний отказал, по не имению в то время свободной лошади. Потом эконом приходит к О. Архимандриту: «Что же ты, брат, давеча козельскому-то чиновнику отказал в лошади? – Да, простите, Батюшка, лошади не было, потому и отказал. – Чтобы это слово у тебя умерло – лошади нет», – отвечал Старец – «Видите, как строго сказал, – передавал потом эконом другим братьям, – «чтобы

это слово у тебя умерло». Значить всегда, чтобы была лошадь для бедного человека, откуда хочешь возьми».

Не только подводами, но и всем, чем только мог О. Архимандрит всегда с неподражаемою щедростью помогал всякому нуждавшемуся и своим христианским бескорытием и доброжелательностью привлекал к себе сердца многих.

К нищим и нуждающимся, он был особенно милостив и смотрел на них с большою любовью и сочувствием, потому что сам испытывал нищету; за неотступность требований или докучливость не сердился, а всегда с приветливостью подавал сколько мог. Так один раз у О. Архимандрита были гости, с которыми он сидел в зале, в это время в переднюю вошла пожилая, бедно одетая женщина с подушкой в руках. О. Моисей увидел ее в растворенные двери и, по обычаю, вышел к ней в переднюю с вопросом: «Что тебе надобно? – Да вот, Батюшка, не купите ли подушку? – Нет, нам ненадобно. – Батюшка! Сделайте милость, возьмите, у меня дома дети голодные, есть нам нечего. – А что эта подушка стоит? – Полтора рубля. – Нет это дорого, возьми рубль», с этими словами О. Моисей пошел в свою спальню, взял оттуда пятирублевую бумажку и, возвращаясь в переднюю, отдал ее старухе под видом рубля, приговаривая: «дорого, дорого». Женщина поклонилась и вышла. О. Архимандрит пошел к своим гостям, но едва успел занять прежнее место, как старуха, рассмотрев в сенях ассигнацию, опять отворила дверь со словами: «Батюшка, никак Вы ошиблись. – Да ступай, ступай, я сказал, что больше не стоит». Старуха ушла, а гости слышали только разговор про один рубль серебром. Много раз прикрывал он так свои благодеяния.

Часто покупал вещи, вовсе ненужные, или совершенно устаревшие, только потому, что их продавал бедный человек. В Козельске был разорившийся торговец по фамилии Далматов, ныне уже умерший, который возил О. Архимандриту всякие и нужные и вовсе ненужные для Обители вещи. Раз он привез старые хомуты, никуда уже негодные. – О. Архимандрит купил и их. Когда пришел эконо́м, О. Моисей сказал ему: «Возьми-ка, брат, вот эти вещи». Эконом попробовал одну шлею, другую, да

и возразил: «Батюшка, ведь это все гнилье, никуда не годится, на что же вы это купили? – Экой ты, брат, какой, ведь продавал то человек бедный, у него пятеро детей, все равно надобно ему и так помочь». Подобных случаев было множество.

Нередко О. Архимандрит, при свойственной ему проницательности и обширной опытности, ясно видел, что его обманывают, но не показывал этого. Один раз соседские мужики украли рыбу из монастырского садка и принесли ему же продавать. Он купил, не подавая и вида сомнения, а на слова келейника: «Батюшка, да ведь эту рыбу они у нас же украли», – отвечал: «Ну, уж это на их совести, а люди они бедные». – Бывший долго пономарем монах Феодосий, рассказывал также два подобных случая.

Раз случилась у нас на мельнице покража. В числе других вещей украли и коромысло от мучных весов. Через короткое время после этого прихожу к О. Игумену, по своему делу, и вижу, что коромысло это продает ему какой-то незнакомый человек и просит два рубля, а О. Игумен торгуется, не дает, я отозвал его в сторону и говорю ему: «Батюшка, это наше коромысло, которое недавно с мельницы украли». – Он ответил только: – «Хорошо, ступай». После узнал я, что он ни слова не сказал о воровстве и купил коромысло и заплатил, сколько желал продавец.

В другой раз калужский кровельщик чинил главу на колокольне, ему отпускали на починку из монастыря английской белой жести, сколько он спрашивал. Когда он кончил работу и собрался совсем домой, зашел он в церковь, а суму свою положил на паперти, в чулане, куда дверь была не замкнута. Я вошел в этот чулан и вижу, лежит какая то сума: из любопытства открыл ее и нашел в ней пятнадцать листов английской жести, точно такой, как мы давали кровельщику; я тотчас же взял эту жечь, отнес келейникам О. Игумена и сказал: калужский кровельщик сейчас должен прийти к О. Игумену за расчетом. Скажите, что он у нас украл эту жечь. Келейники передали О. Игумену. Он выслушал, но когда пришел кровельщик, О. Игумен не сказал ему ни слова о краже, а выдал ему расчет сполна и отпустил его с миром.

Соседние поселяне прослышали, что О. Моисей желает купить яблоки сорта «добрый крестьянин». Один мужичек в надежде на то, что монах не разберет, привез ему продавать много яблок «антоновки». О. Архимандрит вышел сам их посмотреть, узнал конечно очень хорошо, какие это яблоки, и говорит продавцу: «Да, яблоки твои хороши. А какого они сорта? – Добрый крестьянин, Батюшка. – Добрый крестьянин, да не Антоном ли его звали?», – отвечал О. Архимандрит со своею обычною, кроткою улыбкою. Обманщик посрамился.

Когда кто-нибудь просил то или другое из Обители «на благословение», то О. Архимандрит отдавал всегда лучшее, а иногда и последнее. Если же кто-нибудь из братии его останавливал, говоря, что это нужно для монастыря, то он с неудовольствием возражал: «Что же, ты хочешь разве, чтобы мы другим дарили то, что самим не нужно или не нравится? Такое наше усердие будет «Каиновою жертвою». – Даже если кто-нибудь предъявлял, по какому-либо случаю, неправильные требования и притязания, то О. Архимандрит и их старался удовлетворить, как бы они ни были несправедливы; отдавал и свое, чтобы только не ссориться и не судиться, и предоставлял все суду Божию.

Не отказывая бедным в помощи, питая множество странников и на гостиннице и в трапезе, без определенной за то платы, часто нуждаясь сам до крайности в деньгах, О. Архимандрит Моисей нередко предпринимал и работы в монастыре и новыя постройки, имея при этом одною из целей, – питание бедных людей из окрестности. Доказательством сему служит, между прочим, и рассказ, недавно скончавшегося схимника О. Антония, записанный с его слов, хотя и не вполне точно, и напечатанный в Калужских Епархиальных Ведомостях за 1874 год. Вот этот рассказ, не раз и нами слышанный от покойного О. Антония.

Ограда около нашего монастыря, говорил схимник, строилась в тот год (18**), когда, по нашим грехам, пуд муки продавали по четыре, да по пяти рублей, а меру гречневых круп по четыре рубля, ассигнациями, разумеется. Смотрю, я бывало, на О. Игумена Моисея в то время, да и думаю: Господи, вера-то

какая у этого человека! В Евангелии сказано, что верою можно горы переставлять, а тут созидает человек верою горы, там где их не было. Ничего нет, хлеба, даже у братий нет, а он такую огромную постройку ведет. И повел, и повел, да так, без перерыва и довел ее до конца. А ограда-то какая. Несколько домов каменных можно из нее выстроить.

В тоже время начал он и гостинницы каменные строить. А пониже колокольни, где теперь каменные гостинницы, стоял прежде для приезжих всего один флигелек деревянный с мезонинчиком. Для устройства гостинницы надобно было скрыть гору. Землю с горы возили в озеро, что на берегу реки, и сыпали землю на три аршина вышины. Чего все это стоило?

Братия, бывало, смотрят на все эти его дела, да только дивятся, а иные маловерные конечно и роптали. Братии есть нечего, а он такие большие постройки затевает. – А он, покойник, только бывало, молчит, да делает свое дело.

Идет он раз с братом своим по дороге к реке, и я за ним. О. Антоний и говорит покойнику: «Батюшка, я думаю, не оставить ли уж Вам эти постройки до другого времени. Видите, какие трудные времена застали Вас за этим делом. А они хотя и братья были родные, но О. Антоний никогда не выходил у покойника из послушания и звал его всегда батюшкой. В то время почти весь монастырь был битком набит голодными. Дня по три у иного и крошки хлеба во рту не было дома, он и идет в нашу Обитель; знает, что его здесь успокоят. – Вот он, покойник, остановился, пожимает себе руки по обычаю, опустил глаза в землю и говорит О. Антонию: «Да, надобно оставить», а сам стоит и помалкивает. Я догадался, что мне следует отойти в сторону, отошел, будто к рабочим, а сам грешный стал за ракитой, да и слушаю, что такое он хочет сказать. Знаю уж, что скажет какое-нибудь мудрое слово.

Вот он и говорит О. Антонию. «Эх, брат, на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос Спаситель наш вольную смерть за нас принял и душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви-то проповедал нам. Для того ли, чтобы мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами, и оставляли его втуне, забывали о страданиях

Спасителя за нас, любви ради Им понесенных? Что же народу-то с голоду, что ли умирать? Ведь он, во имя Христово просить избавить его от голодной смерти, а Христос *любвы есть* (Деян. 4:8). Нет, будем делать для самого же народа, дóндеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам Свои дары, чтобы мы их прятали под спуд, а чтобы возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем. Мы для него же должны тратить его трудовые, потовые лепты». Сам говорит, а слезы у него так и сыплются. Очень уж близко было его сердцу и больно горе народа. Верный был он раб Христов; свято хранил Его заповеди. И уж такой-то святой он был в эту минуту! Я не выдержал, выскочил из-за ракиты, бегу к нему, бросаюсь и ловлю целовать его руку, слезы у меня так в три ручья и льются, а О. Антоний лежит уже у него в ногах и плачет.

«Что вы, что вы, братия! Встаньте, говорит, Господь с вами». – Взял свой костыль и пошел от нас на работы к народу.

«Да», – говорил обыкновенно О. Антоний в заключение этого рассказа, вытирая слезы, – «вот это был человек!»

«Зачем же вы в сторону отошли от него?», – спросил О. Антония один из слышавших его сказание. – «Да, он покойник смиренный был, скромный», – ответил схимник. «Требовалось и брата вразумить, да чтобы и я-то не слышал его великого слова. Добро-то он делал, да не желал, чтобы это видели другие; так и говоря доброе слово, чтобы другие ему не мешали, потому что человек ведь скор как на похвалу, так и на укоризну дел ближнего. Сейчас и восхвалит за доброе дело и даже за слово. И не Бога восхвалит, который только один и влагает нам самое помышление сделать добро, а восхвалит сейчас же человека. Вот чтобы не подавать постороннему повода к такой несправедливости, покойный всегда и избегал случаев, и говорить, и делать добро на народе. Да и себя охранял: человек тоже был, остерегался тщеславия, превозношения».

«Много было скорбей у Старца», – продолжал О. Антоний, – «Но много и радостей. Да и радости-то какие, все видимо чудесные, посылал ему Господь. Бывало, смотришь на дивные дела Божии, да и думаешь; только праведник может у Господа

обрасти такую богатую милость.— В то же голодное время, копаюсь я раз на огороде. Гляжу, к перевозу подъехал обоз, а у нас тут мимо монастыря идет проезжая дорога, поворачивает на киевский тракт, я и думал, что обоз идет мимо. Обоз большой, подвод пятнадцать, на каждой подводе по три мешка, в каждом мешке по девяти пудов. Переехали перевоз извозчики и остановились около монастыря. Я подошел к ним и спрашиваю: кого им надобно? Дорогу что ли обездную желаете узнать? — Нет, говорят, мы только до этого места едем. — Что же, говорю, накладная есть? — Есть, говорят, и накладная и письмо к Настоятелю. — От когоже? — Не велено сказывать, с тем и присланы. — Повел я переднего извозчика к покойному в келью. Извозчик подал ему письмо, подал и накладную. Покойник, как прочитал письмо, перекрестился, а у самого в три ручья слезы! — Верую», — сказал он, — «Господи, что не ради меня недостойного, а ради сих убогих и сирых призрел Ты милостью Своею на нас». Что же оказалось? — Какой-то благодетель прислал этот обоз Обители в дар, а у нас в то время уж так туго пришлось, что ни хлеба не было, ни денег. Велика была милость Господня через верного раба Его, и к нам грешным.

А сколько бывало горя, и вместе с тем сколько, и нечаянных радостей по постройкам. Покойник во всю жизнь свою строился. Иной во сто лет того не сделает, что он сделал в 37. А как строился-то? — Всегда без денег. Видишь, бывало, что и то нужно и другое нужно, а он задумал постройку, тогда как денег нет. Скажешь, бывало, ему: «Начинаете Вы, Батюшка, такую большую постройку, а есть ли у Вас деньги? — Есть, скажет, есть», и вынет бумажник, а в бумажнике рублей 15, 20. Да ведь это, скажешь ему, все равно, что ничего; постройка ведь тысячная. — А он только улыбнется, бывало, да и скажет: «А про Бога то ты забыл. У меня нет, так у Него есть». И точно Бог посылал ему. Так сильна была у него вера в Бога. Иной не решился бы и подумать начинать без денег постройку, а он так был уверен в помощи Божией и так тверд был в этом, что ни сколько бывало, и не задумывался. И действительно, вера не посрамляла его. И рабочие-то привыкли ему верить. Если понадобятся им деньги, а он скажет: «Повремените, братцы,

день, другой», рабочие, бывало уже и знают, что денег у Батюшки, действительно стало быть нет, и не ропщут. Ну, скажут, ему Бог на нашу долю пошлет. И точно посылал. Помолится, бывало, Старец, глядишь с почты и везут деньги. И сам же первый, бывало, придет на работу и скажет рабочим: «Ну, братия, он всех братиями называл по своей любви и смирению, мне на Вашу долю Господь послал; давайте поделимся»; и сейчас же раздаст кому сколько нужно. Помню, строили трапезную. Рабочие кончили свое дело и на утро собирались расходиться по домам. С вечера подрядчик приходит к покойнику и говорит, что рабочие завтра уходят и просят расчет. Старец конечно и сам знал, что работа окончена и надобно расчесть рабочих, но денег-то не было ни гроша! – «Хорошо», – говорит, – «Пусть ночуют, завтра отпущу». А между тем, чтобы выиграть время, пока закупщик съездит на почту и узнает, нет ли откуда-нибудь, какой-либо присылки, да и рабочих не отпустить без хлеба и соли, как это водится, когда оканчивается большая постройка, покойник велел приготовить для них на утро обед. Рабочие узнали, что готовится обед и остались без ропота ждать до половины дня, а между тем закупщик привез с почты, вовсе неожиданно, больше того, сколько нужно было для расчета рабочих.

Так Господь во всем утешал своего праведника! – Этот рассказ покойного схимника – сущая истина.

С О. Архимандритом Моисеем, было много таких случаев, относительно работ и рабочих. Приведем один из них, подобный сейчас рассказанному, и сохранившейся в памяти братии: однажды плотники также кончали свою работу и пришли просить у него денег, говоря что дело приближается к концу, а у О. Моисея в то время ничего не было, кроме нескольких медных монет. Взять или попросить было не у кого. «Да Вы разве уж все там кончили?», – спросил он рабочих. – «Кончаем, Батюшка, вот, вот кончим. – Ну, когда совсем кончите, тогда и приходите». На другой день вечером опять приходят, говорят, что дело у них совсем кончено, и что они хотят идти домой. – «Да Вы когда ходите идти? – Завтра утром. – Завтра и приходите». На другой день являются опять, просят расчета,

совсем уже собрались. А у Настоятеля все-таки ничего нет. – «Да вот, погодите немного, с почты ожидаю денег», – сказал О. Моисей весьма твердо, а посланный, еще не возвращался из города, и неизвестно было, что он привезет. Привозят почту, – и что же? Получается письмо с вложением ста рублей из Варшавы, от какого-то, совершенно неизвестного Обители, одинокого, холостого чиновника, который, попав на службу в чужой край, возимел желание, еще при жизни своей, сделать распоряжение о поминовении своей души. Подобных случаев было немало. Но иногда приходилось О. Архимандриту Моисею и безвыходно трудно, тогда он прибегал к займам у добрых людей и тотчас же, по получении денег старался уплачивать эти долги, через что и пользовался общим доверием. При постройках, не смотря на всегдашнюю скудость в средствах, он всегда заботился о том, что бы все было сделано «по потребности и по приличию». И везде и всегда скрывал свою личность и свой собственный труд. «Это был муж дела, а не словес самохвальных»⁴³, как некто выразился об О. Моисее. При нем Оптиная Пустынь стала известною во всем православном христианстве, но кто слышал, чтобы О. Моисей, когда-либо, похвалился такою достославною известностью? Одни труды, всегда труды и заботы как бы не давали места какому-либо праздному и личному чувству зайти в эту великую душу, посвятившую себя на служение Богу и ближним. На все похвалы О. Моисей отвечал едва заметною улыбкою, которая говорила: «Не соглашаюсь я с Вами, а сомневаюсь». Кому высказывал он свои успехи?

Оптинские старожилы из братий рассказывают, что однажды посетил Оптину Пустынь, проездом в столицу, один Преосвященный. Осмотрев монастырь, он пошел в Скит, любовался его уединенным местоположением и устройством и потом спросил сопровождавшего его О. Настоятеля: «Кем это все устроено?» О. Моисей сказал несколько уклончивых слов в роде того, что это устроивалось постепенно на здешнем месте. Преосвященный отвечал: «Я и сам вижу, что Скит устроен на здешнем месте, но желаю знать, кто именно построил Скит? – Настоятель с братию, – сказал О. Моисей. – Говорят, что Вы все

это устроили, – продолжал Преосвященный. – Да, и я при этом находился», – ответил О. Моисей. После этих слов у посетителя отпала охота еще его спрашивать.

Иногда О. Архимандрит сам посмеивался над собою, говоря: «Вот в Евангелии о мудром строителе сказано: *кто от вас хотяй столп создати, не прежде ли разчет именуе, аще имат еже есть на совершение* (Лк. 14:25), а я – немудрый строитель. Начал, например, строить здание для новой трапезы и думал, что выстрою на пять тысяч, а оно стало в пятнадцать тысяч».

Правда, что постройки не дешево ему обходились, но это происходило и от того, что О. Архимандрит не строго наблюдал за рабочими и их делом, а доверял им более на совесть. Не все знавшие это, братья смотрели спокойно на такой порядок или, как выражались некоторые, беспорядок в хозяйстве. Настоятель Мещовского монастыря О. Игумен Никодим, взятый из числа братьев Оптиной Пустыни, как мы выше сказали, приехал раз из Мещовска в Оптину Пустынь, и в разговоре с О. Архимандритом, заметил ему, что рабочие много берут с него денег, а работают лениво. – «Да, вот уж и нам многие делают жертвования, – возразил Старец, – для того, чтобы мы за них молились, а как мы молимся, вполне ли усердно? Как же мы будем строго взыскивать с других – мирских людей». Тот же Игумен Никодим, как сам после рассказывал, пошел в небольшой садик, бывший при келье О. Архимандрита Моисея, и видит крестьянского мальчика, сидящего на дорожке. «Ты что здесь делаешь?» – спросил он его. – Кротов ловлю. – Что же ты и жалованье получаешь? – Получаю». Прохожу дальше, другой мальчик сидит около яблони. «А ты что делаешь? – Ворон отпугиваю, чтобы яблоков не портили. – И жалованье получаешь? – Как же получаю». Вот пустяки-то, подумал О. Никодим, на что Архимандрит деньги тратит. Входить он с этою мыслью в келью О. Архимандрита и говорит ему: «Ходил я, Батюшка, у Вас по саду, да признаться и подивился, сколько там мальчиков у Вас и все на жалованье. Один кротов ловить.... – Да! – прервал его Старец, – Какой это вредный зверек, у лучших растений подкапывает иногда корни, они и сохнут, я уж

нанял мальчика их ловить – А другой мальчик, как я видел, ворон пугает. – Да! вот и эта птица, как она вредна, самое лучшее яблоко испортит, да испортит. Должен я был нанять мальчика, чтобы их отгонять. Да и ребята-то бедные, сироты». Игумен замолчал, уразумев, что дело не столько в кротах и в воронах, сколько в бедности мальчиков – сирот.

При жизни О. Архимандрита Моисея, некоторые упрекали его за то, что он все строится, при таких скудных средствах. Может быть, у него и была действительно маленькая слабость к постройкам, но, во-первых, ни одна из сделанных им построек не оказалась после излишнею. Братских келий выстроено им было довольно, но они постоянно все заняты, как в монастыре, так и в Скиту; гостинниц было и есть еще недостаточно для посетителей и странников. Во-вторых, он давал своими постройками хлеб бедным людям, а между тем украшал и упрочивал Обитель, и в третьих, может быть, он намеренно тратил деньги на постройки, опасаясь привязаться к первым и сделаться сребролюбивым. Да и не лучше ли наконец, вести постройки в Обители, нежели приберегать копейку на мнимочерный день и тем чернить свою душу, развивая в ней *сребролюбие* – *корень всех зол* (1Тим. 6:10). Последнюю, особенно боялся О. Архимандрит Моисей, и был «большой гонитель на деньги», как выражался о нем его келейник. Необходимость заставила и преемника О. Архимандрита в настоятельской должности О. Игумена Исаакия возвести несколько новых зданий.

Иные думали, что у О. Архимандрита Моисея есть большие деньги, на которые он и производит постройки, но на деле было совершенно наоборот. О. Моисей, по его собственному выражению, богат был только нищетою⁴⁴, и прибавим: сильною, никогда не оскудевавшею верою во всеблагий промысл Божий. То была не вера от слуха, но вера видения, которая, по слову Св. Отцев, является в душе, как плод богоугодной жизни и свойственных ей дел. Из таких-то дел и состояла вся жизнь О. Архимандрита Моисея. Он был строгим исполнителем наставлений Св. Отцев подвижников – от внешних монастырских правил до высоких Евангельских заповедей. Во

всем, начиная с внешнего образа, как он ходил, как сидел и стоял, как говорил, он был для всех братьев высоким образцом монашеской скромности и христианского совершенства.

Привыкши, с молодости в пустыни вставать с полночи, О. Архимандрит Моисей и в бытность свою Настоятелем едва ли не каждый день повторял это; по крайней мере! двое из братьев, бывших при нем будильщиками⁴⁵, передавали, что приходя братья благословение будить братию к утрени, они часто заставляли О. Архимандрита Моисея уже бодрствующим, иногда молящимся на коленях перед образом Спасителя, а иногда еще лежащим в подряснике; и в чулках. – Впрочем, кажется О. Моисей и во всю почти жизнь ложась спать не раздевался. Этот секрет своего келейного подвига, он нечаянно высказал при поездке с одним монахом, которого взял с собою за келейника и вместе письмоводителя. Приехав, к вечеру на постоянный двор, они остановились кормить лошадей. Напились чаю и расположились отдыхать. О. Архимандрит в одной комнате, а О. Антоний Смирнов, за перегородкою в другой. Не успел последний раздеться, улечься и хорошо заснуть, как О. Архимандрит вошел к нему совершенно одетый, и говорит: «Ну, пора нам собираться ехать. Что же ты это, брат, и разделся. Я двадцать пять лет и в своей келье не раздевался во время сна, а ты в дороге; разделся спать ложась, в дороге; какое спанье, поедем».

К утрени О. Архимандрит старался ходить неопустительно, и говорил другим, что это наилучшее время для молитвы. Говорил также, бывшему при нем уставщиком, иеромонаху Моисею⁴⁶: «К утрени надобно ходить, потому что во время литургии за нас приносится Безкровная Жертва Богу, а ходя к утрени мы сами себя приносим в жертву Господу, жертвуем для Него своим покоем». – Не только к утрени, но и к литургии, преимущественно ранней, и к вечерне старался Старец ходить неопустительно, если не задерживали какие-либо особые дела. По праздникам и по воскресным дням служил часто, почти всегда; особенно после того, как сделан был Архимандритом, говоря, что этот сан получен им не для себя лично, а для украшения Обители. – Во время богослужения старался стоять

правильно на обеих ногах, и перебирал обыкновенно четки с молитвою Иисусовою. Бывший при нем долго главным пономарем монах Феодосий рассказывал: раз во время уборки в церкви я положил на настоятельское место, т. е. с боку на верх его перил маленькие гвоздики, да и забыл про них, а лежали они так, что чуть тронь, непременно упали бы. Через долгое время нашел я опять эти гвоздики на том же месте и невольно подумал: вот как О. Архимандрит стоит в церкви, истинно как перед Богом, и не коснулся он боков своего места, по середине стоял. Не то, что я грешный переминаюсь с ноги на ногу, да и к стене прислоняюсь. И рясу после служения не позволял он на себя надевать, а только подашь ему бывало, он сам и наденет. Вообще в церкви во время богослужения О. Моисей являл собою пример глубочайшего благоговения: пройдет, не оглянется, не повернется; стоит не опрется, не прислонится, а только слушает внимательно, что читают и поют, да перебирает четки, иногда закрыв и глаза.

Кроме особенных случаев, он всегда ходил в братскую трапезу; в последнее время жизни даже и к ужину; и не только довольствовался братскою пищею, но и ее употреблял весьма умеренно. В виду всех умел скрывать свое воздержание, принимал пищу по-немногу, с значительными промежутками, в течение которых, как будто с большим аппетитом жевал ее. Понуждая себя во всем, исполнял на деле выражение церковной песни о преподобных: *«Телесныя чувства огорчевая... презирати убо плоть преходит бо, прилежати же о души вещи бессмертней»*. По вечерам, иногда вместо ужина ел только моченые яблоки, а иногда приказывал себе сварить так называемую сладкую похлебку, т. е. рис с сушеными яблоками и грушами. Отведав немного этой похлебki он оставлял ее у себя в келии до другого и третьего дня. Похлебка, конечно прокисала и портилась, но О. Архимандрит все-таки понуждал себя ее есть. Один раз келейник его посмотрел на тарелку с такою похлебкою и сказал: «Батюшка, благословите похлебку эту вынести, ведь она прокисла, вся как шубою поднялась. – Экой ты какой, не понимаешь, ведь эта похлебка называется кисло-сладкою; она и должна кислоту иметь».

В другой раз, О. Архимандрит стоявшие у него в кельи и прокисшие остатки пищи чем-то подправил, позвал своего келейника и сказал ему с улыбкою: «Отнеси-ка это кушанье О. Антонию, и скажи, что я сам его готовлю». О. Игумен Антоний, попробовал и сказал: «Нет, уж скажи Батюшке, что я этого есть не могу». Келейник передал эти слова Игумена Антония Архимандриту. «Как же так, а я сам готовил», отвечал О. Моисей и рассмеялся.

Однажды, мелкий торговец привез продавать разные вещи и, между прочим, очень упрашивал О. Архимандрита взять у него небольшой боченок испортившихся селедок. Он были хороши, Батюшка, и сорта хорошего, да недавно от жара испортились, сделайте милость возьмите и проч. О. Архимандрит согласился, взял и уплатил ему деньги. Приходит келейник и, рассмотрев селедки, говорит: «Батюшка, эти селедки совсем испортились, куда же нам их девать?» – «А ему-то куда их деть, подумай; у нас они все-таки разойдутся», и приказал себе эти селедки тереть с яблоками и с хреном и подавать по одной вместо ужина, так испорченные селедки и разошлись, – в пищу самого Архимандрита.

Если кто-либо спросит: для чего же он делал такие вещи и ел несвежую пищу? Отвечаем: для того, чтобы не только не давать воли своим телесным чувствам, но и томить их, или как он сам не раз выражался: "Вступив на узкий путь, в чем-нибудь надобно себя и понудить». Не в этом только одном, но и во всем, на каждом шаге в жизни О. Моисей понуждал себя к подвигу и бдительности над собою. Когда презжали посетители, которым необходимо было оказать особенное внимание, он приказывал приготовить обед в настоятельских кельях и приглашал этих гостей, а вместе с ними и других собеседников из старцев Обители. Сначала О. Архимандрита Мельхиседека, жившего в Оптиной Пустыни на покое, а впоследствии О. Игумена Антония, О. Макария, О. Иоанникия (ученика О. Леонида), жившего долго в Петербурге и имевшего большой круг знакомых, а иногда и О. Порфирия Григорова, издателя писем Георгия затворника. О. Порфирий служил прежде в военной службе, многое видел на своем веку, очень многое

читал и был остроумным, приятным собеседником. Эти гости О. Архимандрита монахи и занимали его светских гостей за обедом, а сам он только радушно угощал их, слушал и в промежутках внимательного молчания, вставлял иногда какое-нибудь назидательное словцо. На одном из таких обедов, поводом к которому, был приезд в Обитель заслуженного генерала, участвовали О. Антоний и О. Макарий, и еще один иеродиакон из братий. Генерал что-то рассказывал и упомянул, что побуждением в этом деле была благородная гордость. О. Архимандрит знаменательно промолчал, а Батюшка О. Макарий не выдержал: «Как благородная гордость? Какая благородная гордость В. П.? Разве есть благородная гордость? Ее нет, а есть одна только гордость бесовская». Эти слова так поразили генерала своею истиною и вместе неожиданностью для него, что он ответил: позвольте, Батюшка, позвольте, это прекрасно; я сейчас же запишу, что вы сказали. Генерал тут же за обедом достал из кармана свою записную книжку, попросил позволения у О. Архимандрита и записал: нет благородной гордости, а есть только одна гордость бесовская. – О. Архимандрит приветствовал это записывание приятной улыбкой и продолжал потчивать своего гостя с искренним радушием.

Мы упоминали уже выше, что О. Моисей вообще не любил много говорить и был особенно осторожен и даже искусно скрытен в рассказах о самом себе. В 1851 году постил Оптину Пустынь А. Н. Муравьев, так много путешествовавший, по всему православному и инославному миру, так много писавший, знакомый чуть ли не со всеми сколько-нибудь замечательными духовными лицами и любивший, чтобы все было перед ним нараспашку. Пожелал он узнать и О. Моисея. Долго с ним беседовал, много его спрашивал о его прежней и настоящей жизни, но кроме рассказа о наружном течении этой жизни не узнал ничего. Смиренный и мудрый Старец принял путешественника весьма радушно и внимательно, но при пытливых его вопросах как-то умел ускользать из его рук, оставляя в них только сказания о подвигах других Старцев и о внешних обстоятельствах своей собственной жизни. Не люблю я таких людей, которых не понимаю, сказал Муравьев, выходя из

кельи О. Моисея; но, тем не менее отдал ему в своей книжке «Святые горы и Оптиная Пустынь» должную, справедливую похвалу и написал, что в его замечательном характере была «строгость духовная и углубление во внутреннюю клетку своего сердца, от долгого пустынножительства, и соответственные его начальническому положению». Это справедливо. Приветливость с ближними и строгость к себе были отличительными чертами О. Моисея. Впрочем, строгость благоразумно-умеренная и недоходившая до крайности. По примеру Св. Иоанна Лествичника О. Моисей употреблял в пищу все дозволенное монашескому званию, но вкушал от всего по немногу. Пил иногда и вино, но также весьма мало. Одежду носил не рубищную, но и не изысканно-хорошую, а простую и скромную по приличию своего сана и звания.

После молитвы, самым любимым занятием его было чтение книг духовного содержания, а иногда и исторического. Читать он очень любил и старался во всякую свободную минуту. Едва выберется малый досуг, О. Архимандрит Моисей принимался за чтение. Иногда раз двадцать в одно утро отрывали его от книги, то тем, то другим делом. Каждый раз, при входе постороннего лица, он медленно поднимался, не сводя глаз с книги, или оглядывался на вошедшего брата и опять взглядывал в книгу, медленно закладывал и закрывал ее, как бы затверживал последние читанные им слова и соображал читанное, чтобы не потерять связи; потом спокойно выслушивал пришедшего, делал нужное распоряжение и, отпустив приходившего, снова возвращался к книге. При таком внимательном, всегдашнем чтении неудивительно, что он до глубокой старости сохранял в памяти и мог приводить наизусть длинный изречения из Св. Писания и творений Св. Отцов подвижников. Обращая прочитанное им в самое дело, О. Моисей с помощью духовного ведения, трудов и смиренной молитвы успешно противостоял и буре страстей душевных и телесных. Ему было 40 лет от роду, когда он поселился в Скиту Оптиной Пустыни, откуда два раза ездил за сбором в Москву. 43-х лет он был назначен Настоятелем Обители. Таким образом, во цвете мужеских лет, с живым и пылким характером, красивый собою и крепкий телом

он из уединения Рославльских лесов, вдруг очутился в постоянной молве народной, в обращении с людьми разного рода. Это не могло обойтись для него, подчас без сильной борьбы внутренней, а между тем жизнь его была светла и неукоризненна. Когда в последствии его однажды в откровенной беседе спрашивали: неужели он в то время не ощущал борьбы, и как он из нея выходил? Он улыбаясь отвечал, что больше всего старался на всех смотреть благим и чистым оком, понуждая себя и на светских особ, бывавших у него как у настоятеля, смотреть как на святых, праведных, преподобных... а себя унижая мысленно. Таким-то внутренним подвигом в союзе с внешними трудами и лишениями, достиг О. Моисей высокого бесстрашия и чистоты, которыми благоухала его жизнь.

При беседе с посетителями или братьями, вообще говорил медленно, с расстановками, как бы взвешивая и обдумывая каждое свое слово и, слушая других, перебирал обыкновенно четки с молитвою Иисусовою, о чем свидетельствовало иногда и тихое, едва заметное движение уст, которое иные относили к старческой немощи. Келейникам своим он не раз говаривал: *«Почаще надобно нам читать »Судіи сидящу и ангелам стоящимъ, трубе гласящей, пламени горящу, что сотвориши душе моя, ведома на судъ? Тогда бо лютая твоя предстанут и тайная обличатся согрешенія: тем же прежде конца возопій Судіи: Боже, очисти мя и спаси мя!»*

Случилось ему как-то беседовать с молодым человеком, который описывал ему разные беспорядки и злоупотребления в мире, и с большою ревностью доказывал, что для общего блага следовало бы принять такие-то меры, а что многие действуют так-то, по таким-то побуждениям и т. д. Молча выслушал О. Архимандрит оживленный монолог и ничего не возражал, а когда восторженный патриот кончил свою речь и думал, что убедил О. Моисея, так как молчание есть знак согласия, то Старец тихо сказал: *«Да, уж, Апостол говорить: нова небесе и новы земли чаемъ, в нихже правда живетъ; (2Пет. 3:13) а между нами грешными какой искать правды?»*

На всех и на все в жизни О. Архимандрит Моисей старался смотреть как христианский философ, во всем видел прямое или

попустительное действие промысла Божия, и ничего с тревогою не принимал к сердцу, стараясь особенно о том, чтобы сохранить мирное устроение души. «Взыщи мира и пожени й» (Пс. 33:15), повторял он как-то особенно выразительно. Зная, что где нет мира душевного, там и все делание духовное теряется и человек не преуспевает, О. Моисей всячески старался избегать всего, что могло нарушить его душевное спокойствие. И в том, что близко до него касалось, он не позволял себе возмущаться, даже и под предлогом благой ревности. Мы уже приводили выше замечательные слова, сказанные им О. Антонию еще в 1823 году. «Я всех вас недостатки сношу великодушно и никаким немощам Вашим не удивляюсь, а ежели бы всем тем огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсем бы себя давно расстроил».

Такого же христианского любомудрия держался О. Моисей и среди скорбных испытаний, постигавших его самого, близких к нему лиц или всю Обитель. Во всех таких случаях он успокаивал себя упованием на милость Божию и смиренно принимал все скорбное и неприятное как заслуженное или посланное к очищению грехов. «Многие бури и ураганы», – писал он однажды О. И. Антонию, – «потрясают атмосферу и наносят разныя крушения, а Св. Царь Давид изо всего извлекает хвалу Богу (Пс. 148:8). И действия духов злобы поднебесных подобно бурям потрясают души и сердца, пребывающих на земле человеков. Нам немощным что теперь делать? Одно средство ближайшее и вернейшее: воздевать руки ко Господу Богу, подобно Моисею в пустыне, где нападала на него вражия сила Амаликова. Всевышним Богом преидем стену искушений. С нами Бог. И бояться слишком не должно. Господь силен утишить бурю и подать тишину и мир душам нашим. – В огорчающих случаях нельзя не чувствовать скорби, писал он ему же, но *аще благая прияхом от руки Господней, злых ли не стерпим* (Тов. 2:10). Обоими да пользуемся: утешением ко благодарению, а оскорблением к снисканию терпения».

Был в Оптиной Пустыни пожар на гостиннице, причинивший убытку тысячи на две слишком. О. Моисей спокойно вышел

посмотрел как горит, спокойно стоял в числе зрителей, не сделал никаких распоряжений; он хорошо знал, что братия сами примут все нужные меры. Вынесли на пожар чудотворную Казанскую икону Божией Матери; стали с нею против ветра и последний, вместе с огнем, изменил свое направление, обратился на лес, и пожар скоро был потушен. О. Моисей после выразился об этом пожаре так: «Да, уж нельзя не подумать, что это плоды моих грехов.... Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятны Богу человеки в пещи смирения. Итак благо мне, яко смирил меня Господь».

Случались ли другие неприятности, О. Моисей снискивал спокойствие и мир душевный в молитве, покорности воле Божией и точном исполнении Евангельских заповедей. «От нападения вражия будем обороняться молитвою (писал он к О. Антонию). *Молитесь за творящих напасть* (Мф. 5:44). И да покроет Господь Своим милосердием и да научит как побеждать злое добродетелью».

Мы уже говорили о том, как великодушно О. Моисей прощал наносимые ему обиды, думаем, что одною из главных причин его всегдашнего душевного спокойствия было и то, что он ни к кому не имел в сердце неприязненного чувства, обо всех имел благую мысль, со всеми старался быть мирен, во исполнение заповеди апостольской *„аще возможно, еже от васъ, со всеми мир имейте* (Рим. 12:18). В случае надобности О. Архимандрит готов был просить прощения и у тех, перед которыми не был виноват. Однажды сделал он какое-то замечание одному брату, но заметил, что последний не хорошо принял его слова. Через несколько дней, собираясь идти к служению, позвал этого брата. «Вот я тебе тогда-то сделал замечание и, показалось мне, что ты слова мои принял не благодушно. Угодники Божии и в ризах прашивали прощения⁴⁷, и я тебя прошу: прости меня Бога ради!» – и при этом Старец Настоятель поклонился недовольному брату. Наконец, одну из главнейших причин всегда мирного устройства О. Архимандрита Моисея и вместе с тем одну из отличительнейших и замечательнейших черт его составляло то, что он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но напротив, с

совершенною покорностью и в малом и в великом предавался воле Божией. Как и что ни случись, никогда он ничем не возмущался. Случалось, что дает он кому-либо из братий поручение, а по обстоятельствам оно исполнится не так, как он предполагал. «Видно не было на то воли Божией», – говорил он в подобных случаях, и спокойно отказывался от прежнего своего предположения. «На все потребно иметь готовое терпение, еще говорил он, и хотеть не иначе как будет, дабы не нарушалось спокойствие духа». Всем советовал он держаться, как он выражался, мирного правила преподобного Аввы Дорофея: «Не желай, чтобы все делалось так, как ты хочешь; но желай чтобы оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми»⁴⁸. И сам среди труднейших обстоятельств в исполнении этого правила находил себе спокойствие духа. На нем во всей силе исполнялись слова Святого Дорофея: «Кто не имеет своей воли, того желание всегда исполняется. Поелику таковой не имеет своего желания, то, чтобы ни случилось с ним, он всем бывает доволен, и так оказывается, что он всегда исполняет свои желания; ибо он не хочет, чтобы дела исполнялись так, как он желает, но хочет чтобы они были, как будут»⁴⁹.

Когда брат О. Архимандрита О. Антоний скорбел на игуменстве и искал себе избавления от ига настоятельства, неудобноносимого для него по крайней его болезненности и по другим причинам, О. Моисей, увещевая его к терпению, писал ему между прочим: «уныние и уклонение от должности, по указанию онаго губительного духа уныния, показывает, что ты еще и доселе ходишь не в истинном разуме, и не в вере..., с твоею волею... я отнюдь не согласен, а Божией – предаюсь неограниченно, и боюсь помыслить вопреки»... Конечно, это были не одни слова, но вся жизнь О. Моисея выражала и доказывала в нем эту преданность.

Дальних предположений на будущее О. Архимандрит Моисей не любил никогда делать. Случалось, что рабочие, не окончив еще начатого дела, испрашивали его распоряжения, относительно другого дела, которое еще имелось в виду впереди, но Старец никогда не соглашался толковать о чем-

либо вперед, а приказывал вопрошавшим приходить в свое время, или по окончании дела. «*Утре воля Божія да будетъ*», говаривал он. Спокойно делались все дела, потому что он никогда не покушался переделывать обстоятельства по своим предположениям, а, напротив, предположения свои принаравливал к обстоятельствам, усматривая в последних волю Божию.

Когда епархиальное начальство по чему-либо не одобряло и не утверждало представлений О. Моисея, как мы видели выше, даже когда его постигали великие скорби и тут он оставался верен самому себе. «Все это за грехи наши, говорил он, должно о всем благодарить Господа, праведно налагающего на нас труд к терпению, которое для нас полезнее утешения, возвышающего душу. Видно так Господу угодно. Скорби не могли бы постигнуть нас без попущения Божия – ради грехов наших. И самые эти скорби охраняют нас от других искушений». – Подчиняя таким образом свою волю и всю свою жизнь воле Божией О. Архимандрит Моисей не на словах только, а на деле, все относил ко Господу, зная, что от Него даруется нам всякое благо.

Всю жизнь О. Архимандрита можно выразить такими словами: *оън жил сокровенно в Боге*. Как ни высоко это слово, для него оно было и делом. Во всем, в попечениях об устройстве и содержании Обители, в управлении братством и нравственной его поддержке, во всех своих благонамеренных предприятиях, во всем возлагался он на Господа с полной верою и упованием: все, случавшееся с ним, принимал как от Господа: скорбное, как посланное для пользы душевной, утешительное, как знак Отческого милостивого промысления. «От Него, Создателя», – говорил он, – «бытие наше. Им живем и движемся и от Него всякое благо и всякий дар».

Изобретя великую веру, безгневие, кротость и другие добродетели, которые по учению Св. Отцев способствуют молитве и воскриляют ее, О. Архимандрит был великим любителем и делателем и сей царицы добродетелей; пребывал всегда в молитвенном соединении с Господом, ради Которого и нес описанные нами и оставшиеся от нас сокрытыми многие

труды благочестия. – Стоя в храме и внимательно слушая божественную службу, нередко так углублялся в молитву, что не замечал, когда кто из братий подходил к нему и кланялся, испрашивая его благословения или прощения... Некоторые по своему объясняли такую невнимательность Настоятеля к подходившим, но от людей духовной жизни не могло укрыться высокое молитвенное настроение Старца. Беседуя об этом с кем-то, О. Игумен Антоний однажды так выразился об О. Архимандрите Моисее: «Все, что поют и читают в церкви, он там слышит», указывая рукою на глубину сердца⁵⁰. Сам О. Архимандрит Моисей, на вопрос одного Иеромонаха о келейном правиле, сказал раз: «Да и я прежде различные правила исполнял, а теперь мне осталось одно только правило-мытарево, (Боже! милостив буди мне грешному Лк. 18:13)». Так смиренно выражался о себе Старец, но близко знавшие и понимавшие его жизнь видели в нем не только *"деяние"*, но и *"в видение восходъ"*, и богатство дарований духовных.

Недавно скончавшаяся, уважаемая старица Игуменья Вера, бывшая настоятельницей Зосимовой Пустыни, сообщила нам замечательный случай молитвенного самоуглубления О. Архимандрита Моисея, случай, которого сама она была свидетельницей. Посетив однажды Оптину Пустынь, она, прохаживаясь около монастырской ограды, с приближенными к ней сестрами, заметила, что на встречу им шел О. Архимандрит Моисей, но как-то особенно медленно. Когда он приблизился, Мать Вера и бывшая с нею, подошли к нему и поклонились, прося благословения. Но каково было удивление их, когда Старец, всегда приветливый и внимательный, никого не благословил, ничего не сказал и продолжал тихо двигаться вперед, не замечая никого. Мать Вера громко назвала его по имени, он очнулся, удивился, что около него целая толпа людей, стал извиняться.... Но выражение лица его, орошенного слезами, свидетельствовало в каком состоянии его застигли... М. Игум. Вера, подав другим знак, чтобы они удалились, одна продолжала путь со Старцем, который начал с нею беседу духовную, весьма замечательную, однако ни одним словом не коснулся тогда молитвы.

Таков был О. Архимандрит Моисей: среди непрестанных забот и попечений внешних – *потаенный сердца человек в неистлении кроткаго и молчаливаго духа* (1Пет. 3:4), – монах, видимо посвятивший себя различной и многоплодной для Обители и братства деятельности, невидимо же проводивший сокровенную жизнь со Христом в Боге.

Искренний и великий любитель духовного чтения О. Архимандрит Моисей любил и приобретать книги преимущественно нравственного содержания. Бывая в Калуге, старался и на базаре и в лавках и где только мог приобретать полезные книги и во множестве привозил их в Обитель. Во время его настоятельства выписывались в Оптиной Пустыни все выходившие тогда духовные журналы, все замечательные книги духовного содержания. Все это он старался прочитать сам и потом уже сдавал в монастырскую библиотеку, которая основана была им же в 1854 году, а к концу его настоятельства содержала около 5000 экземпляров (из коих более половины поступило в нее из келейной библиотеки О. Архимандрита), а в настоящее время, после присоединения келейной библиотеки О. Игумена Антония, включает в себе более 7000 номеров. Едва ли в каком-либо из русских общежительных монастырей найдется такая обширная библиотека как Оптинская; но и она, как все почти примечательное в Оптиной Пустыни, обязана своим существованием О. Архимандриту Моисею. Книгами из нее пользовались и еще пользуются для чтения, не только монастырская братия, но и богомольцы и все желающие из соседей Обители.

Духовная благотворительность и доброжелательность О. Моисея простиралась далеко за пределы этой вверенной ему Обители. В жизнеописании Старца О. Макария⁵¹ подробно изложено, как, по благословению О. Моисея, под личным и ближайшим руководством О. Макария издано было до 16-и книг духовно-нравственного содержания, большею частью творений Св. Отцев подвижников, переведенных с греческого языка на славянский Архимандритом Паисием Величковским и переложенных на русский братиями Оптиной пустыни. Владыка Московский Филарет благосклонно содействовал этим изданиям

и весьма интересовался ими. Средства для издания были пожертвованы различными благодетелями. О. Моисей, при всем искреннем, полнейшем сочувствии этому делу, не мог на него уделить из доходов Обители, потому что Обитель сама нуждалась на каждом шагу. Ему оставалось только радоваться и благодарить Бога за то, что книги, которые он некогда, с великим трудом собственноручно переписывал и которые составляли доселе такую драгоценную редкость, печатаются теперь в большом числе экземпляров и будут доступны многим жаждущим духовной пользы. Но как только множество этих экземпляров, привезенных из типографии, поступало в распоряжение О. Архимандрита Моисея, он немедленно пользовался ими для духовной милостыни, и с согласия Старца О. Макария, рассылал по почте целые тюки этих книг в виде пожертвований в рассадники будущих пастырей и учителей и многим частным лицам. Так разослано было О. Моисеем по одному экземпляру всех Оптиных изданий в дар: 1) во все библиотеки, как духовных академий, так и семинарий, 2) почти всем епархиальным Преосвященным, ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, 3) в Лавры и во все общежительные русские Обители, 4) на Афонскую гору в монастыри: русский Св. Пантелеймона, болгарский Зограф; в скиты: Св. Пророка Илии, Св. Андрея Первозванного и болгарский скит Пресвятой Богородицы (Ксилургу). Сверх того, во многие приходские церкви, в местностях, зараженных расколом, разосланы были безмездно изданные в обличение раскольнических заблуждений сочинения вышеупомянутого иеросхимонаха Иоанна. Также и посетителям Оптиной Пустыни, всем знакомым, в разных ближних и дальних городах, раздавались и рассылались Оптиные издания. И кто мог подумать, что Обитель, из которой так много книг рассылалось щедрою рукою безмездно во все концы России, сама далеко не была обеспечена и часто очень затруднялась в средствах к существованию.

Кроме письменных изъявлений благодарности от многих архипастырей и О.о. ректоров и инспекторов, О. Архимандрит Моисей, по представлению семинарских начальств, удостоился

в 1857 году получить за эти приношения благословение Св. Синода. Не сомневаемся, что и от Господа Бога О. Моисей получил великую награду за то, что материальные заботы не подавляли его духа, не заставляли его вещественную пользу Обители и свою лично, предпочитать духовной пользе ближних. Отвсюду извлекать и приносить последнюю, – было его главной заботой и первую целью всей его деятельности. «Когда-нибудь, кто-нибудь прочтет ту или другую книгу, говаривал Старец, и – душевная польза одного человека вознаградит все наши труды. Наше дело – сеять; Бог даст, когда-нибудь будут и плоды».

Еще при жизни О. Архимандрита Моисея появились эти плоды его благотворной деятельности, но самая жизнь его уже склонялась к концу. В 1856 году Старец был обрадован приездом брата, с которым вместе начал некогда подвиг иноческих трудов; О. Игумен Саровской Пустыни Исаия, посетил в августе месяце того года Оптину Пустынь. Он желал еще раз в жизни повидаться с братьями: О. Моисеем, с которым не видался уже 38 лет и с О. Игуменом Антонием, с которым также давно не встречался.

О. Игумен Исаия приехал во время после-обеденного отдыха О. Моисея. Последнего разбудили. Он вышел в свою залу и при встрече с братом, первые слова его были: Господь сказал в Евангелии: *блажен раб его же Господь его пришед обрящет бдяща (Лк. 12:37)*, а ты застал меня спящим. Так, от избытка сердца, преисполненного Евангельским учением, излились невольно, прежде всего устами Старца слова Евангельские о бдении телесном и духовном.

26 августа в день Коронации Государя Императора три брата служили вместе литургию и молебен. Первенствовал между ними старший летами и саном О. Архимандрит Моисей, по правую руку его стоял О. Игумен Исаия, по левую О. Игумен Антоний. С благоговейным умилением смотрели мы, братия Оптиной Пустыни, на этот святолепный Собор духовных мужей и вместе братьев по плоти. Чем отличались эти добродетельные Старцы от своих древних соименников: Моисея, Антония и Исаии, украшавших первобытное монашество? Разве тем только, что жили не в первые века

христианства, а в 19 столетии. Мы были очевидными свидетелями, что и в них сияли те же добродетели: тоже глубокое смирение, тоже великое ведение сердца человеческого и внутренней его жизни, тоже всепокрывающая любовь к ближним, сей союз *совершенства* (Кол. 3:19). На них мы видели точное исполнение слов Св. Епископа Нифонта, который на вопрос одного христианина: как ныне святые умножились во всем мире, будет ли также и при конце века сего? – отвечал: «Сын мой, до самого скончания века сего не оскудеют пророки у Господа Бога, равно как и служители сатаны. Впрочем, в последнее время, те, которые по истине будут служить Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими Отцев, прославившихся знамениями; потому что тогда никто не будет делать пред глазами человеческими чудес, которые бы воспламеняли людей и побуждали их с усердием стремиться на подвиги».⁵² – Так и О. Архимандрит Моисей успел благополучно скрыть себя от людей, потому что при жизни его, многие, не знавшие его близко, считали его хотя и хорошим, но обыкновенным человеком, только духовные мужи, *востязующія вся*, по слову Апостола (1Кор.2:15), ощущали благоухание добродетелей О. Моисея, и считали его высоко-духовным Старцем, не напрасно проведенным жизнь свою в трудах и подвигах. О. Игумен Исаия, по опыту знавший, как трудно управлять большим братством и поддерживать в нем внутреннее благоустройство. С особенным удовольствием присматривался к порядкам Оптиной Пустыни и взаимным духовным отношениям между Настоятелем, Старцем О. Макарием и братством и в письме своем к О. Архимандриту Моисею, как бы невольно выразился: «Как счастлива Оптиная Обитель, что есть в ней мужи, в них же сердце и душа едина». – «Чин и устав Оптиной Обители», писал он же к О. Игумену Антонию, «мудро и отечески управляемой Батюшкою Архцмандритом Моисеем, весьма назидательны, и можно сказать редкие в настоящее время, и видится особенная над Обителью благодать Божия».

Последнее, несомненно справедливо. Иначе нельзя и объяснить себе, откуда все бралось и мало-помалу благоустроивалось в Обители. Братства было уже много, мир и согласие между ними, соблюдались замечательно. Правда, что в денежных средствах О. Архимандрит Моисей постоянно нуждался; но причиною этому служило то, что сам он был, по выражению его келейника, «великий гонитель на деньги». Не любил Старец их сберегать, а тратил немедленно по получении. По всей вероятности он как огня боялся страсти сребролюбия. Раз, отпуская в путь одного из монахов сборщиков и подавая ему сборную книгу и сумку, он так проговорился о себе: «Когда я был в Саровской Пустыни, присматривался к тому, как кто живет и кто что имеет, и сказал сам себе: умру с голоду, но никогда в жизни ничего не буду иметь. Вот и хожу всю жизнь с сумою».

Но задолго до кончины О. Моисея в 1860 году Господь послал ему утешение – видеть, что Обитель получила, хотя некоторое обезпечение в своих хозяйственных потребностях. Вследствие, повторенного представления О. Архимандрита о нуждах Оптиной Пустыни, как по недостатку лесных материалов для поддержки строения, так и, еще более, по неимению дров для отопления церквей и жилых зданий, было Высочайше разрешено, в добавление к прежде отведенным Оптиной Пустыни 42-м десятинам луговой земли, на которой и был построен хутор, отвести Пустыни из той же казенной дачи Каменки лесной участок в 108 десятин, прилегающей к вышеупомянутому хутору. По получении уведомления об этом, в тот же день совершено было всенощное бдение, а на утро после литургии отслужен благодарственный молебен Подателю всех благ. Братия радовались и поздравляли друг друга, принимая за явный знак милости Божией эту милость Правительства, которая удовлетворила до известной степени одну из главнейших нужд Обители, заставлявшую опасаться особенно за будущее, по случаю ежегодного возрастания ценности лесных материалов. Так на О. Моисее, в виду всех нас, исполнялось слово Евангельское: *ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вам* (Мф. 6:33). Впрочем, при всем процветании Пустыни, на ней лежал еще в

то время долг в семь тысяч рублей; но забота об этом долге, не очень удручала О. Архимандрита. Мысленно успокаивал он себя тем, что принял монастырь еще с большим долгом, в 12 тысяч, и с пустыми: кладовую и житницею, а теперь запасов в Обители было много, да и силен Господь послать в свое время благодетелей, которые уплатят долг. Последнее замечательно сбылось вскоре после его кончины.

Кончина эта видимо уже приближалась. Силы Старца слабели со дня на день. Из иноков, получивших под его управлением монашеское образование, многие занимали уже места настоятелей в разных Обителях⁵³. Сонм почтенных Старцев, украшавших Оптину Пустынь и успокаиваемый христианскою любовью ее Настоятеля, уже давно стал редеть. Оставались в Оптиной Пустыни, как три духовные светила, лишь три великих Старца: О. Архимандрит Моисей, О. игумен Антоний и иеросхимонах Макарий. Первым из них кончил свое земное поприще Старец О. Макарий, 6-ю годами младше О. Архимандрита. В последнее время жизни О. Макария, вследствие недоразумений, корнем которых было не вполне одинаковое, хотя и равно-духовное, справедливое понимание монастырских дел и хозяйства, произошло между ним и О. Архимандритом некоторое охлаждение. Примешалось к этому и различие во взглядах на лес, который О. Макарий очень любил, как украшение Обители, и всячески старался о его сбережении, а О. Архимандрит Моисей думал и говорил, что Лес, годный для построек, должен для них и служить и таким образом исполнять свое назначение. Невидимый враг нашего спасения, старался раздуть это различие во взглядах в полное расстройство между Старцами, но не успел в этом. Мирный образ жизни Старцев между собою не был нарушен и О. Макарий, напутствуемый за его труды в Обители благожеланиями и благодарным чувством О. Архимандрита Моисея, мирно скончался 7 сентября 1860 года. Видимо приближалась и очередь О. Архимандрита Моисея. Восьмой десяток лет его жизни приходил к концу; но и в такие преклонные лета, когда, по неизбежному закону природы, при обветшании организма, во всех людях оказываются разные старческие немощи или особенности, О.

Архимандрит отнюдь не позволял себе послабления в монашеских подвигах, а напротив еще увеличивал их для себя самого.

В такой глубокой старости он, вероятно для примера братьям, перестал пить чай по утрам. Чтобы оценить всю тягость такого труда для ветхого днями Старца надобно припомнить, что он происходил из купеческого сословия, где, как говорится, вырос на чаю; потом пил его во всю свою долгую жизнь, и тогда как силы наиболее нуждались в подкреплении, оставил чай по утрам, чтобы братия, видя в нем пример подвига, не увлекались приманкою телесного подкрепления, но понуждали себя к подвигам. «Вот, смотрю я, все у нас чай да чай», говорил он раз одному приезжему настоятелю общежительной Пустыни, «положим, что он и подкрепляет силы, но если будем лишать себя телесной отрады, то Господь не оставит за это духовным утешением». – Без сомнения Господь и вознаграждал Старца внутренне обильным утешением духовным за его подвиги и понуждение себя, а еще более за то смиренное чувство, с которым он их проходил. О. Архимандрит Моисей твердо помнил слова Св. Иоанна Лествичника: «Где не присутствует свет, там все мрачно, и где нет смиренномудрия, там все наше нечисто и суетно».⁵⁴

Во все время своего настоятельства, как мы упомянули выше, О. Моисей старался неопустительно ходить в братскую трапезу, а в последние годы, ходил даже к ужину и на вечернее правило после него. Силы телесные оскудевали, но О. Архимандрит стал еще более ревновать и заботиться о строжайшем соблюдении монашеских правил и общежительного устава, так что некоторым могло казаться и казалось, что Старец, всю жизнь прошедший в трудах и подвигах, под конец ее судил о других по себе и ему менее стали понятны немощи немощных. Но, как бы кто ни смотрел на это, для всех была очевидна высокая благонамеренность его действий. Все видели, что он руководился одною только мыслью – содействовать душевному спасению ближних. Нередко, приводил он на память себе и другим слова, сказанные ему еще в 1842 году приснопамятным Иерархом, основателем Скита и

духовным благодетелем Оптиной Пустыни Митрополитом Киевским Филаретом; «Отец Моисей! Веди всех их (Владыка указал на окружающих его братьев) в Царство Небесное, ни одного не оставляй».

Усиливая, с течением времени, свою ревность к личным подвигам и ко благу ближних, О. Архимандрит все более и более снисходил во глубину смиренномудрия. «Сам-то я хуже всех», смиренно повторял он, «другие, может быть, только думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознал, что я хуже всех». – Сбывались на нем слова преподобного Аввы Дорофея: «Как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви к низу и нагибают их, так и душа, когда смиряется, тогда приносит плоды, и чем более приносит плода, тем более смиряется; ибо и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными»⁵⁵. Наконец настала пора Старцу отрешиться от здешней жизни, как зрелому плоду от дерева. 15 января 1868 года минуло О. Архимандриту Моисею 80 лет, а в мае того же года, он заболел. В течение всей жизни, О. Моисей никогда не был сильно болен и с ним случилось так, как бывает с людьми крепкого телосложения: первая в жизни трудная болезнь была для него и последнею.

Первым признаком болезни О. Архимандрита Моисея была небольшая опухоль на спине, грозившая перейти в нарыв. Старец не обращал на нее внимания и 21 мая, в день храмового праздника Владимирской иконы Божией Матери, в последний раз, соборе служил литургию.

На другой день утром предполагал он выехать в Калугу для поздравления Владыки с благополучным возвращением из Петербурга на паству. После трапезы О. Архимандрит простился с братею и между прочим сказал, что едет в Калугу, может быть, в последний раз.

Поездка эта сделалась действительно неожиданно тяжела для О. Архимандрита и повлияла на развитие и исход его болезни. Преосвященному Григорию был представлен донос, в котором малодушные порицали образ действий Отца Моисея и управление Обителью. Преосвященный Григорий, при всем

уважении к трудам и святой жизни О. Архимандрита Моисея, по своей обязанности Архипастыря, сообщил ему этот донос и пожелал узнать: есть ли в нем что-либо справедливое? О. Архимандрит объяснил Владыке, как ведутся дела и тем успокоил Архипастыря, но неожиданность этого доноса и ложность его содержания тяжело легла на слабевшие силы Старца. Получив приглашение от Владыки к обеду на другой день, О. Архимандрит прямо от Преосвященного Григория отправился к тогдашнему О. Ректору семинарии, впоследствии Епископу Астраханскому Герасиму, с которым был сердечно хорош, и со слезами рассказывал ему о происшедшем. Рассказ этот остался в памяти Преосвященного Герасима, так что он упомянул о нем и в надгробном слове О. Архимандриту Моисею. Говоря о его великодушии и кротости, Преосвященный Герасим привел его собственные слова: «По навождению вражескому, иногда проносили мое имя яко зло и чернили клеветами – малодушные из братии. Но, правда светлее солнца. Защитив себя перед начальством от изветов, я охотно прощал ненавидящих и обидящих меня и тем обезоруживал их и пленял сердца их в любовь». Так, обливаясь слезами, О. Моисей раз сам говорил нам, благословляя при этом Господа, давшего ему широту сердца. И в эти минуты в очах его светилось такое младенческое незлобие, что, кажется самое холодное, черствое сердце пленилось бы им и пожелало усвоить себе это качество дивное.

Этот раз, когда О. Архимандрит Моисей поведал свою скорбь Преосвященному Герасиму, был, как нам достоверно известно, именно последним, в мае месяце 1862 года. – Верно, Старец предчувствовал свою близкую кончину, потому что перед отъездом из Калуги, на слова монаха его сопровождавшего⁵⁶: «Батюшка! Вы благословили напомнить Вам о покупках», – отвечал: – «Нет, уж теперь не время этому». – 24 мая вечером О. Архимандрит выехал из Калуги, по своей привычке ездить преимущественно по ночам. По возвращении в Обитель 25 мая утром оказалось, что из небольшой опухоли на спине образовался нарыв величиною в яблоко. Пригласили уездного врача, который при осмотре нашел, что это нарыв –

карбункул, еще не развившийся; прописал мазь и, уезжая, сказал братии: берегите Старца, болезнь опасная.

На другой день, 26 мая, хотя боль усиливалась, но О. Архимандрит сделал было распоряжение служить самому на праздник Св. Троицы, и, только по убеждению врача, перед самою всенощною отменил это распоряжение, назначив вместо себя другого⁵⁷. К вечеру болезнь усилилась и О. Архимандрит слег в постель. Для облегчения боли врач решился сделать операцию, после которой больной получил некоторое облегчение, но только на время.

29 мая больной причастился Св. Таин, которые были принесены после ранней литургии из церкви, в сопровождение всего находившегося там братства. Между тем, по желанию врача, послали приглашение в Билев к другому доктору, который и прибыл вместе со своим сыном молодым медиком. Однако, не смотря на все их усилия и пособия, болезнь развивалась, нарыв все более и более увеличивался, так что, наконец, сделался величиною в полоскательную чашку. К нему присоединилась неожиданно, и развилась чрезвычайно быстро, водяная в желудке, которая внутреннюю тягостью увеличивала внешнюю боль от нарыва и удваивала страдания.

31 мая вечером О. Архимандрит опять причастился Св. Таин и с этого дня до самой кончины причащался уже ежедневно, а в пятницу 1 июня осoboровался св. елеем. Таинство елеосвящения совершал, после ранней литургии, родной брат О. Архимандрита и вместе духовник его в последнее время, О. Игумен Антоний с шестью иеромонахами и двумя иеродиаконами, в присутствии братий. Больной, к удивлению всех, вышел для соборования довольно бодро из спальни в залу, но потом, ослабев, сидел, а после и лежал: при чтении Евангелия каждый раз поднимался и слушал стоя; лице его было спокойно и светло. Трогательно было видеть, когда маститый Старец, угнетаемый страшною болью, смиренно поклонился предстоявшим, прося у них прощения. После совершения таинства присутствовавшие принимали его благословение, а когда больной несколько отдохнул, все братия, как из монастыря, так и из скита, стали приходить,

желая проститься со своим настоятелем и принять его благословение. Прием продолжался до вечера, но когда страдалец сильно изнемогал, то прекращался на несколько времени, чтобы дать больному малый отдых; потом опять пускали к О. Архимандриту всех желающих, он прощался со всеми, всех благословлял и, не смотря на свои страдания и изнеможение, приветствовал всех: кого искренним словом, кого ласковым взглядом. – «Как вы себя чувствуете, Батюшка?» – спросили его, – «Да!», отвечал он, – «долготерпение Божие на мне продолжается». В другой раз, на подобный же вопрос он отвечал: «Да! доктора борются с болезнью, а мне только нужно терпение. – «Батюшка», – сказал один из новопоступивших изнуренному Старцу, – «скажите мне слово на пользу». – «Господь и Его слово да будет с вами» – отвечал он.

Вообще, во время тяжелой болезни своей страждущий Старец, никому не отказывался давать наставления и в предсмертных речах его, преисполненных духовной мудрости и сердечной любви к вопрошающим, была какая-то особенная знаменательность. Со смирением беседуя с одним старцем, он между прочим выразился о себе так: «Другие может быть только думают, что они хуже всех, а я в 57 лет монашества опытом и на самом деле дознал, что я хуже всех». Таким искренним смирением, при уповании на милость Божию, объясняется то невозмутимое спокойствие и благодушие, которыми Старец-подвижник отличался во всю свою жизнь, и которые не оставляли его, и в предсмертных страданиях. При его вере и надежде на милосердие Божие, в нем, в страшное время разлучения души от тела, не было заметно страха смерти, естественного каждому; но, полный спокойствия и любви, он заботился только о братстве, вверенном его попечению. Иеромонаху Исаакию, который после смерти О. Моисея назначен настоятелем Оптиной Пустыни, умирающий много говорил о любви к Богу и ближнему, как бы предвидя в нем преемника своего и желая его приготовить к благодушному принятию и несению креста начальствования, ради любви к ближнему. Еще одному старцу говорил: «Признаю две жертвы, приятныя Богу: *жертва хвалы прославит Мя тамо пут имже*

явлю ему спасение мое (Пс. 49:23). И жертва Богу дух сокрушень. Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничтожит (Пс. 50:19), а печаль мира сего смерть соделоваает (2Кор 7:10)». Эти слова были особенно знаменательны в устах О. Архимандрита: в них он исповедывал то, как сам поступал в почти 40 летнее управление обителью; во время скудости, так часто его посещавшей, и имея содержать большое братство, без всяких определенных доходов, он, отвергая всякую излишнюю печаль, старался привлечь к себе милосердие Божие смирением духа и сердечною благодарностью, с которою принимал всякое благодеяние, как от руки Божией, как бы незначительно оно ни казалось. Еще говорил: «Весь закон в двух заповедях заключается: возлюбиши Господа Бога твоего, и возлюбиши искренняго твоего яко сам себе (Мф. 22:38,39). Значить, чтобы возлюбить, как должно, ближняго, надобно сперва научиться самого себя любить как должно». Не раз, лежа, сам с собою рассуждал в слух о пользе Старчества.

О. Игумен Мещовского монастыря Никодим, как сам после рассказывал в присутствии одного только О. Игумена Антония, сказал О. Архимандриту Моисею: «Батюшка, конечно в животе и смерти Бог волен, но болезнь Ваша трудная, Вы назначили бы себе преемника». О. Архимандрит ответил только двумя словами: «Бог укажет». Потом, при других свидетелях, монастырский казначей иеромонах Савва предложил Старцу вопрос: кого он по себе назначает настоятелем? О. Архимандрит взглянул на образ Спасителя и сказал: «Да, это дело великое и трудное; поручаю это самому Господу».

По временам больной чувствовал себя довольно бодрым, выходил в приемную, спрашивал у письмоводителя бумаг, расговаривал с некоторыми братьями о монастырских делах (о чем, он впрочем, никогда не забывал).

О. Игумен Антоний рассказывал, что в это время некоторые из рабочих пришли просить расчета. «Я и сказал О. Архимандриту: Батюшка, рабочие пришли, просят, чтобы их рассчитать. – Что же, надобно рассчитать. – Да денег-то нет, Батюшка. – Занять надобно у кого-нибудь, а рабочих рассчитать». Я и пошел от Батюшки в раздумьи: у кого же занять.

Только что схожу с крыльца его кельи, как вижу, навстречу мне идет знакомая дама, и, подойдя, спрашивает о здоровье О. Архимандрита. Я отвечал: «Слабеет силами; да вот благословил мне расчесть рабочих, а денег нет, надобно занять у кого-нибудь». Дама эта тут же вынула свой бумажник, достала из него 50 рублей и подала их мне, говоря: «Вот, О. Игумен, позвольте мне Вам этим послужить, прошу Вас принять от меня эти деньги в долг без отдачи». Так Господь, за молитвами Батюшки О. Архимандрита и послал неожиданно денег для уплаты рабочим.

В воскресенье 3 июня О. Архимандрит, чувствовал себя хорошо, и в братии ожила надежда, что он останется жив; но на другой же день эта кратковременная надежда исчезла. Консилиум врачей, к которому усердием преданных лиц приглашены были, кроме упомянутых еще два, признал болезнь неизлечимую.

6 июня, вечером, О. Игумен Антоний предложил больному принять схиму, приводя ему в пример, благоговейно им чтимого покойного Клевского митрополита Филарета. О. Архимандрит согласился и сказал, что и сам давно имел желание принять великий монашеский образ, и получил на то благословение от сего же Иерарха. Тут же вспомнил, что за 41 год перед тем, в самый этот день 6 июня, он прибыл из Рославльского леса в Оптину Пустынь.

Сейчас же, были сделаны необходимые распоряжения, и в присутствии немногих из старшей братии, совершен чин пострижения братом и духовником О. Архимандрита О. Игуменом Антонием. При начале обряда спросили его: «Может быть, Вам угодно переменить имя?», – он отвечал, – «Довольно и Моисей». На вопросы, делаемые при пострижении, он отвечал, хотя и с усилием, но внятно и с большим чувством. Память его была при этом светла, вид лица святолепен, а выражение его слов и действий так просто, что один из присутствовавших старцев невольно назвал его новым Сисоем. Когда по окончании обряда его стали поздравлять, он благодарил всех с таким умилением и с такою любовью, что у присутствовавших невольно навертывались слезы на глазах.

Больной, утешаясь схимою, долго не снимал ее и посещавшим его, как в этот вечер, так и в последующее дни, с удовольствием рассказывал о своем пострижении, и говорил, что такого утешения и такой духовной радости, какая наполняла его душу с принятием великого ангельского образа, он в жизни своей не помнит. 6 июня, вечером и 7 утром все братия, от мала до велика, вторично приходили принимать благословение от новопостриженного схимонаха Архимандрита. Вид маститого Старца, лежавшего в схиме, на болезненном одре и среди тяжких страданий, сиявшего от внутреннего духовного утешения, был так назидательно-величествен, что трудно было оторваться от этого зрелища: все входившие в келью для получения благословения с сожалением и нехотя оставляли ее, и останавливались у дверей соседней кельи, чтобы еще посмотреть на великого Старца.

Кроме братьев О. Архимандрит принимал и благословлял и посторонних, находившихся в эти дни в Обители. Когда огласилась весть о его опасной болезни, то из Москвы, Калуги, Тулы, Орла и других мест стало съезжаться в Оптину Пустынь много преданных ему лиц мирских, со своими семействами и духовных, желавших принять последнее благословение высокоуважаемого Старца. Всех принимал он с сердечною любовью и благодарил с глубоким смирением и искренностью за участие и с каждым из многочисленных посетителей старался беседовать, сколько позволяли ему слабеющие силы.

Вечером 6 июня, по желанию О. Архимандрита, написано было его духовное завещание⁵⁸. На другое утро, когда хотели прочитать больному в постели это завещание, он не согласился на то, а, приказав накинуть на него рясу, вышел в залу, сел на обычное свое место, и, удалив всех келейных, остался один с письмоводителем, и сам стал внимательно читать завещание и по прочтении каждой статьи останавливался, обдумывая ее смысл. Прочитав все, перекрестился и подписал очень тщательно и четко. Это была последняя его подпись, после которой он не брал уже в руки пера. Отдавая бумагу письмоводителю иеромонаху Евфимию, сказал: «Теперь все кончено». Когда он хотел встать, то от бессилия опустился

опять на диван, проговорив: «Оскуде крепость моя». И в спальню его уже повели келейные.

По принятию схимы, больной провел ночь гораздо лучше прежних, и на другой день состояние его здоровья утешало всех, хотя и не долго. Вечером появилась тоска, которая к ночи, час от часу, усиливалась. Больной до трех раз переходил из спальни в залу и оттуда обратно в спальню, но нигде не находил покоя. Не дождавшись ранней обедни, в час по полуночи причастился Св. Таин, после чего О. Игумен Антоний прочитал отходную, обливаясь слезами. Так наступило 8 июня, – день очень тяжкий для больного. Надобно заметить, что с первых дней его болезни, окружавшие его, ожидали скорой кончины, и доктора, по своим соображениям, несколько раз назначали срок – сколько ему остается жить, потом отстрочивали еще на несколько дней, и больной с каждым днем действительно слабел, но, поддерживаемый благодатию Божиею, переносил страдания, которые, казалось, быстро прекратили бы жизнь обыкновенного человека и переживал отдаленнейшие сроки, назначаемые ему, по соображениям науки. Жизнь его незаметно угасала, но и среди предсмертных страданий, он являл то великодушие и ту духовную силу, с которою в продолжение своей долголетней жизни переносил величайшие лишения, скорби и заботы, не всем известные и не для всех понятные...

Водяная быстро разливалась; нарыв проник уже в кость, слабость ежечасно увеличивалась, и в таком состоянии О. Архимандрит 9 июня, начал раздавать иконы на благословение, сначала старшим из братии и некоторым другим лицам, приехавшим в Обитель. Благословляя образом, он сам сперва благоговейно прикладывался к нему, и потом уже подавал и делал это с особенным чувством умиления и с большим вниманием, сознавая, что это уже последнее прощание, и что его предсмертный дар, высоко будет ценим принимающими. Потом, возвестили братии, чтобы все приходили принимать благословение умирающего, и тогда уже невозбранно шли монахи и мирские, крестьяне и знатные, мужчины, женщины и дети. Почти весь день прошел в этом утомительном приеме.

Келейные, жалея больного, несколько раз прекращали прием, и тогда он сам спрашивал: «Что же, или уже никого нет». Уже вечером, во время бдения, было объявлено приходившим, чтобы ждали до утра. На следующий день, после причащения больного, опять начался прием братий, и посторонних, и продолжался до самого вечера. Приходили и некоторые лица, имевшие, по недоразумениям, неудовольствие на О. Архимандрита, он принял их так радушно, так усердно благодарил их за посещение, с такою любовно преподавал им прощение, и сам у них просил прощения, что они выходили от него заливаясь слезами и растроганный до глубины сердца.

Между тем стало стекаться все более и более лиц всякого звания, желавших получить последнее благословение Старца, а он так ослабел, что не было никакой возможности принимать лично всех, и потому он благословил несколько коробок с образками, которые от его имени и были раздаваемы О. Игуменом Антонием и одним из монастырских духовников. Но иные, принимая образки, не обинуясь, жаловались: мы пришли не за образками, а принять благословение, пустите взглянуть на самого. Некоторые, со слезами просили допустить их, валялись в ногах. Одни говорили: мы сами дальше, живем здесь давно; благословите проститься навечно. Другие ближние говорили: допустите нас ради Бога, ведь мы свои, хоть последний раз взглянуть на батюшку. Уж нас-то грешных не пустить. И трудно было решить: кого пощадить надобно, больного ли, или приходящих. Так продолжалась раздача образков несколько дней. Был следующей замечательный случай: больной, тоскуя и издавая болезненные стоны, подозвал к себе келейника своего и сказал: «Спроси, что эта за женщина? Что ей нужно? Зачем она меня беспокоит?». Келейник, не видя никакой женщины, подумал, что это бред и сказал несколько слов, только чтобы успокоить больного. Но потом оказалось, что на крыльце действительно давно стояла женщина, которая, получивши образок для себя, не хотела удалиться, но настоятельно просила, чтобы ей дали другой образок для ее сына. Узнав об этом, келейник взял образок, поднес его к О. Архимандриту для благословения, и вынес его по таинственному требованию,

дождавшейся крестьянке, а потом сказал больному, что женщина желала получить его благословение и теперь удовлетворена. Старец ответил: «Вот я теперь спокоен».

Всех образков было роздано в эти дни более четырех тысяч. При этом не были забыты и отсутствовавшие. В эти же дни сам О. Архимандрит сделал распоряжение, чтобы некоторые из его келейных икон были разосланы на благословение и на память многим лицам, им уважаемым и благотворителям Обители.

С вечера 10 числа, начались очень тяжкие страдания, которые продолжались двое суток. Прием посетителей прекратился, за исключением немногих. Ночью страдания увеличились. О. Игумен Антоний⁵⁹ прочитал вечерние молитвы, канон Божией Матери на исход души и окропил больного св. водою, а в самую полночь прочитал краткие молитвы к причащению. После этого больного тотчас и причастили. Однако, не смотря на жестокие страдания и изнеможение, он принимал Св. Причастие стоя и молитву «Верую Господи и исповедую – читал сам, хотя с большим усилием, и после причащения благословлял всех присутствовавших.

Во время жестокой болезни цвет лица его был свеж и румян, а после принятия Св. Таин, всякий раз, особенно светел и благообразен, выражение лица спокойно и приветливо: всем чувствовалось, что и в страданиях он был преисполнен благодати. Во все время болезни, чтение молитв, как упомянуто было выше, совершалось О. Игуменом Антонием. Кроме того, больной приглашал иногда и других старцев прочитать ему какие-либо молитвы, по их усмотрению.

В жизни своей О. Архимандрит не любил принимать услуг, без особенной нужды, и, сохраняя свои привычки, 80-ти летний Старец пытался и во время болезни, до последней крайности, отклонять услуги келейных. Если замечал, что кто-либо оставался в его кельи, выжидая не понадобится ли что-нибудь больному, то настоятельно высылал его, говоря: «Пойди, отдохни». Когда же предсмертная немощь заставила его вполне отдаться рукам других, он с глубоким смирением сознавал, что точно ослабел, что затрудняет собою других, и искреннюю свою

благодарность за услуги, выражал словом: «благодарствую», приветливым взором, и самым смиренным, и терпеливым выжиданием, особенно при перевязке раны, которая была крайне болезненна, и при всей поспешности, и старательности келейных очень утомительна для страдальца.

12 июня вечером, больной заметно ослабел, руки стали холодеть, и все уже думали, что он не доживет до Св. Причастия. Однако в час по полуночи его причастили; но теперь больной не только не мог сам читать молитву «верую Господи и исповедую», но не имел сил держать и головы своей. За то с наступлением такой большой слабости во всем теле кончились и жестокие его страдания. Больной был уже свободен от них в последние дни, так что на следующие сутки причащение его отложили до конца ранней обедни. Сознание же его, при таком телесном изнеможении, было даже светлее, чем в предшествовавшие дни. Если, например, при облачении в схиму пред причащением, забывали надеть по обычаю поручи, он взором и знаком руки сам напоминал об этом, хотя с трудом сидел на стуле. Когда чувствовал себя получше, продолжал заниматься монастырскими делами. Одному посетителю, к удивлению его, сказал, что в воскресенье надеется быть в церкви, и когда тот возразил, что ему по слабости сил никак нельзя служить, то прибавил: «Служить нельзя, а быть можно». Слова эти сбылись: почив о Господе в субботу, он в воскресенье был перенесен в церковь.

14 июня больной, как бы в бреду, стал собираться в путь, говорил, чтобы все приготовили к отъезду, что ему здесь нечего делать, что останется здесь разве еще день. Приказал вынести из своих келий, свои одежды и вещи, исключая одной подушки и т. п., говоря, что все это теперь уже не нужно. Потом приказал поместить перед собою на стене икону Св. Тихона Задонского, которая и стояла перед ним по час кончины, последовавшей в день тезоименитства Св. Тихона 16 июня.

15 июня, О. Архимандрит был так слаб, что во время причащения едва держался на ногах, или точнее – висел на руках других, но все-таки не хотел принять Св. Таин лежачим, и не терял сознания. Вечером со вниманием слушал Евангелие от

Иоанна, читанное одним из Старцев. Глубоко трогательна была та смиренная внимательность, которую умирающий оказывал во все время своей болезни всем посещавшим его. Так, например, один из иеромонахов, поклонившись ему, поцеловал его руку, а Старец тихо привлек и его руку к своим устам. Или: больной лежит с закрытыми глазами, один из иеромонахов целует его благословляющую руку, страдалец, не имея уже сил пошевелиться, отвечает ему пожатием руки.

15 июня, вечером, открылось сильное томление; потом сделался озноб. Слабость больного увеличилась. Врач говорил, что страждущий, едва ли может прожить до полуночи. Ровно в полночь принесли Св. Тайны, которых страдалец принял уже лежа, и то с трудом. Во втором часу стал томиться, потом успокоился. Вдруг видят: правая рука умирающего Старца поднимается и осеняет предстоящих, те поспешили подойти и он благословил их. Потом Старец продолжал благословлять и тогда, когда уже никого не было: видно было, что он благословляет, отсутствующих своих знакомых. В это самое утро, как узнали после из письма, полученного в Обители, одно преданное Старцу лицо в С.-Петербурге видело в тонком и необыкновенно светлом сне О. Архимандрита, лежащего на одре и благословляющего поочередно каждого из членов его семейства. О. Игумен Антоний, видя, что умирающий благословляет и тогда, когда перед ним никого не было, дал ему в руки крест, и тогда Старец продолжал осенять крестом, пока не изнемогла рука. Потом, распорядились, чтобы иеромонах и иеродиакон продолжали начатое накануне, по желанию больного, чтение Евангелия, которое и не прерывалось до последнего его вздоха. При этом был трогательный случай. На долю иеромонаха Евфимия Трунова, который поступил в Обитель весьма молодым, 31 год состоял при О. Архимандрите Моисее писмоводителем и был ему сердечно предан, как Отцу и духовному своему благодетелю, на долю этого О. Евфимия, говорим, выпало читать 16-ю главу Евангелия от Иоанна. Дойдя до 16-го стиха: *«вмале и ктому не видите Мене и паки вмале и узрите Мя, яко иду ко Отцу»*, О. Евфимий зарыдал, и от слез не мог продолжать. О. Архимандрит, хорошо знавший, кто

читает, открыл глаза, с усилием повернул голову, взглянул на него с любовью и благословил его издали своею изнемогшею рукою. Через несколько времени потом, дыхание умирающего стихло до того, что один из бывших там иеромонахов сказал: «Скончался?». Больной, не открывая глаз, едва слышно ответил на это: «Продолжайте». И продолжали чтение священнослужители один за другим, пока в 10 часов Старец легко вздохнул и весьма тихо и мирно предал Господу душу свою, в то самое время, когда очередной иеромонах читал конец 16-й главы Евангелия от Матфея: *«пріити бо иматъ Сынъ человеческій во славе Отца Своего, со Ангелы Своими: и тогда воздаст комуждо по деяніемъ его. А мѣ глаголю вамъ, яко сѣнь нецѣи отъ зде стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дѣндеже видѣтъ Сына человеческого грядуща во царствіи Своемъ»* (ст. 27 и 28).

Так скончался О. Архимандрит Моисей, в твердом уповании на милосердие Божие, сподобившись еще в сей жизни преисполниться благодатных утешений от Господа. Так зашло, в невечерний день вечности это светило веры и добродетели, но свет им разлитый, в свое время, спасает и до сих пор и Обитель им обновленная, не перестает служить духовным пристанищем для многих, ищущих духовного назидания, утешения в скорбях земной жизни и незаблудного пути к спасению вечному.

«Неизъяснима и невыразима словами та сладость, говорит Преподобный Феогност⁶⁰, которую ощущает душа, извещенная о своем спасении, при разлучении с телом. Получая (теперь) то, чего надеялась, она оставляет тело как одежду, без скорби, и с миром идет к пришедшему свыше светлому и тихому ангелу: безпрепятственно проходит с ним воздух, нимало не возмущаемая лукавыми духами, но восходит радостно, с дерзновением и восклицаниями благодарности, пока не будет приведена на поклонение Творцу и от Него получит определение – водвориться до общего воскресения с подобными ей и равными по добродетели»⁶¹.

Почившего вынесли в зал, где уже во множестве собрались братия и народ. Брат покойного О. Игумен Антоний совершал с 12 иеромонахами и 2 иеродиаконами заупокойное служение

(канон по исходе души и соборную панихиду); коридоры и все место свободное снаружи около Настоятельских келий, были полны народа; всем розданы были свечи, и началось общее пение канона: почти все братство и некоторые из мирских вторили пению, и составилась хор, в полном смысле слова потрясавший сердца! После этого следовало прощание. Трудно было отыскать лицо, не орошенное слезами. Затем начались панихиды, продолжавшиеся до часу по полуночи. Они сменялись одна другою и до самого погребения почившего, за исключением немногих часов глубокой ночи и времени церковного служения.

На другой день, утром в 4 часа совершен был вынос останков покойного в церковь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Почивший священно-архимандрит схимонах, с крестом и Евангелием на груди, походил более на св. мощи, чем на мертвеца.

Немедленно по кончине О. Архимандрита отправлен был в Калугу к Преосвященному Григорию монах Досифей⁶², с донесением о совершившемся. Владыка, распросив подробно о кончине Старца, сказал, что он сам приедет в Обитель воздат последний долг в Бозе почившему. 18 июня, исполняя свое слово, Преосвященный Григорий, действительно прибыл в Оптину Пустынь с ректором семинарии О. Архимандритом Герасимом и свитою. В три часа по полудни большой колокол возвестил приближение к Обители архипастыря. Все братия вышли к св. воротам, где Владыка и был благоговейно встречен братством и наехавшим отовсюду народом. В соборе, по окончании входной молитвы, Преосвященный, обратясь к братии сказал: «Все хорошо, только одного человека не достаёт».

Благословив, последовательно, всех братий, Владыка отправился к покойному Настоятелю обители в Казанскую церковь. Положа несколько поклонов, благословил почившего и простился с ним. В тоже время назначил и место погребения в Крестовоздвиженском приделе, за малым правым клиросом. Оттуда, в сопровождение братства, Преосвященный зашел в часовню, устроенную над могилою покойного Старца

иеросхимонаха Макария, поклонился низко гробнице, последнего и, немного постояв, отправился в покои бывшего Настоятеля.

19 июня Архипастырь служил божественную литургию и потом совершал отпевание и погребение О. Архимандрита Моисея, с двумя архимандритами, четырьмя игуменами, двумя строителями, двумя протоиереями, двенадцатью иеромонахами, восемью иереями и двенадцатью диаконами. Сечение же народа было такое большое, что подобного никогда в Обители не видали, и похоже было на какое-то торжество, а не на печальную процессию. Трапеза была предложена для разных лиц, числом до двух тысяч человек, из которых более тысячи было нищих. Как при жизни своей покойный Старец любовью и смирением многих привлекал к себе, так и по кончине его таже любовь собрала многих к его погребению.

О. ректор калужской семинарии архимандрит Герасим во время отпевания сказал прекрасное надгробное слово, в котором кратко изобразил жизнь покойного Старца, близкого ему по сердцу⁶³.

Подземный свод покрыл гроб притруженного подвижника, но живая память о нем и о любви его, равно как и благодатной силе его в трудах и подвигах, не изгладилась из сердец его искренних почитателей, и долго, долго будет жить в поколениях братства Оптиной Пустыни.

Как скоро сделалось известным о кончине О. Архимандрита Моисея, многие обители (Свято-Троицкая Сергеева Лавра, Саровская пустынь, Святогорская и Коренная пустыни, Задонский монастырь и другие) в честь и память многопотрудившегося, опытного подвижника-настоятеля совершили поминовение по нем с особенною торжественностью, почитая память праведного с похвалами.

Через несколько времени, по кончине О. Архимандрита Моисея, на месте его погребения положена была большая гладкая плита с начертанным на ней масляною краскою осьмиконечным крестом. Плита эта была ограждена с западной стороны и с северной чугуною решеткою, примыкавшею с востока к правому клиросу придела, а с юга к каменной стене

храма. За клиросом над плитой прибита была металлическая посеребренная доска, на которой вырезана следующая надпись, составленная братом О. Архимандрита Игуменом Антонием. «На сем месте погребено тело Настоятеля сей святой Обители Отца Архимандрита Моисея, скончавшегося июня 16 дня 1862 года, со всеми христианскими напутствованиями, с принятием на себя великого ангельского образа, т. е. святой схимы, и с упованием на Божие милосердие, изреченное самим Спасителем: идеже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ!» А он, т. е. почивший о Бозе Архимандрит, от юности до скончания своего работал Господу со страхом и служил Ему с любовью и благоговением. Был сначала начальником здешнего Скита, им устроенного, четыре года; потом настоятелем Обители сей 37 лет. В иноческом звании проведено им 57 лет, а всего жития его было со дня рождения до кончины 80 лет, 5 месяцев и 1 день; и оставил он о себе в Обители сей память вечную с похвалами! А посему, просим и молим Господа Бога да упокоит душу его со святыми в небесном царствии Своем, о чем все Господу помолимся».

Плита, покрывавшая могилу О. Архимандрита Моисея была снята на время при похоронах О. Игумена Антония, погребенного 1865 г. в одном склепе с О. Архимандритом, потом снова была положена на общую могилу Старцев и лежала на ней до 1873 года.

В 1873 году иждивением вдовы Щигровского предводителя дворянства Елизаветы Васильевны Небольсиной, лично знавшей О. Архимандрита Моисея, и получившей от него первый совет, о принятии православия, сделано было в Петербурге;⁶⁴ на могилу обоих Старцев Моисея и Антония великолепное надгробие из белого итальянского мрамора. Оно представляет собою мраморный саркофаг, помещенный на постаменте. На крыше саркофага лежит большой, мраморный высоко-рельефно высеченный, осьмиконечный крест, составляющей с крышею одно целое.

На боках саркофага надписи также высоко-рельефно высеченны из того же мрамора. На восточной стороне: 1873 года. На северной, в двух овалах помещено, – в первом:

Схимник Архимандрит Моисей скончался 16 июня 1862 года, на 81 году от роду; во втором: Схимник Игумен Антоний скончался 7 августа 1865 года, на 71 году от роду. На южной стороне: *«Добре подвиг совершившій и веру соблюдшій молитве, молимся, спастися душам нашим»*. На западной: *«Праведницы во веки живут и в Господе мзда ихъ»*. Саркофаг окружен бронзовым через огонь вызолоченным поручнем на 6 таких же столбиках с кронштейнами.

Стоит он слишком полторы тысячи рублей серебром. Посеребренная металлическая доска с надгробною надписью О. Моисея, о которой мы упомянули выше, перенесена теперь на клирос Воздвиженского придела, и соблюдается сохранно в память составителя надписи и того, о ком она говорит.

Но, не камень и металл, а живые предания о святой жизни Старцев и сила их молитв, до ныне очевидно действующая, на месте их подвига, говорят о них богомольцам и низводят на Оптину Пустынь благословение Божие.

Преподобный Сергей Радонежский перед кончиною своею, обещал Своей Обители безбедное существование после него. О. Моисей не дерзнул дать такого обещания на словах; но Бог исполняет это на самом деле, по молитвам его, посылая часто Обители нежданную помощь и не допуская ее до оскудения вещественного, а главное духовного.

Приложения

I. Письмо Монахини Досифеи к Тимофею и Ионе Путиловым

В послушании о Христе почтеннейшему Тимофею и братии, мир и Божие благословение.

Приятное письмо Ваше, посланное через брата А. С., имела удовольствие получить; и читав оное, не могла не вспомнить слов, что всеу путь, аще не благословит Бог. Вы, направля стопы Ваши на путь мирен к необуреваемому пристанищу, благополучно достигли, настигши на пути старца, хотя безмолвна, но внутрь сердца снабденна и Богом благословенна, коего древний посох указывал Вам путь к вечно тихому пристанищу в Саровском Иерусалиме. Сие напутствие Божие, весьма сходно с принятым Вами намерением. И должна заметить, что на путь правый указывает идущим не скитающимся в мирской прелести, ищущий спокойствия телесного, переходя из града в другой; но напутствуемый чрез Христа старец, хотя в раздранном рубище и хладный телом, но теплый верою и безмолвствуя языком в мире отверст устами в обители внутренней, затворивши уста, как бы дверь хижины теплой от охлаждения и дабы не вшел тать похитить сокровище, аще даде ему Господь. Сего старца, напутствующего Вас, увидя из письма, не могла я не чувствовать истинной веры, что севший с Вами, сей провожающий на служение Богу, избранник от Христа Спасителя нашего, человек потаенного сердца в неистлении молчаливого духа и слова его внутрь; дабы доказать верующим, что избравших лучший конец жития и преходящих путь остатки жизни в вере и неленостном послушании для достижения спасения будет благословлять Сам Отец Небесный, яко напутствующий Вас старец, от коего все мимоидущие, смиренно просят Божия благословения, яко слабые суть в мире, во брани плоти и крови и с духи злобы.

Вы же, видев совесть свою, как бы в зеркале, и приняв несение креста Спасителя нашего, обещая послушание нести его и далее, дондеже укажется место и время сложить его, страшитесь сбросить его с себя, угождая побуждениям плоти, в

коей часто бывает и враг владыкою. Но достигши спокойствия совести, и будучи наставляемы отцем Александром, не страшитесь мирного возмущения со стороны родственников, имея Отца и Матерь, иже на небеси. Впрочем, хотя дядя, сестры и прочие родственники в неудовольствии по свойству плотскому, и мнутя, яко в мире ища наказаний, но вспомните родителей К. Д-ча незлобствующих о спасении ближнего. Может быть, Бог смирит сердца и Ваших родственников, если веры утверждение не поколеблется в сердце Вашем, и не сделаете отступления, дав себя похитить волку из стада Христова и растерзать среди прелестями ослепленных.

Иона брат, утешающий жизнь, несущий троепослушание с терпением, и К. Д. трудившийся с Вами в хлебе Вы пишете: общелюбимы строителем и пустынниками, пекущимися о Вашем назидании душевном. Дай Бог, чтобы с любовью сей почтенной о Христе братии преходили Вы трудности послушания для тела к облегчению и спасению духа, достигая при черном покрове главы, блистающего на оную венца от Спасителя мира. Видев же, Вас несущих и без уныния, благодарящих Господа нашего, прошу Вас смиренно, писать мне впредь при случаях о продолжение жития Вашего. Я же при молитве как духовно, так и телесно здрава. И прошу читать письмо вместе, дабы цепь дружества Вашего была тверже. Впрочем, желая Вам душевного и телесного здравия, и Божия благословения, имею честь быть, грешная Монахиня Досифея.

29 Октября 1805 года.

В Русских Достопамятностях,⁶⁵ при описании Ивановского монастыря в Москве, сказано о старице Досифее следующее: «Сюда прислана была в 1785 году, по секретному повелению Императрицы Екатерины II, одна женщина не старых лет, по видимому, знатного происхождения. Неизвестно, какое было ее в свете значение, какое имя и фамилия; но здесь, в монашестве, она наречена Досифеею. Ни кто ее не видал, кроме игуменьи, духовника, причетника, недавно умершего в глубокой старости, да московского купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшего чаем и сахаром на Варварке, от которого мы, за несколько тому лет, заимствовали

некоторые сведения, об этой таинственной монахине. По их словам, она была уже пожилая, среднего роста, худощава телом и стройна станом, не смотря на свои лета и долговременное заключение, еще сохраняла в лице некоторые черты прежней красоты, ее приемы и обращение, обнаруживали благородство ее происхождения и образованность. Старый причетник видел каких-то, по его замечанию, знатных особ, допущенных игуменьей на короткое время к затворнице, которая говорила с ними на иностранном языке. Досифея жила в одноэтажных каменных кельях, примыкавших к восточной части ограды монастыря, близъ покоев игуменьи, и недавно еще сломанных. Все ее помещение составляли две уютные низменные комнатки под сводами и прихожая для келейницы; их нагревала изращатая печь с лежанкою. Окна обращены были на монастырь⁶⁶. На содержание ее отпускалась особенная сумма из казначейства; стол она имела хороший. Иногда на имя ее пересылались к игуменье от неизвестных лиц значительные суммы денег, которые она употребляла более на украшение церкви, на пособие бедным и на подавание нищим. К окошкам ее, задернутым занавесками, иногда любопытство и молва привлекали народ; но штатный служитель, заступавший место караульного, отгонял любопытных. В церковь Досифея выходила весьма редко и то в сопровождение, приставленной к ней старицы. Коридор и крытая деревянная лестница от ее кельи вели прямо в надворотную церковь, где духовник ее с причетником совершал богослужение для нее одной. Тогда церковные двери запирались изнутри, чтобы никто не мог войти. Все время своей затворнической жизни она посвящала молитве, чтению духовных книг и рукоделию; вырученные ею за труды деньги раздавала чрез свою келейницу нищей братии. Последние годы Досифея провела в безмолвии и в подвигах благочестия.

После 25-летнего пребывания в Ивановском монастыре, она скончалась в 64 года, 4 февраля 1810 года, а по надписи на портрете ее, как увидим далее, 1808 года. Как она прислана была в этот монастырь по секретному указу 1785 года, то имени ее, мы не нашли в клировых ведомостях. Хотя в продолжение,

десяти лет царствования Александра I и содержали ее несколько свободнее, но все еще держались прежнего указа, и она оставалась в забвении.

Хотя жизнь Досифеи в монастыре была сокровенною для света, но ее погребение, было торжественное и великолепное. Отпевал ее, за болезнью Митрополита Платона, Викарий, его Преосвященный Августин с почетным духовенством. На отпевание съехались: главнокомандующий столицы граф Иван Васильевич Гудович, женатый на графине Прасковье Кириловне Разумовской, и другие вельможи Екатерининского времени. Сечение народа в монастыре было необыкновенное. Тело Досифеи погребено не в том монастыре, где обыкновенно хоронили инокинь Ивановской обители, но в Новоспасском монастыре, усыпальнице Романовых, у восточной ограды, на левой стороне от колокольни. Над ее могилою, на диком камне надгробия под № 122, читаем следующую надпись: «Под сим камнем положено тело усопшия о Господе монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве 25 лет и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ее жития было 64 года. Боже, всели ее в вечных Твоих обителях».

В настоятельских кельях Новоспасского монастыря, по сказанию г. Мельникова, хранится портрет Таракановой, который почитали за изображение погребенной там монахини Досифеи, в мире принцессы Доротеи. Портрет писан на полотне, выш. 101/2, шир. 71/2 вер. На задней его стороне читаем: Принцесса Августа Тараканова, в иноцех, постриженная в Московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни своей, скончалась 1808 года и погребена в Новоспасском монастыре.

Иван Снегирев.

**II. Из писем Архимандрита Александра
Арзамасского, бывшего в Москве, в Новоспасском
монастыре наместником, к братьям Тимофею и
Ионе Путиловым**

Письмо 1

Братиям моим о Христе Иисусе Тимофею и Ионе, по приезде в Саровскую пустынь, советую: 1) Живши тамо, ходить к братии и дело иметь с теми только, с которыми прикажет Вам Строитель и духовник; 2) Послушания проходить без роптания, а когда же в чем отяготитесь, то просите со смирением перевести в другое; когда ж не переведут, послушайтесь. 8) Помните и живите, никуда не выходите; потому что Вы если какие многия, мнимыя Вам, увидите неудобности или соблазны; то если оныя из себя не истребите, и с ними перейдете, вдесятеро еще найдете и с побродяжничеством Вашим станут умножаться, пока совсем Вас опять возвратят в мир. А когда ж станете слушаться наставления их, и сами себя будете обвинять и соблазны на братию за собственный свой недуг и немощь признавать; то всегда и во всем будете оставаться мирными. 4) Также за послушание; хотя и тяжелое будет, то тяжело оно кажется, только за непослушание и упрямство. Потому увидите такое-ж самое послушание, проходящих с покоем Вас немощнее. Впрочем, если оставят вас, по Вашему желанию без послушания, то столько Вас одолеют помыслы, что и не сладите с ними; почему не отзываетесь от послушания, но ищите послушания. 5) Для вечной Вашей душевной пользы паче и паче помните, яко на всякое искушение – смирение, самоукорение, и терпение – победа. Господь же Премилостивый да просветит Вас и умудрит, да поможет Вам, и да сохранить Вас покрывает от всех шуиих и десных сетей вражиих. 6) Проходя послушания, берегите себя от тяжелых подъемов и храните здравие. Ответ бо дадите пред Богом, если себя от безумной ревности как-либо повредите и испортите, да и ближних отяготите. Сделавшись бо уродами, уже не братии Вы, но братия Вам служить принуждена; в каковом случае горькую жизнь иметь будете, от чего меня и Вас да помилует Господь. Когда вспомните, то помяните и грешного Александра, любящего Вас, ради Вас же самих. 1805 г.

Письмо 2

Любезный о Христе Иисусе брате
Тимофей И... и с любезным Ионою!

Благодать и милость Божия да будет с Вами!

Получил и последнее твое письмецо, и сердечно радуюсь, что милосердый Господь не попустил Вам более скитаться в мире, и осквернять свои души прелестью. Терпи Бога ради, и не забудь, что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом* (Еф. 6:12) и проч. Лучше бо, по Св. Лествичнику, с помыслами братися нам, нежели со мнением. А не добро быти нам бесстрастным; беси бо множицею отходят мнения ради, ведяще, яко можем и кроме их коварства от собственныя гордости погибнути, а посему ниже покаяния обрасти. Пишите за стужение помыслов; то ежели, можно удержать ветры, тогда и помыслы. А святые отцы глаголют, что можно иноку и страстну быть, но не действовать по страсти. Следовательно, мы осудимся за действие по-страсти, а не за то только, что имеем в себе оныя, и чрез помыслы стужаем. И первый бо Адам, по чувству распознавательному, проразумевал, что добро яблоко в снедь, но не за познание, а за вкушение онаго яблока осужден. Да и Бог заповедал ему, не еже не разумети о доброте плода, но еже, глаголет, да не снете. Почему не смущай свою душу никакими помыслами; потому что ты не любишь их, и не услаждаешься ими. Ежели имеешь отца и известуешься к нему сердцем и верою; то открывай ему все свои брани и помыслы, а свой разум, яко поврежденный и грехами оскверненный и измаранный, отнюдь не принимай и не верь себе ни в чем до кончины своей. И когда станешь являть ему оныя, то узриши милость Божию и облегчение и исцеление, а ежели-жь запустишь и утвердишься в своем разуме, то напоследок неисцельно вознедугуешь, и никому уже и ни в чем и никогда не согласишь; а всю жизнь диавол водить будет, куда захочет, и показывать все по-своему; потому что ум помрачится, и всякое слово братнее подозревать будешь, и ни в чем, и никогда не согласишься. Паче всего прошу Вас, любезных моих, самим

Богом: будьте послушливы без рассуждения всякому брату, паче же отцам Вашим, и смиряйтесь пред всеми; по святым бо отец учению, единым смирением можно спастися, а без сего и всеми добродетелями не избежишь вечного осуждения. Что нам до зрительной жизни? – Лишь бы Бог сохранил нас от деятельных грехов; потому что помыслы, как пишите, как бы ни развлекали ум, но самовластного произволения нашего никто от нас отнять не может. Да и можно ли получить венец без брани? Бог даст тебе разум; только Бога ради терпите.

Письмо 3

Любезный о Христе Иисусе Брате Т. И.

Спасайся о Господе! Получил Ваше писаньеце, и сердечно рад, что милосердый Господь Бог сподобил вас достигнуть тихого пристанища, и соединиться лику монашествующих. Поминай, брате, милость с Вами Божью, и как можно старайся о своей душе. Будь послушлив без рассуждения; подзорников же на братии, и блазнителей и любопытников бегай Господа ради, и затыкай уши свои; себе единому внимай, почто изшел еси из мира. Также пишешь уведомить тебя, что рассуждают родственники твои; то их расуждение общее мирянам. И ты о сем забудь мыслить и себя смущать; бойся токмо себя самого, а не их; ибо никто тебя отвлечь от Бога не может; а сами мы всего виновники бываем. Притом по сердцу твоему известит Господь и родителей твоих, что препятствовать не будут; силен бо Господь Бог. Ежели-ж бы отец Ваш и препятствовать вздумал вам, по наущению диавола, то кажется, довольно говорено с Тобою, что таковой отец, несть уже отец, но ратник против душевного спасения Вашего. Так тогда видно будет, как с ним поступить.

Письмо 4

Пречестный во Иеромонасех
Отец Моисей,
Любезный брат мой!

Писание Ваше я получил и возблагодарил всещедрую Десницу промысла Божия, пекущегося о каждом из нас, укрепляющего немощных и устрояющего все нам во благое. – Благодарю Вас, что Вы не забываете меня и не отметаєте моих советов: богатый милостию Бог обогатит Вас за сие дарами Своея благодати; токмо надлежит нам подвигом добрым подвизатися. Поставленные на ратном поле века сего воины ни о чем более не думают, как о том, чтобы одержать победу над врагами: так отвергшиеся мира должны о том токмо и помышлять, чтобы, при помощи Божией, соделаться совершенными победителями. Но как в сражении с внешними врагами, есть две крайности: сильная стремительность, – и недеятельность; так точно и в духовной брани. Стремительность часто преступает пределы благоразумия и отстраняется от истины, иногда слишком далеко, а потому не только иногда не получаете успеха, но еще в горшую впадаете опасность. Так, например, полководец пылкого духа не редко, не испытав собственных сил и твердости, и вверясь одной своей запальчивости, сильно устремляется на врагов своих, но не выдержавши борьбы, когда пройдет его жар, или совершенно погибает, или остается в посмеянии у врагов. В духовной брани случается тоже: ибо сильная стремительность к победе нередко возраждает в человеке дух самонадеянности. От сего и утвердившиеся в подвигах веры великие мужи иногда ослабевали, особенно когда благодать Божия на некоторое время оставляла их дабы испытать их и показать им собственную их немощь. Ап. Петр, сильно желавший и в темницу и на смерть идти со Христом, в опасности троекратно отвергся Его, и убоялся даже рабы Архипереевой. Из сего мы должны научиться, что во брани с внутренними врагами не должно слишком спешить, т. е. забегать вперед; впрочем и не

оставаться в бездейственности. Ибо само собою разумеется, что недеятельные тоже, что безоружные, которых, пришедши, враг поемлет в плен без сопротивления. Следовательно в духовных подвигах должно держаться святой, непадательной середины. Стезя средняя есть самая наилучшая и вернейшая стезя спасения, на которую и мы с Вами почти что попали. Бодрствуйте же, стойте, укрепляйтесь, говорит Апостол. И подлинно, мы должны токмо непрестанно бодрствовать и быть как бы на карауле умственном готовыми, взирая оком разума на вездесущие Божие, и помышляя, что Он не только внешне, но и внутренне живет в нашем сердце, в нашей душе, как в своем храме. В сем-то духовном упражнении состоит страх Божий. Ибо кто точно знает, что Бог вездесущ, что Он видит все его помышления, и что Он испытует его сердце и утробу: тот побоится не только делать зло, но и помышлять о зле. Таким образом, душа рабов Божиих будет пребывать во всегдашнем приятном спокойствии, где б она ни была с телесною своею храминою. Да благословит нас Бог таковым познанием, дабы мы могли любить учение Его и следовать закону Его во всю жизнь нашу, где бы мы ни были. Простите меня, любезный брате, и не оставьте в святых молитвах.

Остаюсь любящий Вас Александр грешный Архимандрит недостойный.

18 Января, 1825 года.

Г. Арзамас.

Всечестный О. Игумен Моисей!

Любезный брат о Христе!

Неприятное писание Ваше, я получил 13-го числа текущего месяца. Сердечно благодарю Вас за память и любовь ко мне ветхому старцу; и я взаимно доселе радуюсь духом, что промыслу Божию угодно было исторгнуть Вас из рук Египтян и употребить к духовной жизни, которую благодатно Его продолжаете Вы теперь.

О брате Вашем О. Антонии не скорбите много; он призван на дело Самим Богом для исполнения должности, возложенной на него провидением, Напутствуйте его молитвами. Время настоящей жизни пройдет скоро, и мы в свое время соберемся

в одно сборное место для принятия по состоянию искомого нами.

Отшедшего от нас брата иеросхимонаха (Архимандрита) Мельхиседека да упокоит Господь в обителях Отца Небесного. Он много перенес крестов, но кресты, какого бы рода они ни были, угоднее Богу нежели благоденствие. Это явно из примера многих Святых. Завещание его я читал со сладостью. О здравии моем можете судить по преклонности лет моих. Силы мои оскудевают; впрочем, пользуюсь совершенным зрением и слухом. – Теперь, имея от роду слишком 80 лет, твержу урок Икупителя нашего: «Будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын человеческий».

Прости, любезное чадо, и помолись обо мне зело любящем душу твою. Остаюсь по гроб мой усердный Вам, дряхлый старец Александр, Архимандрит недостойный.

Мая 26-го 1841 г.

Г. Арзамас.

III. Три свидетельства, выданные Тимофеем Путилову

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Объявитель сего, Московской третьей гильдии купеческой сын Тимофей Иванов Путилов с получаемым срочным паспортом находился для богомолья Тамбовской епархии в Саровской Пустыни более трех лет. В продолжении ж того времени, с прилежным вниманием старался всячески духовные обряды точно наблюдать. А через добропорядочное свое поведение заслуживал в общем нашем братстве доверенность, в отправлении монастырских послушаний, кои исполнял с усердным прилежанием. А ныне оный, чувствуя себя одержимым болезненными припадками, почему и имеет желание пребыть навсегда в духовной жизни, с тем еще, чтобы воспринять и самое монашество. Но как к достижению такового предмета настоит, в силу узаконений получить свободное увольнение, в таком случае, ежели Общество соблаговолит богоугодное сего намерение уважить, тогда, по желанию его, принять согласны мы, а потому во всем вышеписанном сие свидетельство и дано за подписанием моим и приложением монастырской печати. Февраля 2-го дня 1807 года.

Саровская Пустыня. Строитель иеромонах Исаия.

Что сие свидетельство дано, и подписано рукою Саровской Пустыни Строителя иеромонаха Исаия, в том удостоверяю, находящийся в оной на пребывании Игумен Маркеллин.

В том же удостоверяю Игумен Назарий Головин.

У сего свидетельства Саровской Пустыни монастырская печать.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Явитель сего, Московской третьей гильдии купеческой сын Тимофей Иванов Путилов, по данному ему вечному от Московского Купеческого Общества увольнению в монашество, находился в Брянском Успенском Свенском монастыре, добропорядочно и в монастырских послушаниях вел себя ревностно и честно. В уверение чего и дано сие за

подписанием и приложением монастырской печати. Ноября 27-го дня 1810 года.

Свенский Игумен Амвросий.

№ 51-й.

У сего свидетельства печать Брянского Успенского Свенского монастыря.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Дано сие, Орловской епархии из Брянской Белобережской Предтечевой Пустыни, Московскому купцу Тимофею Иванову Путилову в том, что он Путилов, с данным ему от Московского Купеческого Общества в монашество увольнением, находился по нижеписанное число в сей Пустыни честно и трезво и добропорядочно; возлагаемая ему всякие монастырские послушания, проходил с усердием и неленостно. А как ныне, по имеющейся в нем благословной надобности своей, возжелал посвятить себя путешествием в губернский город Смоленск, для поклонения, из усердия своего, чудотворной иконе Смоленской Божией Матере. На что испросил себе благословение от Обители сей отправиться на некоторое время, с тем расположением, чтобы по исполнении своего удовольствия паки возвратиться в оную. Для того с подлинного увольнения его, оставшегося в Обители сей копия, сие свидетельство во уверение, как о добром его поведении и о нашем к нему благорасположении. Так и во всех ему, ежели, где случатся препятствующие случаи и выдается. За подписанием оной Пустыни Настоятеля и с приложением казенной монастырской печати. Ноября 30-го дня 1819 года.

Вышеозначенной Пустыни Строитель иеромонах Моисей.

№ 66-й.

IV. Собственноручная записка О. Игумена Монсея

Игумен Моисей⁶⁷ родился Ярославской губернии в городе Борисоглебске 1782 года Генваря 15 дня, в день преподобных Павла Фивейского и Иоанна Кущника. Наречен был Тимофеем во имя Св. апостола Тимофея 22 Генваря. По пострижены в 1822 году в монашество получил новое имя Препод. Моисея Мурина, празднуемого 28 Августа. А во иеромонаха посвящен 1822 года 25 Декабря в Праздник Рождества Христова в Калужском Кафедральном теплом соборе Преосвященным Филаретом Епископом Калужским, что ныне в Киеве Митрополит.

Игумен Моисей промыслом Божиим, приведен начально с братом моим в Саровскую Пустынь 1805 года Мая 13 дня, на 24 году жизни, с трех годовым паспортом; а оттуда 1807 года Февраля 2 дня, получа свидетельство за подписанием Строителя иеромонаха Исаии с подтверждением о том Игуменов: Маркеллина и Назария, бывшего Валаамского, за их подписом, отправился за увольнением и в 1808 году, 23 Февраля получил из Московского Купеческого Общества увольнение в монашеское звание, по которому 1809 года Июля 14 дня определен Указом Орловской епархии в Брянский Свенский монастырь. Где находясь, по благословению Преосвященнейшего Досифея Епископа Орловского, представляем был в Св. Синод к пострижению в мантию; но по недостатку в увольнительном Свидетельстве слова о обязательстве всем Обществом платежа казенных повинностей в оном отказано Указом 1810 года Марта 8 дня. Почему, получа обратно свое увольнительное свидетельство от Игумена Амвросия 27 Ноября 1810 года, отправился паки в Москву ходатайствовать у Общества Купеческого дополнения, означенного слова, и в 1811 году получа 16 Марта новое свидетельство, по совету иеросхимонаха Алексия Симоновского, расположился испытать себя, по первоначальному желанию своему, в пустынном уединении, отдельно от монастыря. И слыша о Старце иеросхимонахе

Афанасии, живущем в Смоленской губернии Рославской Округи, в лесной даче помещика Броневского Демьяна Михайловича, прибыл туда и был оным Старцем помещен в сожителство с ним. – А в 1812 году, по нашествии на Смоленскую губернию неприятельных Французов, я оставил Пустыню и отправился в Свенский монастырь, а оттуда в Белобережскую Пустынь, в которой с Августа месяца прожил более года и возвратился паки в ту же Пустыню 1815 года к иеросхимонаху Афанасию. – А 1816 года Генваря 15 дня, прибыл ко мне из Ростова брат Александр, с которым, того же года в последних числах Августа отправился я до Киева, чрез города: Мглин, Стародуб и Чернигов. Достигши туда 11 Сентября, и пребыли до 16 Сентября, обходя все Св. Обители в Киеве, и приняв благословение от Его Святейшества Митрополита Серапиона, также и Наместника Лавры Архимандрита Антония, отправились обратно, через города: Козелец, Королевец и Севск, посещая на пути Св. Обители: Софрошеву, Глинскую, Площанскую, Белобережскую и Свенский монастырь. Достигши, наконец, своей пустынной кельи, в Ноябре месяце пребыли в оной до Декабря 1817. Потом, отправился я с братом Александром в Москву, для испрошения у Общества Купеческого увольнения в монашеское звание и – благодарение Богу – получили оное и возвратились 1818 года в Марте месяце в Пустыню.

V. Письма его к брату Александру Ивановичу и (впоследствии) О. Антонию и прочим

Любезнейший Братец мой
Александр Иванович
Спасайтесь о Господе!⁶⁸

Достигши своего пустынного гнезда, желал и спешил душою скорее сообщить Вам мои строки, с усерднейшею благодарностью за любовь и щедроту Вашу мне оказанную, но отдаленность от городов не позволяла скоро доставить на почту письма, а теперь, имевши случай отправить, уведомляю Вас о себе, что я, благодарение Богу, до кельи своей добрался благополучно. Можно сказать, что как по трудах покой сладок, так и по странствовании и всей рассеянности, бывшей теперь в пристанище тихого уединения весьма кажется приятно, в рассуждении покоя и удовольствия душевного. И сие собственный опыт открывает, что находясь в кругу предметов, занимающих зрение, вкус, слух и все чувства не может уже быть столь сладко мысленное занятие в памяти Бога и поучении святого закона Его.

Удалением же от мира, свободившись всех чувственных встреч, увлекающих ум и мысли, все духовное занятие становится живее, сладостнее, потому что ум, свободясь случаев к рассеянию, начинает собираться к себе, а чрез то и душа начинает чувствовать присутствие Божие; благоговейный к Нему страх и любовь ощутительнее, и чувства внешнего человека внутреннему, то есть уму, становятся покорнее. Для того то нам, желающим спасения Божия, но имеющим немощное и испорченное грехом естество, весьма хорош, легок и действителен способ к покаянию – удаление от света. Понеже ум, через уединение и внимание, собираясь к себе, видит исходящая от сердца и к нему приходящие противныя мысли, а видевши, разумеете свою нечистоту, и, не терпя оной, понуждается к очищению. Очищать же и противоборствовать им, будучи сам собою не в силах, узнает на искусе немощь свою, и окаянство, и совершенную нужду во Христе Спасителе.

Для того, взыскивая помощи Христовой, обращается ко всемогущей силе Его яко немощный в собственном разуме своем и силе. Призывает всеблагое и всеильное имя Иисусово, с искренним самого себя умалением, охуждением и печалью сердечною да очистит, укрепит и подает руку спасения. И таким образом, по узнании прежде окаянства своего и немощи, узнает потом и спасение Божие, заступающее во время брани внутренней. *Ибо близ Господь всем призывающим Его во истине (Пс.144:18.)* и сокрушенные духом спасет. Узнавши же сие, спасение в чувстве сердца, радуется как о полученном облегчении от находящих нечистых помыслов, так наипаче о благодати Божией и промысле Его, соприисутствующем ему и спасающему. А чрез то, входит в живую веру известным (достоверным) ощущением в себе силы не своей, но Христовой, почему со сладостию сердечною наипаче привергает себя к Спасителю и предает всего себя Ему, с несомненным на Него упованием и любовью. Сие предание себя и сердечное упование сообщает душе превосходный мир и радость, составляющее внутреннее царствие Божие, которого Христос Спаситель, прежде всего, искать нам повелевает. И оно-то по истине, есть полное и удовлетворительнейшее для человека блаженство, так что все прочее чувственное благо, желаемое свету, представляется уже слишком дебелим, ничего не значущим, и нестоющим никакого искания. – Все сие, при начале письма пришло мне на ум написать, не потому, чтобы я в точно таком был теперь устроении духа, но отчасти познавая ход внутренней жизни в безмолвии, которое привлекает душу ради истинного покаяния, удобнейшего мне грехолюбивому, во всякое время совести своей хранение от грехов, дабы не застала лютая смерть меня неготового грешника. Написал же сие от искреннего расположения и любви к Вам. Зная Ваше намерение, согласное с нашим – представить себя Христу жертву живу, святу, благоугодну Богу в словесное служение; да проживем отвергшеся нечестия и мирских похотей в зависимости благодати, целомудренно и праведно и благочестно. Ждуще христианской кончины и блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже дал есть себе

за ны, да избавит ны от всякого беззакония, и очистит себе люди избранны, ревнители добрым делом (К Титу 2:2–14).

Любезный братец! Не отлагай желания благонамеренна и не угавай духа, аще уже возгорется. Будь тверд и единомыслен. В сем бо намерении, бывает сильное колебание от естества, склонного к удовольствию чувственному и от врага спасения нашего. Не бойся близким быть к Богу, а далеким от развращенного мира. *Мір преходит и похот его, творяй же волю Божию пребывает во веки (1Ин. 2:17.).* Я не убеждаю Вас с моей стороны, но, по откровенности Вашей, рассуждаю о сем, что ежели Вы чувствовали в себе зовущего Вас Духа Святого, в Его зависимость и свободу от страстной и многмятежной жизни мирской, ради вечного и отнюдь непременно соединения с Ним, и таковое чувствуя в сердце своем Божие сладостное влечение, удостоверяющее Вас превосходным обретением даров Его и любви, Вы делали сокровенное разумом и волею соглашение. Для того, братец, надобно быть Вам верным без изменения Духу благодати, чтобы не уклониться влиянием чувств от сердечного онаго предложения к удовольствию плотскому и тем не сделать бы оскорбления зовущему Вас Духу Божию. Чтобы оставлением воли Его не быть оставленным от Него – последовать Вашей плотской воле, могущей подвергнуть Вас всякого рода страстям, от которых Вас и меня да избавит Господь. Надобно весьма страшиться сего. Когда же решительно, без двоедушия вступите в путь послушания Христова и ради Его, в след Его пойдете, то всякий шаг Ваш будет изочтен пред Ним и вознагражден стократною ценою. *Ибо всякъ, рече, иже оставит мір и яже в нем ради Его сторичное приимет воздаяніе здесь и в будущемъ. Таковое обетованіе Христово (Ев. Матѳ. 19:29.) буде вожделенно Вамъ, то спешите к нему и не отлагайте дерзновенія Вашего, еже имать мздовоздаяніе велико. Теките да постигнете.*

Любезнейший братец мой Александр Иванович спасайтесь!

Письмо Ваше от незабвенного братолюбия получил я с приятным удовольствием. Сердечно порадовался о том, что Вы живы и здоровы. Книжечками я рад бы Вам служить, но жаль, что далеко стали друг от друга и оказии совсем нет. Однако во

удовольствие прошения Вашего, приятного для меня, препровождаю при сем хотя немногие, но многое, и можно сказать все нужное к наставлению душеспасительному содержание списочки. Пользуйте ими Вашу душу, питая ее словами жизни и молитвою и всеми благими делами всякий день: так как тело различными питаем и напояваем пищаами и питиями, которыми истощаемыя силы паки возобновляются и сохраняется жизнь наша.

Ежели, дух благочестия становится в Вас слабее – сие не удивительно, потому что Вы в таком находитесь кругу, где все противное оному духу и видите и слышите и во всем участвуете сердцем и волею и неволею; о чем я и не без сожаления бываю по Вас. Однако не надобно, братец, вовсе нерадеть о душе, но все-таки дух оный разогревать: то чтением духовным, то молитвою хотя краткою, то памятно вечности и прочим деланием заповедей Христовых питать и возвращать себя в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Вспомните онаго постыдную и зловредную должность исправляющего мытаря Евангельского, который хотя в совсем противном Богоугождению образ жизни был, однако не оставлял ходить в церковь, и в одно время случилось так, что он много Богу угодил немногими только словами покаяния и вышел из церкви оправдан паче фарисея, ревностного наблюдателя всего закона. Любезный, не угавай вовсе духа и не ослабляй себя нерадением и излишнею дебелостью тела и рассеянием ума в пристрастные воображения, да не постраждеши последи жребия Евангельского ленивого раба, скрывшего талант благодати, принятой в крещении, которая отнюдь не должна быть тща и бесплодна в душе каждого Христианина. – Для возбуждения нашего нерадения и сие приводить себе на память нужно всегда, что мы смертны: жизнь наша скоропреходяща и неизвестностью смертного часа очень опасна, ибо хотя известно знаем, что умрем, что не знаем когда умрем: сегодня или завтра, рано или поздно, в день ли или в ночь? Сия судьба каждого человека совсем неизвестна, когда кого постигнет смертная коса, и в каком устроении обрящет, готового ли благими делами или неготового и злыми преисполненного? В

чем бо застанет кого, в том и на суд пред Богом представить и от дел своих всяк или прославится или постыдится. И никто нам в часе оном смертном не поможет, точию с Богом добрые дела. Здесь нужно рассуждать и о делах добрых и злых и о последствии обоих. Известно нам от Писания Святого, что созданы мы не для того, чтобы только есть вкусно, да пить приятно и гулять и веселиться без памяти. Мы созданы есмь на дела благие, посредством коих в краткой сей жизни стяжаваем вечную, блаженную жизнь, к которой все благодатно Божиею призваны.

И так здешний век наш, есть время непрестанных дел телесных и душевных, а будущий век – приятие по делам. Но надобно твердо знать, какие дела принести имеют благополучную вечность, и какие – несчастливую, дабы одних уклоняться, а других придерживаться всегда. Человек сугуб – из тела и души; сугубыя его и дела: один называется человеком, но внешним, другой именуется человеком внутренними. Сии в одной ипостаси человека, соединенные так между собою различны, как различны между собою небо с землею и так один другому противоборственны, что не бывшу просвещенну благодатию Христовою, не можно разобрать себя самого и управить безбедственно. Внешний бо человек, есть тело тленное, на послужение душе Богом устроенный, своего требует удовлетворения; внутренний человек есть душа бессмертная, по образу Божию и по подобию созданная на дела благая и требует своего свойственного делания и дозволения. Дела наши называются сиянием, также сугубым: одни во внутреннего человека, а другие во внешнего и различные каждого плоды видятся. *Сеяй бо в плот от плоти пожнет нетленіе; сеяй же в духъ, от духа пожнет живот вечный (Гал. 6:8).* Внешнего человека сияние и собирание в здешнем веке в трех обдержится видах: в похоти плоти, в похоти очес и в гордости житейской (1Ин. 2:16). Ежели внутренний человек не поучается в закона Божием и не питается, не укрепляется чтением и молитвою, то побеждается от внешнего, и имже побежден будет тому и работает. От сего видятся дела, угодныя телу, но противныя Богу, каковы суть: гордость, сребролюбие,

чревообъядение, совершение всякого рода похотей, празднословия, смехи, гуляния, пьянство, злоба, лукавство, ложь, зависть, леность и прочие, вот плоды сеяния в плоть, и посему плоть и кровь царствия Божия наследить не могут (1Кор. 15:50.). Когда же душа закону Божию поучается, а тело благоразумно души покорено, тогда дела видятся сии: любовь к Богу и ближнему, мир со всеми, кротость, простота, благосклонность, милосердие ко всем, скромность, воздержание, целомудрие, незлобие и прочее, и сии дела суть плоды Духа Святого и называются сеянием в дух.

В здешнем веке дела наши суть сеяние, а будущий век есть жатва посеянного нами, и кто что посеет здесь, то и там пожнет. Ежели кто сердечную свою ниву потщится возделать, и удобрить, и засеять семенами бессмертного жита, то верно может надеяться по сеянию своему узреть и жатву к покою своему вечному и удовольствию. Сеющий слезами покаяния радостью пожнет, и «насыщуся тогда» говорит Пророк (Пс.) ибо по трудах благочестия следует приятный покой. Не трудящемуся же в деле благочестия покой и насыщение отречено, праздный, сказано, да не яст.

Воображай себе, любезный братец, истину сию всегда, что еже сеет человек в здешнем веке, то самое и пожнет в будущем стократно, и на этой истине поверяй самого себя каждодневно: что ты посеял на счет будущего века? – пшеницу или терние? Испытавши себя, располагайся к исправлению лучшего на следующей день и таким образом всю жизнь проводи. Ежели плохо проведен был день настоящей, так что ты ни молитвы порядочно Богу не принес, ни сокрушился сердцем ни однажды, ни смирился в мысли, ни милости или милостыню никому не сделал, ни простил виноватого, ни стерпел оскорбления; напротив же того, не воздержался от гнева, не воздержался в словах, пище, питье, или в нечистых мыслях ум свой погружал, все сие рассмотрев по совести осуди себя и положишь на следующий день быть внимательнее во благое и осторожнее в злое.

И так рассматривай, любезный, сеятву твою всегда и от терния очищай и пекись яко истинный христианин делати не

одно только гиблющее брашно, но пребывающее в животе вечном. Какая бо польза если мы и всем себя на этом свете удовольствуем и честно и славою и богатством и всеми сластями, душу же свою отщетим оных плодов Духа Святого, и пусты явимся пред Богом как неплодное дерево, которое обыкновенно посажается и во огонь вметається. Воздавай Кесарева Кесареви внешним твоим человеком, внутренним же всегда взирай к Богу и закону Его поучайся и Бог будет с тобою. Я более всего опасаясь, чтобы ты худым товариществом не повредился; тот товарищ наверно худой, который назирает жены и пиры. Вино бо и жены многих погуби, глаголет Писание. Блюда себя от таковых; ибо скоро и удобно входят в нас привычки слабые и страстные, отвычка же очень трудна. Редкие освободились совершенно от худых привычек, по большей же части во страстях оных и жизнь свою кончили, на осуждение себе вечное, от чего меня и тебя да помилует премилосерднейший Господь. Я уповаю, что дух страха Божия в Вас есть, которым можете предохранять себя от греха и направлять к добродетели. Для сего могут служить и списочки Си, кои к Вам посылаю: держитесь правил их по возможности своей и верно «обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102:5.).

О себе Вас уведомляю, что я живу в прежнем уединении. Слава Богу! Здоров и благодатию Божиею покровительствуем.

Остаюсь Вам навсегда усердный и доброжелательный брат грешный Тимофей.

Нижайше кланяюсь.

Ч. 17-го июля 1814.

Пустынь.

Любезнейший мой Братец

Александр Иванович!

возмогай о Благодати Христовой.

Твое Братолюбное приятнейшее для меня писание с душевным удовольствием получил, и сердечно порадовался о Вашем всех здравии и пребывании, и благодарил Бога о твоём добром и Богоугодном предложены освободиться от злострасного, грехотворного и весьма тяжкого для Христолюбивой души бремени мирского. Поистинне бо *весь мир*

во зле лежит и действия его не к другому чему относятся, как только к удовлетворению похоти плоти, похоти очес и Богопротивной гордости, – для того преданные ему как сами себя бедно обманывают, так и других льстят политическими обетами, я сие отношу к Вашим откупщикам, ласкающим Вас для своих выгод и порабощения. На языке у них подлинно мед, а в сердце яд проклятого корыстолюбия, побуждением которого, они от уст своих приятность каплют и втайне услаждают гортань незлобивого сердца, но напоследок, из приятного выходит все противное, оказывается же, в остатке одна только горестная скорбь и чувствительная жалоба. Мир много обещает доброго, но в самой вещи не только ничего не хочет дать, но еще и всего лишит, смотрит. Кто с прямой стороны мирское кругообращение будет рассматривать, тот непременно увидит, что все деяния его, по большей части, не только с Евангелием Христовым, но и с человечеством не сходны. *Видех (говорит Пророк) беззаконіе и пререканіе во граде. Днем и нощю обыдет и по стенам его, и беззаконіе и труд посреде его и неправда: и не оскуде от стогн его лихва и лесть.* (Пс.) Сколь же трудно любящему Бога и Его святой закон находиться в таком противообразном кругу? Ежели находиться в мире без согласия с ним, то должно потерять всю его к себе благосклонность и приятность и быть презренным и посмянным. Соглашаясь же с ним дружественною преданностью надлежит сделаться противным Богу: *друг бо міру сему враг Божій бываетъ.* Так чем же можно решить себя в вещах столь несогласных? Иным ничем, как из двух одно преобидеть; или для согласия с миром преобидеть любовь Божию и Его Закон, или для любви Божией презреть мир, а купно *Богу работами и мамоне*, Сам Христос Бог наш сказал, *невозможно*. Того ради любящие Бога, как видим из истории, различным образом, избирали Себе, по примеру Христова жития, тесный и страдательный путь жизни. Иные, как-то мученики, находясь в кругу мира, претерпевали всякое утеснение, мучение и напоследок пролитием крови своей оканчивали жизнь. Другие, как-то иноки, удаляясь от мирских зловредных попечений, самоизвольное делали умерщвление всех плотских желаний,

проводя жизнь в произвольной нищете и тем весьма Богу угодили. Иные, иным образом, ради любви Христовой претерпели труды, и, пройдя великодушно свой тесный путь жизни, вечного покоя достигли. Почему и ты, любезный братец, рассуждая самого себя и мир, избери вместительный себе путь, а наипаче последуй внутреннему побуждению и влечению духа, – пойдя с верою за зовущим тебя Христом, (аще слышишь глас Его в совести и ощущении сердечном) взявши с собою *свотильник ногама Закон Божій*, и не бойся, братец, лишения мирской чести и сладострастного покоя. Когда желаешь быть почтен от Бога и упокоен вечно-блаженным всесладостным покоем, то возлюби смирение и злострадание, ради, смилившегося и претерпевшего тебя ради поносную смерть, Христа. Подклони выю свою под ярем Его. *Благо бо взяти от юности ярем Господень. Кто мне служит* (сказал сын Божий) *тот мне да последуетъ, и идеже есмь Азь, ту и слуга мой будетъ*. Смотрим же, где Он по воплощении своем? Сперва во уничижении от гордого мира, в поношении от него, оплевании, заушении и пригвождении ко кресту. Где же потом – теперь? Во славе Отчей, в торжестве вечного Царствия. И так заметь, любезный братец, что хотящему быть там, где преславное и неизреченное Царствие Христово, не прежде можно туда достигнуть, как по страдании. Надлежит прежде пройти по примеру Его, временное злострадание вольное и невольное. *Тако бо подобаше Христу пострадати и внити в Славу Свою*. И нам тоже предлежит. *Чадо, аще приступавши работати Господеви Богу твоему, уготови душу твою во искушеніе, и прочее*. Однако, не должно как льстится видевши близкий покой мира сего и сладость его, ибо он краток и наконец горести полон, так не должно и бояться тесноты и скорби ради заповедей Христовых, понеже кратковременная скорбь, но вечные потом: покой, радость и слава. Для чего же и не пождать в претерпевании здешней нужды и труда за будущее вечное несказанное благополучие, когда известно, что хотя бы кто и *весь мір здесь приобрящет, душу же свою отщетит*, от онаго со Христом вечного блаженства, какая ему польза? Сегодня царствует и прославляют его, а завтра слышит изречение:

возьмите неключимого раба, свяжите ему руце и нозе и вверзите в геенну огненную.

Любезный братец! Когда видишь неудобство мирской жизни, так что для доброй твоей совести она неуместительна, то не косни весь интерес оставить и возложи себя на волю Божию, решайся в иной благонамеренный путь жизни пойти, куда тебя промысл Божий управит. Я, не получая от тебя ответа, сомневался в получении тобою моего письма, но теперь рад, что ты его получил без задержки. Сердечно благодарю как за письмо, так и за бумажечку; не оставь уведомить меня, как ты решишься когда и куда? Я письма твои получаю верно, через онаго Иеродиакона отца Смарагда. Он мне из всех старцев искреннейший. Пиши без сомнения, – а самому мне лично получать писем неудобно, город слишком в 40 верстах.

Хотя письмо мое и многословно, но не хочется упустить, еще о себе что-нибудь сказать, на бывший Ваш вопрос о моем пребывании. Я здоровьем благодарение Богу доволен, жизнь же свою не могу Вам лучше представить, как в виде; путешественника в Иерусалим, ибо жизнь человеческая не другое что, как путь. А путь – к горнему оному Иерусалиму. *Не имамы бо zde града пребывающаго, по грядущаго взыскуемъ;* вообразите же путешествие, с чем оно соединено? Оно не имеет единообразия, но все различно. На нем встречаются горы и дебри, голод и холод, ненастная погода и бури, скорби и болезни, волны морские и разбойнические насилия, труд и страх, не говорю вместе с тем и о приятностях, которые и между всеми противностями также есть, особливо больше всех надежда достижения желаемого града утешает. Вот, братец, каков путь! Он как в телесном, так и в душевном образе жизни таков. С весны я занимался огородными растениями, копал землю, сеял кое-что и сажал. Среди лета строил себе новую особливую келейку, а теперь вокруг нее также растения насаживаю, а наступающей зимою чаю иметь от всего того покой или занятие больше душевное, аще Господь дарует тщание и силы к тому. Впрочем, искренне признаюсь вам, что за теперешнюю мою жизнь не раскаяваюсь и мирской не жалею, но и не могу достойно возблагодарить Господа Бога за толикую

Его ко мне милость, что вывел меня из Египетской работы и вселил в сию пустыню, в которой остаюсь Ваш усердный доброжелатель брат Ваш, грешный инок Т., низжайше всем Вам кланяюсь.

1815 года Октября 6-го дня.

Любезнейший мой Братец

Александр Иванович.

Возмогай о благодати призывающего тя Христа в свое служение и соцарствование.

Объяснение твоих к благонамеренной цели предпрятых мер, настоящих чувствований и твердого к любви Христовой предложения и со всем тем многих в мысли волн и уныния, трогало душу мою приятно чувствительностью – ты как будто мое бывшее состояние описал, в каком мы с братом находились, при последнем отхождении из Москвы в иночество. Это почти единообразное для всякого сопутствие, затрудняющее нас в добром расположении, всегда в решительном часе находит страх, уныние и всякого рода воображения, возмущающая душу и колеблющая благое предложение. И сие хотя наипаче от диавольского наведения происходит, но совокупно и от самого естества нашего, которому предлежит действительное умерщвление от мирской славы, сласти, интереса и всех несообразных с духом Христовым обычаев, к тому же еще и внешние в желаемом добре препятствия как-то: развязка сделанной обязанности хозяину, долг родственник к родительнице и братской любви, освобождение от всего общества, достижение новой по всему жизни. Все сие совокупно стекаясь к уму нашему, который еще не бывши, достаточно уполномочен сердечною верою и истинным рассудком не может не обременять и наносить крепкого уныния, немощной душе нашей, и поистинне великого стоит труда, как прежних обычаев освободиться, так и к необычному поступить, отречься всего естественного и к паче естественному расположиться житию. Однако где хотение есть благое, там ничто не может быть препятствием, но еще можно сказать, что затрудняющие различные препятствия – особливо в начале, великую приносят пользу. Ибо влекомый действием

благодати человек в желание добродетели и не находя в себе к совершенно тоя сил и способов, наставляется через то ко взысканию непосредственной помощи Христовой – начинает обращаться к Нему от всего сердца, взывать, плакать и воздыхать и учащать моления свои к Нему. И таким образом обретает, ощущает помощь и входит в живую веру, в которой утверждается сердцем, успокоивается и обретает все... Потому что, *близ Господь всем призывающим Его во истине*. Сам бо благословит Господь о всех взыскающих Его. *Призови мя, рече, в день скорби твоей, и изму тя, и прославиши Мя. И взыскающіи бо Господа не лишатся всякаго блага*. И так не вдавай себя, братец, в уныние, но упованием на Бога бодрствуй и всем сердцем утренним к Нему, возвещая все свои печали и недоумения. И когда впредь, еще будет устрашать тебя мысль представлением различных трудностей, то сам в себе говори: Богу нет ничего невозможного. Я по сердечному участию моему и братолюбию сугубой исполнился радости, видя приближающийся твой душеспасительный исход из многотрудной Египетской работы, в свободу чад Божих. Благословен Господь Бог, возлюбивши твое спасение и направляющи стопы твоя на путь мирен, да достигнешь обетованныя земли бесстрастия, кипящей медом и млеком благодати. Пора же, пора братец. Иди смелою ногою по Христе. Блажен путь в онь же идещи. *Ходяй бо по Христе не имать ходити во тьме, но имать свет животный*, без сомнения в сем пути не расквасишься, но всякое воздавать будешь Богу благодарение за дивную Его к тебе милость, приведением в сожитие избранных. Великий Моисей отвергся дщери Фараоновой и лучше изволил страдать с людьми Божиими, нежели иметь временную греха сладость. Воображая и ты свое прежнее занятие будешь много жалеть и оплакивать потерю лучшего времени, употребленного на служение бахусовой синагоге. Ведь за все твои труды больше не будет тебе mzды, ни в сем веке, ни в будущем, как только, что в руках твоих теперь есть. Право жалко, что многие предобрые люди весьма дешевают своими душами, за сущее в них помрачение, – пропили, да просчитали на деньгах души свои; ей, плача достойно все

занятие их. Посмотри, пожалуй, на чувствование откупщиков и бесов и увидишь, что они действительно одинаковы и одни другим способствуют, Бесы помогают откупщикам, а откупщики бесам, и радость и печаль между ними единообразна бывает. Беси радуются о пьянстве, и сетуют о воздержании, подобно и откупщики с служащими радуются о попойке, печалются же о малом расходе. Да пускай их, как себе хотят занимаются, переливают сивуху и пластаются в пиве, потому что они свое счастье находят в том – лишь бы тебя от этой пропасти Бог вынес. Конец близ. Надобно готовиться к страшному ответу. Ведь там не подвальных потребуют книг, но совести раскроют, а те разве на мытарствах в насмешение наше беси прочитают, сколько было разлито ерофеичу, водок и наливок.

Я сердечно радуюсь, что ты теперь, почитываешь книги духовныя и находишь в них душевное услаждение. Питай, Бога ради, каждодневно душу свою глаголами животными, – и ежечасно изливай сердце свое ко Христу Спасителю, утверждая всю свою надежду в нем, и жива будет душа твоя и здравия исполнена. – Попоечные же и разливныя книги пусть читают и счетами похлопывают ревнители бахуса – откупщики, после виден будет каждого барыш, когда придет всеобщий Господь воздать каждому по делом его. Намерение твое, чтобы, получа паспорта, удержать его при себе, и потом вежливо отпроситься куда-нибудь видом благословным очень хорошо – также и места того достичь, в которое расположен без предуведомления, не худо. Дай Боже тебе все совершить благополучно. В рассуждении же того, о чем я говорил, верно можно сделать; только для сего надобно будет самому тебе побывать сюда. Собирайся братец (паки повторяю) в достохвальный путь Христов не косня, и не бойся ничего. Бог будет с тобою и все твои надобности к устроению твоей жизни исправит, – верь этому без сомнения. Я остаюсь с истинным доброжелательством и любовью навсегда нижайший брат твой, грешный Т. нижайше тебе кланяюсь.

5-го Декабря 1815 года

Любезный Брате Отец Антоний с братьями: Отцем Савватием и Иваном

возмогайте о Господе!

Письмо твое к душевному удовольствию моему получил. Благодарю за оное и сердечно желаю, да даст Вам всеблагий Бог разум истинный и силу возмогать противу плоти, мира и всех козней диавольских; в чем и уповаю не оставит Вас Господь.

Книгу преподобного Нила я отсюда не послал, потому что в ней заметил неверность по правописанию. Устава со скорописной не пиши до меня, а только настоящую книгу списывай. Между собою храните молчание, кроме нужного ничего постороннего не говорите, да будет чист ум Ваш в молитвах. Укоряйте себя мысленно, унижайте и худшими всех себя имейте и Бог призрит на смирение Ваше и покроет от всех искушений.

Чайек за немощь употребляйте в субботу и в воскресенье, а во вторник и в четверг, если кто изволит – травку. – Остаюсь в надежде на Ваши молитвы с усердным желанием Вам душевного мира, здоровья и спасения, испрашивая Вам Божие благословение.

грешный М.

Ч. 15 Декабря 1820 г.

Москва.

Письмо 1⁶⁹

Письмо твое получил. За уведомление и за объяснение о себе доволен. А что паки пришел к Вам брат А. и служить к беспокойству всех Вас о том соболезную). Но все приходит к нам по Промыслу, то и надобно обращать все в пользу. Какая будет выгода воину без брани? – Он неискусен и немужествен. И монаху без борьбы нельзя стяжать души в терпении и увенчану быть от Подвиго-положника. Не изнемогай духом и не унывай в противностях, но обращай ко Господу с смиренным молением и веруй, что придет к тебе помощь. Я уповаю, что *не оставит Вас Бог искушися паче силы, но сотворит соискушением и избытие, еже возмощи Вам понести.*

В сновидения не углубляйся, но исправляй себя упованием на всесильную благодать Христову. Предложением хранить чувства свои внешние и внутренние, стой всевозможно, и как

скоро заметишь поползновение, тотчас направляйся паки к своему началу. Обычай отлагать до утрешнего дня исправление препобеждай вечерним испытанием совести и очищением ее искреннею пред Богом признательностью: «Согреших тем и тем». В случаях, какие встречаются без меня поступай: рассуждая, обращаясь к Спасителю и советуясь с кем придется. Мне нельзя всего ограничить правилом, особливо на непредвидимые встречи: для того сам умудряйся во благое и избирай полезнейшее.

Остаюсь с желанием Вам от Господа здоровья и спасения
нижайший брат Ваш

грешный М.

11-го Генваря 1821 г.

Москва.

Я писал к Вам о употреблении чая в определенное время; но теперь рассуждаю и советую употреблять без ограничения, как нужда потребует, или желание или посторонний случай.

VI. Письмо к Е.Д. Таптыкиной

⁷⁰ На требование Ваше знать от меня «Овца ли Вы и моего ли стада?», сим чистосердечно Вам ответствую: ежели хотите знать – овца ли Вы, то надлежит вообразить сущую овцу, в подлинном ее виде и качествах, и с нею себя сообразить.

Прямая овца не имеет рог, не имеет гласа противу пасущего ее, не бодается, не брыкается и не кусается. На пасущего не злобится, хотя бы он и наказывал ее, не противоречит, не ругается и никак никого не злословит. Пасущего же во всем слушает, пред ним спокойно и благонадежно ходит и из пределов его не выступает; особливо чуждого гласа не слушает и по чуждым не ходит. Гласа же пасущего ее так слушает и так следует ему, что никакого предрассудка не имеет, и, хотя бы на беззлачном месте, хотя бы на болотном ее пас, не ропщет, не злоречит и не жалуется на него. Вот вид и качества прямой овцы, сколько мог я ее понять и изобразить.

Смотрите же теперь на себя: овца ли Вы? – Ежели действительно находите себя овцою, незлобивою и безгласною, то остается Вам сказать, чьего Вы стада? – Понеже вне стада и без пасущего овца – волку корысть. – Я об этом точно, определить не могу. Сама овца знает, чьего она стада, и кто ее пастырь. Приметно, что овца мимо своего двора в чужой двор не проходит, а из того можно и разуметь, что она сама знает, к которому принадлежит стаду, кто ее пастырь и который двор, «позна волю стяжавшаго его и осел, ясли господина своего. Израиль же Мене не позна. – Слыши небо и внуши земле».

В рассуждеши же меня будьте покойны: я на Вас гнева не имею ни за что; но с искренним расположением, почтением, любовью и доброжелательством остаюсь навсегда к Боголюбезной душе Вашей

многогрешный М.

15 го ч. Августа 1816 года.

VII. Письмо к О. Игумену Антонию

Любезнейший Брат!
Возмогай о Господе!
в державе крепости Его!⁷¹

Христос Спаситель наш рек о Себе: „не ищу воли Моея но воли пославшаго Мя Отца (Ин. 5:30)». И, имея в виду горькую чашу страдания, «поклон колена моляшеся глаголя: Отче, аще волиши мимонести чашу сію от Мене: обаче не моя воля, а твоя да будет (Лк. 22:43)". "Сіе да мудрствуется в Вас еже и во Христе Ісусе (Флп. 2:5). Взирая на Него Начальника веры, терпением да течем на подлежащий нам подвиг (Евр. 12:1,2)». Укрепляя себя молитвою смиренного – «по воле Твоей, Господи, тако да будет о мне!»

Любезнейший брат! Будем благодарить Бога всегда о всем. В сердце благодарящее вкапает благодать; также и сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50:19). Перестанем носить в себе двоедушие и роптать на добродетель, для которой созданы и в особенности призваны: будто она неудобноносима. Правда одними нашими силами она несносна, ибо требует в содействие благодатной мудрости, мужества, правды и целомудрия, а мы в оных чувствуем себя весьма скудными. Так что же предпринять? Бежать от добродетели, понося оную хулою, что это несносное бремя, тебя убивающее? А кто оное на тебя возложил? – Не Господь ли? Вспомни трех отроков, вверженных в печь; как они выдержали себя безвредно, среди ужасного пламени, прославляя Бога. Ты же малодушествуешь, и воздеваешь руки свои куда? К людям немощным!... Лучше возводи очи свои в горы, отнюду же придет помощь (Пс. 120:1). Лишен ли кто из вас премудрости, говорит Св. Апостол Иаков, да просит с верою, ничтоже сумняся (Иак. 1:6) и – Господь близок ко всем призывающим Его. Даст благодать просящим у Него. И Тому да возвещаем все печали наши, с упованием на Него. От людей же, как научает Св. Исаак Сирин, сокрывай все твое состояние. На кого призирает Господь? – Токмо на кроткого и молчаливого.

Прости за многословие. Все что пишу, тебе самому известно. Да будет воля Твоя, Господи, во мне грешном! Покой обещан нам в будущем веке, а здесь на земле – труд и искушение. *Блажен человек иже претерпит (Иак. 1:12).*

При желании тебе Свыше от Господа помощи в созидание внешнее и внутреннее вверенной тебе Св. Обители, остаюсь, с братолюбным почтением прося твоих св. молитв о мне немощном,

недостойный сомолитвенник

И. Моисей

10 Сентября 1846 г.

Оптина пустынь.

VIII. Духовное завещание О. Архимандрита Моисея

Во имя Пресвятой, Животворящей, Единосущной и Нераздельной Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я, нижепоименованный, Калужской епархии, Козельской Введенской Оптиной пустыни многогрешный архимандрит Моисей, сподобился получить от преблагого и премилосердного Господа моего неисчетные и неизреченные милости и благодеяния в течение жизни моей, и ко всему оному удостоился призвания в иноческое жителство и в сан священства, игуменства и архимандритства, ничтоже благо сотворив; и что воздам Господеви о всех, *яже воздаде мне?* Токмо чувствую и приношу Ему неизяснимую мою благодарность, и смиренно молю благость Его устроить грешной душе моей спасение и даровать благой конец, дабы с благонадежием на неизреченное Его милосердие и бесценные заслуги Сына Его Господа нашего Иисуса Христа, сподобиться предстать неосужденно на страшном и праведном Его суде и удостоиться десного предстояния с избранными Его. О чем прошу и Вас, отцы мои, братия и чада духовные, помолитесь ко Господу, да не лишит меня желаемой надежды.

И, так как, в настоящее время чувствую себя в весьма слабом и болезненном положении, и зная безвестность кончины жизни моей, заблагорассудил по данному праву завещать о состоящем при мне имуществе, заключающемся большею частью, в святых иконах и духовных книгах, служивших к окормлению души моей. Стяжания денежного несть у меня, ибо с начала вступления моего в иноческий образ и до сего дня находился я в общежительной обители, и не имел попечения о стяжании имений, памятуя данный мною Богу обет о сохранении нестяжания, и не имея нужды ни в пище, ни в одеянии, довольствуясь оным от общежития; то и по смерти моей оставшееся белье, платье и прочая келейная принадлежность, не принадлежит мне, но обители, которое и следует поступить в общую монастырскую кладовую, для раздачи братиям по распоряжению начальства. Святые иконы живописные и

иконописные предоставляю в храм сей обители поставить по приличию, где найдется удобным. Книги духовный, которых я имею, снисканный в течение монастырской жизни и кои почитал, во всю мою жизнь великим богатством, доставлявшим душе моей нетленную пищу и служащим к приобретению вечной жизни, оставляю в монастырскую библиотеку для душевной пользы отцев и братий моих.

Наг изыдох из чрева матери моея, наг и отыиду; то и желаю, чтобы все оное при мне имущество, кроме нужных к покрытию и погребению тела моего вещей, перенесено было из келии моей по назначению моему, дабы после никому не трудиться в изыскании и описании моего имения, и чтобы никто не имел за него ответственности.

Родным же моим, ни во что из одного имущества не вступаться. Да, я и уверен, что они не войдут ни во-что, довольствуясь тем, чем Бог послал и благословил их; а монашеского имущества, как принадлежащего обители не восхотят ввести в дома свои, яко огня пожечь могущего и их достояние.

Когда угодно будет, Господу разлучить душу мою от тела сего, то прошу духовного моего отца со всею о Христе братию обители сей предать тело обычному христианскому, монашескому погребению, и потом прошу не оставлять меня поминовением по чину церковному и в келейных Ваших молитвах, да простит Господь мои согрешения и успокоит дух мой с праведными.

Ежели, я кого в жизни моей чем оскорбил: словом, делом или помышлением, смиренно прошу у всех прощения; а также, кто и меня чем-либо оскорбил, всех и во всем прощаю.

Сие духовное завещание учинено мною в полном уме и чистой памяти по собственной своей воле. Июня 6 дня 1862 года. Оптиной пустыни настоятель, архимандрит Моисей.

IX. Письмо игумена Антония⁷² к Архимандриту Геннадию⁷³

Всечувствительно благодарю Вас за благой совет Ваш, возложить печаль свою на Господа о разлуке с отцем моим, и не скорбеть о том, подобно неимущим упования; чему я совершенно верю. Но как в теле нашем, если когда один член отсечен будет, то оставшиеся члены невольным образом терпят боль; подобно сему и после конечной разлуки бывает в духе: ибо и Христос Спаситель наш над умершим другом Лазарем прослезился!... Впрочем, я не столько печалюсь о разлуке с ним, сколько благодарю Господа Бога за блаженную кончину его, и за то, что по многолетней жизни и за бесчисленные труды, в пользу святой обители подъятые, преселен он на вечный покой со святыми; о чем недавно известил он во сие одному благоговейному брату нашему, что он по великому милосердию Божию водворен в обители преподобно-мучеников!... Должно ли верить сему? Но я не сомневаюсь в этом, зная отчасти образ святой жизни его. О чем благословите мне несколько строк написать Вам. Блаженные памяти настоятелю нашему отцу архимандриту Моисею угодно было последние три года жизни своей избрать меня, недостойного, в свои духовники; я отговаривался от сего трудного для меня избрание, дабы не уподобиться мне Хаму, при выслушании отчих недостатков: но он убедил меня оставить свои предрассудки, и я должен был повиноваться. И вот он, во все трехгодичное время, ни одной божественной литургии не совершал без исповеди, приходя ко мне в келью, или призывая к себе; а служил он каждый воскресный день, каждый праздник и в царские дни, и с каким сокрушением сердца исповедывал согрешения свои, и с каким глубоким смирением преклонял свою выю под недостойную мою руку, прося прощения и разрешения, так что я, взирая на сие, всегда умилялся и стыдился пред людьми именовать себя духовным отцем такого великого старца!... Он в последние, три года жизни своей ходил ко всем церковным службам и в братскую трапезу в обед и ужин, а для сего уничтожил и кухню,

при своей кельи, и утром чаю не употреблял, а после обеда двумя чашками удовлетворялся... После всего донесу Вам и о себе, что я, от непрерывной боли в ногах, весьма немощствую и в церковь редко выхожу, и почти всегда читаю в кельи своей псалтирь по новопреставленном своем отце, и в этом только имею отраду в духе своем; а притом за многую его ко мне любовь и платить ему нечем мне, кроме молитвы, которую услыши, Господи!

Х. Письмо О. Игумена Антония Бочкова

Благодарю за уведомление о святой и для многих назидательной кончине Вашего настоятеля, 40 лет неуклонно водившего Вас по пути спасения. По истине, это Моисей нашего времени, приведший многих в землю обетованную, а заповеди свои сказавший и завещавший только в последние часы своей чистой и тихой жизни. Вместо поучений, он являл собою пример, как хранить уста, и хранивши их обуздывать и все тело. Никто не видел его в гневе или в ослаблении: всегда был ровен и верен самому себе Игумен Моисей, святолепный старец, премудрый и опытный водитель. И велика была к нему милость Бога и Отца христиан, избравшего его на великий и многотрудный подвиг настоятельства. Сорок лет стоять на одном месте, терпеливо вынося все бури, от врага наносимые, и держать твердо кормило своего корабля – это есть дело, превосходящее силы человеческие: это была сила Божия, благодатная – за смирение и чистоту. И в 40 лет собрать и содержать около себя, в своей ограде, столько избранников Божиих – это есть свидетельство собственного избрания. Ни одна обитель не могла похвалиться, что вмещала в одно время и Отца Леонида, и Отца Макария, и Отца Антония – таких великих послушников Отца Моисея. Блаженна была обитель, где сияло столько света, и блаженно радостно то время, когда нераздельно жило и поучало собою это христианское собрание.

К Оптиной Пустыни проложились дороги и к ней влеклись монашеские сердца. Сюда пришел некогда великий старец времени нашего, тогда еще юноша Димитрий, ныне преосвященный Игнатий, восстановивший, столько обителей; писатель «Слова о смерти», здесь учился монашеству. Здесь отдыхал краткими отдыхами и великий, и сокровенный раб Христов, Василий Петрович Брагузин, исполнитель самых трудных заповедей Евангельских. Все они были во время Отца Моисея, на его корабле. Оптина Пустынь стала известною во всем православном христианстве. И кто слышал, чтобы отец Моисей, когда-либо похвалился такою достославною

известностию? Одни труды, всегда труды и заботы как бы не давали места какому-либо праздному и личному чувству зайти в эту великую душу, посвятившую себя на служение Богу и ближним.

На все похвалы О. Моисей отвечал едва заметною улыбкою, которая говорила: не соглашаюсь я с Вами, а сомневаюсь. Кому высказывал он свои успехи? Муж дела, а не словес самохвальных. Но и слово его было сладко; встреча радовала, приветствие его было драгоценно: так всегда было оно обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа, ни пред кем не оставалась в долгу, и кто бы ни был, не мог похвалиться превосходством в разговоре и сношениях с О. Моисеем.

Простите, что память моя не сохранила всего, что видел и чему удивлялся я в незабвенном настоятеле, целомудренном О. Моисее.

Простите, что теперь лишь вспомнил о своей ошибке: позабыл называть усопшего архимандритом. В памяти моей он был игуменом, и прежнее впечатление было столь сильно, что новое название к нему не прилеплялось.

Прошу сказать от меня благодарность всем отцам и братьям за добрыя их ко мне чувства. Прошу их молитв. Поздравляю О. И. с настоятельством. Конечно, не радуется он, но радуется вся обитель.

Простите, Богомолец Ваш,
М.... г.... А.

XI. Надгробное Слово, произнесенное при погребении О. Архимандрита Моисея Ректором Калужской Семинарии Архимандритом Герасимом⁷⁴

Внидеши во гробъ, якоже пшеница созрелая во время пожатая или якоже стог гумна во время свезенный (Иов. 5:26).

Сколь ни давно уже предсказана была сими словами, блаженная кончина в глубокой старости многострадальному Иову, однако они и теперь могут иметь свое приложение. Вот и усопший о Господе, брат наш положен во гроб, как зрелая пшеница – в житницу, или, подобно колосу, во время сжатому и сложенному в стог, скоро сокроется телом в могиле, до всеобщего воскресения. Руководимый и укрепляемый Господом, долго развивался он и усовершенствовался: то в лесах Рославльских, по предварительном испытании себя в Саровской и Свенской обителях, – то здесь на Ваших глазах, подобно плоду наливался, созревал и созрел наконец, служа в преподобии и правде более 40-ка лет здешней обители, для благоустройства коей так много сделано им, что память о нем никогда не умрет.

Если не непоучительна жизнь и самого обыкновенного человека с его кончиной, то жизнь такого подвижника благочестия, который *отходит к отцам своим в мире и в старости добрей (Быт. 15:15)*, особенно заключает в себе много поучительного.

Для общего нашего назидания посвятим несколько минут на краткое обозрение более выдающихся сторон этой многолетней, благопотребной и подвижнической жизни усопшего о Господе.

Многим, конечно, по тяжким, а нередко и самым горьким, опытам жизни известно: сколь опасна пора юности нашей. Не столько вреден червь для цветов и плодов, сколько вредят развитию и преуспеянию юной души увлечения страсти. *Похоть плоти, похоть очес и гордость житейская (1Ин. 2:16)* поминутно почти обольщают и влекут в плен юное сердце. По этому то, конечно, Апостол Павел заповедует юному ученику своему Тимофею, а в его лице и всем юношам: *бегать*

похотей юных (1Тим. 2:22). Но усопший о Господе брат, исходя из купеческого звания, старался подражать – с юных лет – евангельскому купцу, который искал хорошего жемчуга, и, найдя его, пошел продать все, что имел, и купил его (Мф. 13:45). Говоря без притчи, брат наш о Господе, поняв с юных лет, что мир преходитъ, а с ним и тройственная похоть его (1Ин. 2:16), что исполняющий только волю Божию пребывает во век (1Ин. 2:17), гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грех (Евр. 12:1), оставил дом, имение, даже родного и нежно любившего его и любимого отца оставил, только бы приобрести Христа, и таким образом спасти свою душу, коей ничего нет ни выше, ни дороже в сем мире. И опыт, как нельзя очевиднее, подтвердил для него непреложную истину слов пророческих: *благо есть муж у, егда возмет ярем в юности своей* (Плач. Иер. 3:27). Тогда как многие из юношей, и нашего и прежнего времени, увлекались *временною греха сладостию* (Евр. 11:25), и, увязая в сетях его, нередко горькими слезами оплакивают свои падения, отец Моисей, чрез строго подвижническую жизнь, вдали притом от обаятельных соблазнов, избавился, по милости Божией, от заманчивых влияний греховных, *яко птица от сети ловящихъ*.

Но и отвергшись от мира и благ его, усопший о Господе брат наш не предался безпечности, подобно юродивым девам (Мф. 25:3), или многим, может быть, из нас, грешных: напротив зная, что сколь дух ни бодр наш, но *плоть немощна* (Мк. 14:38), старался *бдеть и молиться*, чтобы, вышедши из мира, как Израильтяне из Египта, не подвергнуться опасностям, даже гибели, сопровождавшим последних в пустыне, за их самонадеянность, строптивость и непослушание. Для лучшего же обеспечения себе победы, в борьбе с плотью, похотствующею на дух, и с духом злобы, он всецело предал себя руководству опытного и дивного подвижника благочестия, иеросхимонаха Афанасия Свенского, и, водворившись в Рославльских лесах Смоленской губернии, с каждым днем все более и более старался *совлекаться там ветхаго человека с деяньми его и облекаться в новаго*: старался, при содействии благодати Божией, подавлять в себе все греховное – от чувств

и желаний и помыслов, – до слов и дел, чтобы тем безпрепятственнее сообразовать свою жизнь с духом Евангелия. Пример вполне достойный подражания тех, кои, оставивши мир Бога ради, поступают в обители для спасения души своей!...

Легко могло быть, что плененный пустынным уединением и навсегда остался бы он там, не взирая ни на усиленные подвиги, ни на жестокость борьбы со врагом, который в полном смысле является для живущих в пустыне *львом рыкающим и ищущим поглотить их* (1Пет. 5:8); тем более, что *пустынным непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущим суетнаго кроме*. Но над возлюбленным нашим отечеством, грозная туча тогда собиралась с запада и разразилась в 1812 году такими страшными громами, что горы и доли застонали, и самая глубокая пустыня, в коей привитал О. Моисей, огласилась шумом орудия бранного. И вот юный подвижник, волей-неволей, должен был оставить пустыню Рославльскую, и не слагая с себя *оружия Божия* (Еф. 6:11), приютиться сначала в Свенской, а потом в Белобережской обителях. Но едва миновала гроза, как О. Моисей снова уклонился в любимую пустыню, чтобы снова там продолжать борьбу с врагом спасения, и *полагать восхождение в сероце своем* (Пс. 83:6). Скромный и смиренный – он не любил говорить о подвигах своих. Но может ли быть, чтобы душа его, яко крин, не цвела там – в Рославльских лесах, находясь в кругу столь примерных подвижников, из коих один – Феофан дивный, из подражания Христу Спасителю, постился однажды, по отзыву покойного, чрез всю четырехдесятницу, ничего не вкушая? Не раз приходилось нам слышать от старца покойника об этой поре его жизни и – умиляться, при виде благодарных слез его ко Господу за милости Его и за спасение в пустыне этой от всех бед и напастей. Орлом в обновленной юности казался он тогда нам; так благотельно действовало на него воспоминание о понесенных там, при помощи Божией, подвигах самоотвержения и послушания!... И нам, братия, конечно, не неприятно будет оглянуться на пройденное поприще жизни нашей и при случае припомнить, как *сила Божія совершалась в немощах наших*

(2Кор. 12:9), чтобы благословлять, подобно покойнику, Господа на всякое время. И счастливы будем мы, если не оставим за собою грязных следов на поприще этом! Иначе, воспоминание о них, как ржа железо, будет снедать наше сердце и, чего доброго, не обречем уже мы нигде тогда *мира в костях наших от лица грех наших* (Пс. 37:4), особенно если не покаяться в них и доселе оставляем не оплаканными....

Но вот настала пора светильнику, шлющему постом и бдением в пустыне, быть на свещнике, *да светит всемъ, иже в храмине суть* (Мф. 5:15). И Господь избирает орудием для этого, блаженной памяти, митрополита Филарета. Проникнутый духом подвижничества и любя иночество, он пожелал в этой пустыни устроить скит. Знакомый уже с рабом Божиим Моисеем, он вызвал его сюда из Рославльской пустыни и определил сначала начальником скита, потом духовником, а наконец вверил ему вскоре управление и самую обителью. И с этой поры он редким светильником был для нашего времени – с дивными сподвижниками своими – Леонидом и Макарием, также как и он горевшими и светившими для всех нас, не только при жизни, но даже и из самого могильного мрака блистающими, как молния из черной тучи...

Не нам, конечно, и не пред вами, братия и друзья, сродницы и знаемые, как пред ближайшими свидетелями, столь блистательно пройденного поприща усопшим отцем, – со братом нашим о Господе, излагать с подробностью теперь: что, когда и как было сделано им, в течение 37-летнего служения его в должности настоятеля; о мудрых и зрело обдуманных мерах его, содействовавших более или менее благоустройству Оптиной пустыни, поведают в свое время, как отчасти уже и поведали, более нас опытные, а *похвалу его исповест церковь* (Сир. 44:14). В настоящие минуты, достаточно припомнить нам о его дивной вере, которая, подобно звезде путеводной, руководила им во всех его начинаниях и делах. О его великодушии и кротости, с коими носил он немощи немощных из Вас: «По наводнению вражескому иногда проносили мое *имя*, яко зло, и чернили клеветами, – малодушные из братий. Но правда светлее солнца: защитив себя пред начальством от изветов, я

охотно прощал ненавидящих и обидящих меня, и тем обезоруживал их и пленял сердца их в любовь». Так, обливаясь слезами, он раз сам говорил нам, благословляя при этом Господа, давшего ему широту сердца. И в эти минуты в очах его светилось такое младенческое незлобие, что, кажется, самое холодное, черствое сердце пленилось бы им и пожелало усвоить себе это качество дивное. Не оставим без внимания и его сострадание и сердоболие к нуждающимся: кто из приходивших сюда – в крайней нужде – за помощью, не получал от благодетельной десницы покойного пособие благовременное? Прислушайтесь к говору этой многолюдной толпы, наполняющей храм и ограду обители, и Вы узнаете, что покойник, не взирая на то, что богат был, по собственному же его выражению, только *нищетою*, очень многим из среды ее благодетельствовал. А это умение управлять братством из разных званий, не одинаковой степени образования, умение всем и каждому указать приличное место, занятие, так чтобы все и каждый, смотря по возможности, старались содействовать благу обители? А эта редкая заботливость старца – подвижника сделать – чрез переводы и издания – общедоступными для всех и каждого, некоторые из таких святоотеческих творений, о коих очень многие, даже из иноков знали только по имени, не взирая на их назидательность? Это, наконец, бескорыстие, с каким рассылал он творения эти, по переводе некоторыми из Вашей же среды на современный нам язык, по духовно-учебным заведениям? Не указывают ли они, с одной стороны, на его наблюдательный ум, с участием следивший за потребностями современного иночества и с искреннею готовностью изобретавший средства удовлетворить оным, с другой – на его духовную опытность и *благочестіе*, которое *на все полезно* (1Тим. 4:8)?

И так видите, братия, что и в наше время человек, проникнутый любовью к Господу, много может сделать, при помощи Божией, для блага ближних. Пусть же пример, этой поучительной жизни отца и брата нашего о Господе, не пройдет для нас даром. Взирая, на блаженное успение его, предваренное принятием великого ангельского образа, после

неоднократного приобщения Святых и Животворящих Христовых Тайн, будем подражать его вере в Промысл Божий, его духу подвижническому, сопровождаемому кротостию и незлобием, бескорыстием и благочестием, его благоразумию и осмотрительности, с коими твердо шел он путем жизни, избегая крайностей. С другой стороны, помня, что никто не может похвалиться *чисто сердце имети, хотя бы и один день был житія его на земле* (Иов. 14:3), пожалеем о том, что и высокая душа усопшего о Господе омрачалась иногда, по немощи человеческой, некоторыми недостатками, как светлое солнце – тучами: тем более, что при гробе и близь отверстой могилы – самое приличное место, по указанию христианской любви, – для благословений и теплых молитв об упокоении преставльшегося в недрах Авраама, Исаака и Иакова, а не для осуждения, или малодушных жалоб, если бы кому-либо и могли он прийти на память теперь. Аминь!

XII. О пустынножительстве в Рославльских лесах

В Рославльских и смежных с ними Брянских и Жиздринских лесах с половины прошедшего столетия до двадцатых годов настоящего подвизалось весьма много замечательных отшельников; так что в продолжении семидесяти и более лет пустынножество здесь непрерывалось. Между православными иноками всегда были и всегда будут любители безмолвного уединенного жития. Но в указанное нами время во второй половине прошедшего века и в начале нынешнего и в указанных лесах пустынножество возникло, усилилось и процветало, вследствие особенных исторических причин, о которых находим нужным сказать несколько слов.

Восемнадцатое столетие в России, ознаменовалось целым рядом распоряжений правительства, весьма стеснительных для монашества. Говорим это не об указах Петра I и Екатерины II, которыми ограничивался свободный переход из монастыря в монастырь и запрещалось постригать несовершеннолетних, мужей от живых жен, беглых солдата, крестьян, без увольнения помещиков и т. д.; эти справедливые распоряжения были вызваны господствовавшими в то время в монастырях беспорядками, которые и следовало прекратить. Но вместе с мерами, которые должны были пресечь злоупотребления в монастырях, издавалось немало таких правительственных распоряжений, которые делали невозможным свободное процветание монастырей и подавляли дух монашества. Указом 1703 г. Петр I запретил строить новые монастыри; а духовным регламентом и указом 1724 г. обращал монастыри в приюты для больных солдат, или уволенных от службы, и неспособных к работе. При Бироне в 1734 г. предписано было не постригать никого, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдата; вследствие чего в иных монастырях некому стало совершать богослужения, в других оставались только дряхлые и неспособные ни к работе, ни к богослужению.⁷⁵ Наконец в 1764 г. последовал указ об отобрании церковных и монастырских

имуществ в ведение государства и о штатах денежного жалованья духовенству. Известно, что еще в 16 веке некоторые преподобные иноки – нестяжатели находили, что монастыри не должны владеть населенными имениями. Но в 1764 г. отобрание монастырских имуществ в казну сопровождалось такими распоряжениями, что этим был нанесен монашеству в России тяжелый удар, от которого оно и доселе отчасти не оправилось. Из 953 существовавших тогда мужеских и девичих монастырей вовсе упразднено 568. Из оставшихся за там 385 монастырей, только 225 штатным монастырям, в замен отнятых имений, назначалось пособие от казны. Остальным 160 заштатным монастырям, по отобрании от них всего недвижимого их имущества, предоставлялось содержаться на собственные их средства,⁷⁶т. е. как знают. Нужно ли говорить, что эти заштатные монастыри внезапно очутились в самом крайнем нищенском состоянии. И из третьеклассных и второклассных монастырей многие, бывшие до того времени в цветущем состоянии, начали приходить в упадок. Никогда в русских монастырях не было такой частой смены настоятелей, как именно в конце 18 столетия. Настоятели, один за другим, отказывались от своей должности, не имея сил изобретать достаточныя средства к поддержанию вверенных им обителей. Особенно для монастырей чувствительно было умаление числа братий. Даже в духовном регламенте узаконялось, чтобы по самой нужде не менее тридцати братий было в монастыре, «понеже малым братством повседневную божественную службу и общежительство яко же подобает отправляти невозможно». А по штатам 1764 г. только в 15 первоклассных монастырях положено по 33 человека, в 4 пустынях по 30 ч., в 41 второклассном монастыре по 17 ч., в 100 третьеклассных по 12 ч., в 154 же заштатных по 7 ч. (со включением настоятеля). При таком ограниченном числе братий и при крайней скудости средств, в большей части монастырей оказалось невозможным поддерживать надлежащее порядки. Наконец, после 1764 г. монастыри на долгое время не могли удовлетворять благочестивую потребность многих, желавших принять монашеское пострижение. В 1762 г. монашествующих,

мужеского и женского пола, числилось 12,444. А по штатам 1764 г. число это сокращено более чем на половину: в штатных монастырях мужеских и женских полагалось 3858 ч. и в заштатных 1247; и пока оставшиеся заштатом не войдут в оный, запрещено было вновь представлять к пострижению.

Последствия показали, как мало соответствовали эти распоряжения настроению народного духа. При общем вызванном ими упадке монастырей, в русском народе и то время крепко держалось усердие к монашеской жизни, которое, надеемся, и не иссякнет, пока будет существовать православная Русь. Любителей монашеской жизни было много во всех сословиях, но так как в тогдашних монастырях они не находили себе места, или не могли удовлетвориться тогдашнюю жизнью монастырскою, то многие из них удалялись из России в Афонские и Молдавские монастыри, а другие укрывались в лесах.

В 1743 г., когда рясофорный послушник Платон Величковский (впоследствии знаменитый Архимандрит Паисий) пришел в Валахию, и потом через три года, когда он прибыл на Афон, он и в Валахийских и Афонских монастырях застал уже многих выходцев из России. Некоторые из них (как например Василий Поляномерульский, Михаил, Онуфрий, Феодосий и др.) уже не малое время там подвизались и славились, как опытные духовные старцы. В конце 50-х годов у Паисия на Афоне собралось братство из 64 человек, большею частью русских. По введении же штатов 1764 г., число выходцев из России стало сильно увеличиваться, так что в то время от Св. Синода были бесчисленные публикации об отыскании скрывавшихся.⁷⁷ Впоследствии, в монастырях Архимандрита Паисия Величковского, по свидетельству Феофана Арх. Новоезерского, бывшего в Валахии в 1778 г., собралось братий из всех наций до 1000 ч., в числе которых особенно много было русских. При том, должно заметить, что Паисиевское братство отличалось не одною численностью, но и нравственными достоинствами; видно, что в то время из России удалялись не кое-какие, а многие из лучших иноков и мирских людей, замечательных по высоте и чистоте своих духовных

стремлений. Многие из этих выходцев окончили свою жизнь вдали от своего отечества; а некоторые Промыслом Божиим возвращены были в Россию. Одни в 1779 г. (после Кучук-Кайнарджиского мира), другие в 1787, а больше всего – в 1801 г., вследствие всемилостивейшего манифеста, изданного Императором Александром I по вступлении своем на престол. И эти то иноки, возвратившиеся в Россию из Афонских и Молдавских монастырей и усовершенствовавшиеся там, в монашеской жизни под руководством опытных наставников, возобновили и восстановили многие русские обители, вдохнули в русское монашество новую жизнь и тем оказали Русской Церкви великую, незабвенную заслугу.

Кроме этого движения в заграничные православные монастыри, в 18-м веке, среди русского монашества, неблагоприятными для него обстоятельствами было вызвано другое движение. Из тех, чьи духовные потребности не могли найти себе удовлетворения вследствие тогдашних монастырских порядков, не все имели возможность удалиться из России. Такие люди скрывались в пустынных лесах и в лесной глуши проходили иноческую жизнь. ,

Сохранились отрывочные сведения, что в то время появились пустынножители в разных местностях России. Так, например, известно, что настоятель Миголовской или Миголощской пустыни (Новгородской губ.) Марк, по упразднении этой обители и обращении ее в приходскую церковь, удалился на пустынный остров и там подвизался до конца своей жизни в безмолвном уединении.⁷⁸ Пришлось нам слышать, что в конце прошедшего и в начале нынешнего столетия, были пустытники в Тверской губ. (в Зубцовском уезде), в Вологодской и в других губерниях; но особенно пустынножительство в те времена усилилось в лесах Брянских, Жиздринских и Рославльских, покрывающих северо-западный угол Орловской губернии, западную часть Калужской и юго-восточную Смоленской губернии.

Здесь еще в начале 16 столетия подвизался Преп. Герасим Болдинский: он сначала поселился в Дорогобужском округе, в диком лесном месте, где кроме змей и диких зверей никого не

было, и по временам только скрывались разбойники; а потом на реке Жиздре в пустынном лесу основал Введенскую обитель.⁷⁹

В начала 18 в., с 1717 г. по 1721 г., в дремучих Брянских лесах, проходил уединенное жительство инок Серапион, в 1721 г. назначенный строителем новооснованной Белобережской пустыни⁸⁰, в которой и скончался 15 ноября 1741 г., приняв перед кончиной великую схиму с именем Симеона.

Между тем, пустынножительство не прерывалось и около обителей, расположенных в Орловских лесах. В жизнеописании Феодора Санаксарского повествуется, что, когда он пришел в Площанскую пустынь (это было в 1747 г.), настоятель назначил ему иметь пребывание близ обители в лесу, где были кельи, построенные прежде жившими там, Бога ради, пустынниками.⁸¹ Об этих Площанских пустынниках не сохранилось сведений. В «Описании Богородицкой Площанской пустыни» (С.ГГ.Б. 1855, стр. 4.) упоминается только пустынножитель монах Ефрем, скончавшийся около 1757 г.

В тридцатых годах 18 в., Площанский иеромонах Иоасаф удалился в Брянские леса и жил там несколько лет в безмолвном уединении. Возвратившись в свою обитель по просьбе Площанского настоятеля. О. Тихона, О. Иоасаф в 1741 г. сделался его преемником; но только 6 лет управлял обителью, а в 1746 г. опять удалился в любимые им Брянские леса, где и прожил около двадцати лет. И с этого-то времени пустынножительство в Брянских и смежных с ними Рославльских и Жиздринских лесах не прерывалось уже, как мы сказали, до 20-х годов нынешнего столетия.

В Брянских уединенных лесах О. Иоасаф не мог вовсе укрыться от людей. К нему стали приходить многие, желавшие пользоваться его мудрыми духовными советами. Из числа приходивших к нему, многие желали сделаться учениками благочестивого подвижника и остаться с ним жить, приняв монашеское пострижение, которое в то время, было очень трудно получить в монастырях. Мог ли сердобольный отец отказывать в пострижении тем, которые желали принять монашеский образ не ради внешнего официального его значения, а ради душевного спасения по внутреннему влечению

к монашеской жизни. Изоштив Богомыслием душевные очи, О. Иоасаф проницательно усматривал способных к пустынножительству, и, постригая их, отсылал в монастырь, или оставлял при себе. Но это возбудило негодование духовенства ближних сел: подали на О. Иоасафа жалобу в консисторию, обвиняя его в противозаконных делах, и, между прочим, в том, что постригает всех без дозволения, не имея на то права. По сему прошению ему запрещено было постригать, но и после этого предписания консисторского он постриг еще несколько человек и тем подал повод к новым жалобам на себя. Из консистории вышел указ, чтобы взять его и привести в Севск, как нарушителя законов.

Его взяли из Брянских лесов и повезли в Севск мимо Площанской пустыни. В то время случилось быть в ней тогдашнему Епископу Севскому и Брянскому, который узнавши, что везут О. Иоасафа, пожелал его видеть и приказал привести к себе. Приведен был старец, изнуренный строгою иноческою жизнью, со впалыми глазами, в оковах, от тяжести которых он едва передвигал ноги. Преосвященный, тронутый видом старца, не мог удержаться от слез; он велел его освободить и оставить в пустыни. С того времени О. Иоасаф остался в монастыре, но недолго жил по возвращении из Брянских лесов. Здоровье его было расстроено скорбями, трудами, постом и преклонными летами, и быстро приближался конец его жизни. Он скончался в 1766 году на 74 своей жизни, подвизавшись в монашестве 50 лет ⁸².

После О. Иоасафа в Брянских лесах поселился, неизвестно в каком году, монах Варнава (из военных) с учеником своим м. Иларионом. Он жил в лесу близ с. Боцкина (имения М. И. Похвиснева), Брянского уезда.

В 1775 г. поселился в Брянских лесах Площанский иеромонах Адриан с монахом Ионою и двумя послушниками. Поступив первоначально в Площанскую пустынь около 1768 г., Адриан с великою ревностью в продолжении четырех лет проходил там монастырские послушания; но так как очень желал принять монашеское пострижение, а в то время во всей Орловской епархии не было монашеских вакансий, то он

решился в 1772 г. перейти в московский Симонов монастырь, где был пострижен, потом посвящен в иеромонахи. В 1775, возвратившись в Площанскую пустынь, он пожелал избрать безмолвное пустынное житие и, с соизволения настоятеля, с м. Ионою и двумя послушниками поселился в дремучих и непроходимых в то время Брянских лесах, где и подвизался слишком восемь лет. Но вскоре соседние жители стали рубить лес и тем принудили Адриана переселиться на другое место, более удобное для пустынножительства, Он поселился верстах в десяти от кельи вышеупомянутого старца Варнавы, подвизавшегося с одним только учеником в совершенном безмолвии. Соседство новопоселившегося отшельника О. Адриана было в тягость О. Варнаве, потому что к О. Адриану приходили многие миряне и монахи, ради пользы душевной, и он принимал всех с христианским радушием и позволял жить у себя иногда по неделе. Эти странники нередко нарушали безмолвие Варнавы, так что он решился переселиться верст за сто от пустыни Адриановой. Но, наступившая голодная осень, принудила Варнаву снова поселиться в соседстве Адриана и жизнь отшельников опять потекла мирно и богоугодно. Недолго впрочем, они наслаждались спокойствием. В одну ночь напали на них разбойники, немилостиво били и мучили старцев и ограбили их кельи. Господь сохранил жизнь Адриана, но Варнава должен был принять венец мученический: он не перенес нанесенных ему побоев и через десять дней скончался и погребен близ кельи, в которой подвизался в пустынном лесу. В настоящее время лес этот уже расчищен; могила старца запахана, но не забыта; по временам священник с. Воцкина служить на ней паннихиду. «Господь судил мне, пишет иеромонах С-й Ф-в, побывать на месте подвигов этого страдальца отшельника; предание о нем еще свежо между тамошними жителями. Место, где стояла его келья, как то особенно показалось мне привлекательным и я готовь был воскликнуть: во истину благодать Божия живет и до ныне на месте сем». Иконы и другия священные изображения, пред которыми имел обыкновение совершать молитвенное правило

свое о. Варнава, украшают теперь собою притвор Воцкинской церкви.

Ученик о. Варнавы монах Иларион, по кончине своего старца, переселился в с. Богданово, Рославльского уезда, и жил там сначала в лесу, потом под кровом благочестивого крестьянина Купреенкова, а впоследствии, по случаю некоторых недоразумений со стороны Богдановского помещика, переправился на противоположный берег реки Десны, в с. Заболотье, Ельнинского уезда, и некоторое время подвизался в 4 верстах от этого села, в Крутицком бору, близ деревни Крутицы. Наконец, по убеждению своего духовника, священника с. Заболотья, О. Луки, приютился в его доме; где и скончался около 1821 г. Похоронен при Пятницкой приходской церкви. На могиле его, как говорят, и теперь стоит голубец. Предание об особенном трудолюбии О. Илариона, до сих пор еще живо в с. Боцкине, первом месте его монашеских подвигов.⁸³

Отец Адриан и ученики его, после страдальческой смерти О. Варнавы, оставили Орловские леса и переселились в Смоленские пределы, где по усмотрению Божию, нашли благодетелей, которые приняли их с усердием и поставили для них пустынные кельи. Но пребывание их, было здесь недолговременно. Многие благоговейные и благочестивые помещики избрали О. Адриана своим духовником, священники же местные, за это возимели на него великое негодование, полагая, что он получает много денег за исповедь, и обратились с доносом на О. Адриана, сперва к светскому начальству, а потом к Смоленскому Епископу Парфению. Преосвященный вызвал к себе старца, и допросив его, дозволил ему жить в Смоленской епархии только с таким условием, чтобы он формально поступил в Смоленское епархиальное ведомство. Но, так как, Смоленские монастыри в то время нуждались в монахах, то старец опасался, что духовное начальство приняв его и учеников его в свое ведомство, не дозволит им пустынно-жительствовать, а против их воли определить их в какую-нибудь обитель. По этому О. Адриан решился перейти в С.-Петербургскую епархию под покровительство монахолюбивого митрополита Гавриила, и по его благословению, поместился со

своими учениками в Коневской пустыни, и вскоре назначен был настоятелем этой обители, которая обязана ему вполне своим внешним, а наипаче внутренним благоустройством. После десятилетнего управления обителью, О. Адриан сложил с себя начальство и в 1800 г. перешел в московский Симонов монастырь, где принял схиму с именем Алексия и скончался в 1812 году.

Из учеников Адриановых особенно известны монахи: О. Иона, Василиск и Зосима Верховский.

Иона в одно время с Адрианом полагал начало монашеской своей жизни в Площанской пустыни, и, сблизившись с ним там, навсегда остался его другом, сподвижником и верным учеником, и всюду следовал за Адрианом, куда он не переходил, так что совокупная жизнь их, начавшаяся в Площанской пустыни, продолжалась в Брянских и Рославльских лесах и в Коневской обители, и окончилась в Московском Симоновом монастыре. Здесь о. Иона, в сане иеромонаха и приняв схиму, скончался в 1821 и погребен рядом с своим старцем.

Василиск, уроженец Тверской губернии, из крестьян, сперва подвизался с другими отшельниками в пустынных лесах близ Темниковской обители (Тамбовской епархии), потом поселился в Брянских лесах, где и подвизался лет десять, сперва при О. Адриане, а по переходе его в Коневскую обитель, года три в совершенном одиночестве; после того по благословению своего старца перешел в 1790 г. в Коневский Скит, где жил около десяти лет с другим учеником Адриановым О. Зосимою Верховским. О. Зосима еще в 1786 и 1787 г. посещал Брянские леса и проживал несколько времени сперва у О. Адриана потом, по переселении его в Коневец, у О. Василиска, а после находился в Коневской обители года три, под руководством О. Адриана; и наконец, когда о. Василиск поселился в Коневском Скиту, О. Зосима опять соединился с ним, и с тех пор остался навсегда его учеником и другом. Когда же О. Адриан сложил с себя настоятельство и пожелал поселиться на покой в Московском Симоновом монастыре, тогда, отъезжая из Коневца, дал благословение Василиску и Зосиме пойти в Сибирские пределы, что они и исполнили. В Сибири они

подвизались 24 года; Василиск там и скончался 29 декабря 1824 года и погребен в Туринском Николаевском девичьем монастыре. Зосима же, потерпев в Сибири многие скорби и гонения, по кончине своего старца переселился в Москву и в маститой старости отошел в вечный покой 24 октября 1833 года, в основанной им пустынной Одигиевской девичей общине, в 60 верстах от Москвы в Верейском уезде.

В жизнеописании Старца Василиска повествуется, что, когда по переселении О. Адриана в Коневец, он проходил уединенное и безмолвное житие в Рославльских лесах, другие пустынники, там жившие, весьма почитали, любили и уважали его; и он по временам посещал их; к дальним ходил и по месяцу у них гостил. Ближние же, поочередно друг к другу по праздникам сходились и вместе совершали всенощное моление ко Господу Богу; и все собравшиеся вместе ничем иным не занимались во весь тот день, как только чтением и дружелюбною беседою. А хозяин один уже пекся о приличном угощении. Далее повествуется, что, когда Василиск в 1790 г., вынужден был оставить свое пустынное пребывание в Рославльских лесах, оставшиеся там пустынножители провожали его с великою скорбью и слезами.

Из этого рассказа видно, что в то время Брянские и Рославльские леса были населены многими пустынниками. К сожалению, только о немногих из этих современных Василиску пустынниках сохранились некоторые сведения.

На плане специального размежевания 1796 г. в лесных дачах помещиков Броневских, Рославльского уезда, близ селца Якимовичей, значится урочище: «Ров монахов». Около этого оврага, проходившего дремучим лесом, по всей вероятности, были пустынные кельи О. Адриана и Василиска. Здесь же, на южной окраине этого оврага, около 1783 г. поселился монах Никита, уроженец г. Орла.

О. Никита подвизался сперва в двух верстах от Белобережской пустыни в лесу, где и до ныне указывают место его подвигов; потом, когда его пустынная келья была сожжена каким-то недоброжелательным человеком, поступил в братство Белобережской пустыни; последние же годы своей жизни, более

десяти лет, провел опять в вожденном для него пустынном уединении в Рославльских лесах, где и скончался 29 марта 1793 года. Ученик О. Никиты, О. Досифей, за неимением гроба, положил почившего старца в пчелиный улей, в котором О. Никита и был погребен, близ своей кельи во рву. Но так как, в этом рву почти всегда стояла вода, то, лет через 7 после кончины О. Никиты, О. Досифей, по какому-то откровению, откопал гроб старца, чтобы перенести его на другое, более возвышенное место. При этом оказалось, что гроб старца (т. е. улей) был цел, одежда на нем цела и сам он нетленен; на одной ноге, ходачек (лапоть) сплетенный из липовых лык учеником О. Никиты, превратился в прах; а на другой ноге, такой же ходачек, сплетенный самим старцем, уцелел. При открытии гроба, было много монахов и священник с. Лугов О. Иоанн. О. Никиту из пчелиного улья переложили в новый гроб и, отслужив по нем паннихиду, похоронили на полу-горе, на северной окраине рва. При погребении был больной монах, страдавший желудком; выпил из гроба воды и исцелел. Лет через 15 (после кончины) О. Никиту по какому-то случаю вторично отрывали: опять оказался нетленен. На могиле его лежат два камня; один очень велик. Память об О. Никите доселе чтится во всей окрестности и на его могиле, по просьбе богомольцев, нередко служатся паннихиды местным священником.

Ученик о. Никиты монах О. Досифей, родом из г. Карачева, постриженец Площанской пустыни, поселился в Рославльских лесах еще при О. Адриане, и прожил здесь более 40 лет. В 1827 г. он перешел в новоустроенный Скит при Оптиной Пустыни и скончался здесь 22 декабря 1828 г. 75 лет от роду.

Товарищ и ученик О. Досифея монах Дорофей, из Карачева, лет 60, если не более, подвизался в Рославльских лесах и в маститой старости скончался 13 сентября 1866 г.⁸⁴

В числе знаменитых отшельников любителей безмолвия, подвизавшихся в Рославльских лесах, вместе с О. Никитою поминается Иаков. В какие именно годы он там подвизался и когда он скончался, в точности неизвестно. Также других подробностей о его жизни не знаем. От Рославльских

старожилов сохранилась только память о том, что он был *болящий* и что ему однажды явилась Царица Небесная.

В Рославльских же лесах, некоторое время жил замечательный подвижник иеродиакон и схимонах Мельхиседек, постриженник Белобережской Пустыни, который после истинно скитальческой жизни из пустыни в пустыню, почил о Господе в 1840 г. в Жиздринских лесах, в 12 верстах от с. Мокрого, в имении С.И. Мальцева.

Еще известно, что в лесах принадлежавших помещикам Броневским жили пустынники: монах Селевкий, бывший гвардейский офицер, исключенный Императором Павлом из службы за то, что отрезал одной девице косу за ее неверность; похоронен в 7 верстах от усадьбы Броневских в лесу Гр. Безбородко; монах Феофилакт, подвизавшийся на крутом, обрывистом берегу р. Десны; монах Илия, Сергей и Матфей, о которых ничего неизвестно, кроме имен их, сохранившихся в памяти Рославльских старожилов. Наконец, близ усадьбы Броневских жил юродивый (имени его не помнят), бывший почтовый чиновник, исключенный из службы за украденную у него казенную сумму. Жил на горе; с горы катался по снегу; ночи проводил на кладбище; собирал кошек, которых его царапали и пр. Жизнь его подобна была жизни юродивых Христа ради, прославляемых Св. Церковью. Где скончался, неизвестно.

В Соловецком Патерике (изданном в С.-Петербурге в 1873 г.) упоминается о старце высокой жизни Арсении, пришедшем с Афона и подвизавшемся в Брянских лесах, у которого был ученик Георгий. По времени оба пустынника перешли в Псковский уезд, к Никандровой обители. Здесь Георгий принял от своего старца монашество с именем Герасима. Похоронив своего наставника, Герасим один подвизался в посте и молитве. Впоследствии в 1823 г. перешел в Соловецкий монастырь, где и почил о Господе 28 октября 1848 г., имея от рождения 108 лет.

Память о пустынножителях Брянских и Рославльских сохранилась и в названии некоторых урочищ в этих местностях. Так близ с. Рекович, имения кн. Мещерких, Брянского уезда, есть урочище *«Монахи»*, несомненно так названное в память

отшельников здесь подвизавшихся. (В 2-х верстах от с. Рекович скончался в 1822 г. пустынник Арсений старший). Далее с. Рекович, в лесах окружающих с. Лютну, Брянского же уезда, жили пустынножители, под руководством старца, о котором сами сказывали, но которого никто не видал. Эти рабы Божии приходили в сельскую церковь на Пасху и после службы удалялись в свою пустынь. Сохранилось имя только одного из них: Софроний. В 30-х годах нынешнего столетия, пустынники эти вместе со своим старцем переселились,— неизвестно куда. Сохранившиеся о них сведения сообщены священником Брянской Троицкой церкви, О. Стефаном, со слов покойного его родителя.

В 1805 г. в Рославльских лесах поселился иеромонах Афанасий (в мире Александр Степанов) Московский уроженец, из канцелярских чиновников (сын дьячка г. Калуги), постриженец Оптиной Пустыни. Первоначально поступил в Песношский монастырь (московской епархии⁸⁵) и принадлежал к числу 12 человек, которые были отпущены Песношским настоятелем старцем Макарием, вместе с учеником его О. Авраамием, для восстановления пустынной Обители Оптиной, и в 1796 г. принял в ней пострижение; в 1797 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1802 г. во иеромонаха и назначен духовником. Горю желанием безмолвной жизни, он собрался было сперва на Афон и уже получил увольнение. Но, услыша о Рославльских пустынножителях, отправился к ним и поселился с ними. Об этом О. Афанасии, мы уже говорили в жизнеописании О. Архимандрита Моисея.

Примечания

¹ - См. Прибавл. к Калуж. Епарх. Ведом. 1862 г. № 13-й, 15 июля.

² - Постриженник и бывший послушник О. Архимандрита Моисея в течение десяти с половиною лет.

³ - Записки эти (из которых мы заимствовали сведения о Путиловых и их семейной жизни), напечатаны в приложении к книге: «Жизнеописание Настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря, Игумена Антония». Москва 1870 г., стран. 135–174.

⁴ - См. Душеполезное чтение 1876 г., декабрь месяц, стр. 412–426.

⁵ - Впоследствии архимандриту Арзамасского Монастыря.

⁶ - Письма эти помещаем в приложениях. Письмо М. Досифеи, таинственное, как и она сама, замечательно, как единственное (сколько нам известно), сохранившееся письмо этой необыкновенной инокини.

⁷ - См. Сочинения Св. Дмитрия Ростовского. Часть 1-я: Алфавит духовный.

⁸ - См. Приложения.

⁹ - Однажды только угрожала им другого рода опасность, которую от них отвратил Промысл Божий. Рославльский исправник, проведая, что в лесу живут «богатые Московские купцы» (так называли О. Моисея с братом), вздумал отправиться к ним, освидетельствовать, исправны ли их бумаги и не раскольники ли они? и т. д. Узнали пустынники, что готовится им напасть. Что делать? бежать некуда: решились остаться на месте и предаться промыслу Божию: И что же? Исправник целый день проезжал около них, и не мог найти их келью, хотя с разных сторон весьма близко подъезжал к ним; покрыл Господь своих угодников. Но вместо О. Моисея, исправник отыскал вышеупомянутого О. Досифея и товарища его, которых взял под стражу. Товарища Досифеева, имевшего исправный паспорт, вскоре отпустили. И у О. Досифея было

вечное увольнение, но оно от ветхости на сгибах разорвалось. Старец залепил его водою с мукою, а тараканы обточили бумагу. Его посадили в острог, где продержали три года. Сначала О. Досифей терпеливо перепосил постигшую его участь, потом стал малодушествовать, и подумал: «Неужели грехи мои так велики, что я должен сидеть и слушать речи воров и разбойников?». Тогда явился ему во сне некий муж седовласый и сказал ему: «Посиди здесь еще, тебе выстроены каменные палаты, но они еще не оштукатурены; а вот как ты здесь посидишь, они совсем готовы будут». Возрадовался О. Досифей и готов был по смерть свою остаться в остроге. Вскоре узнал о нем Преосвященный Смоленский, написал губернатору: О. Досифей был тотчас выпущен; прожив на старом месте несколько лет он, переселился во вновь устроенный, его учеником О. Моисеем скит Оптиной пустыни, где и скончался. (См. Ист. Описание Скита Опт. Пуст., изд. 2-е, стр. 91) Замечательно, что исправник искал О. Моисея, и нашел О. Досифея 31 Декабря 18** года; а в новый год проиграл, всё состояние своё, до нитки: не прошло суток, и уже постигло его наказание Божие, не напрасно сказано: «не прикасайтесь помазанным моимъ, и во пророцѣх моих не лукавьте». (Пс. 104:15).

¹⁰ - Духовное безмолвие этих Старцев вскоре стало нарушаться здесь молвою от многих посетителей и потому они, один по одному, перешли па жительство в Скит Валаамской обители, где также прожили только около шести лет. Иеросхимонах Клеопа (из малороссиан, уроженец города Глухова) скончался там, в 1816 г. Схимонах Феодор почил о Господе на руках О. Леонида в Александро-Свирском монастыре в 1822 г., в вечер светлого пятка (7 Апреля), а иеросхимонах Леонид переселился в 1829 г. с 5-ю учениками в скит Оптиной пустыни. См. о нем ниже.

¹¹ - Старец иеромонах Макарий Иванов перешел из Площанской пустыни в Оптину для жизни вместе с О. Леонидом в 1834 году. См. ниже.

¹² - Сей маститый старец в 1836 году перешел из Александро- Невской Лавры в скит Оптиной пустыни, где

принял схиму с именем Иоанна; окончил жизнь свою в 1849 г. Он известен своими сочинениями по части раскола.

¹³ - См. Приложения.

¹⁴ - т. е. имение излишних вещей.

¹⁵ - т. е. принял мысль, согласился.

¹⁶ - Память его чтится 28 Августа.

¹⁷ - См. Приложения.

¹⁸ - Слова Пр. Филарета о самом себе, см. ниже.

¹⁹ - О. Афанасий находился впоследствии в Свенском Брянском монастыре, где и преставился с миром 1844 года, Декабря 31 дня О. Досифей в 1827 году поместился, как выше упомянуто, на жительство в Оптином скиту, где и скончался вскоре. Некоторые же пустыnnики остались в Рославльских лесах до самой своей кончины.

²⁰ - Из переписки О. Моисея с Московским купцом Н. Самгиным видно, что предположено было устроить церковь и около нее четыре малых братских корпуса.

²¹ - Об этих иконах см. подробнее в Историческом Описании Скита Оптиной Пустыни. Изд. 1862 г., стр. 19–22.

²² - См. Приложения.

²³ - Во время служения божественной литургии он нередко с видимым усилием удерживал слезы, как говорили очевидцы: иеромонах Никон Огиевский и Евфимий Трунов.

²⁴ - т. е. кладовая братской одежды и обуви.

²⁵ - Распространена весьма хорошо в 1878 году при О. Игумене Исаакии.

²⁶ - См. Достопамятные сказания о подвижничестве Святых и блаженных Отцев. 1845, Стран. 225.

²⁷ - Св. Отца пашего Максима главы о любви. Четвертая сотня. § 63-й. С.-Петербург. 1817 г.

²⁸ - Написавший несколько книг против лжеучений раскольников.

²⁹ - В числе прочих ныне духовник Саровской Пустыни иеромонах Амвросий, иером. той же Пуст. К. и иеромонах В.

³⁰ - Об О. Архим. Мельхиседеке и Иером. Геннадии см. Ист. Описание Козельской Введ. Опт. Пус. изд. 2-е стр. 370–385.

³¹ - Упомянутые Старцы: Игум. Варлаам, Иеросх. Иоанн и Иером. Иов и Иером. Иннокентий жили в Скиту. См. о них подробнее в Истор. Опис. Скита Опт. Пус., изд. 2-е, стр. 212–248.

³² - В настоящее время (1881 г.) есть в Оптиной Пуст., также трое слепых. Один из них О. Иоаким обладает необыкновенною памятью. Знает наизусть весь Псалтирь и учит тому же других.

³³ - Желаящий ближе познакомиться с этим путем иноческой жизни, найдет много сведений о нем в книгах Св. Отцев: Василия Вел.. См. О подвижничестве Иоанна Лествич. сл. 4-ое и слово к Пастырю, Св. Аввы Дорофея Сл. 5-ое, в Добротолубии у Св. Кассиана Римлянина, Слово о рассуждении. Феодора Едесского гл. 40–46. Каллиста и Игнатия Сл. 14 и 15-го (ч. 2-я) Симеона Нов. Бог. гл. 15–19; 38–44 проч. См. Также Сборник писем иеросх. Макария, особенно 4-ю часть к монахиням.

³⁴ - См. Аскетич. Опыты. Ч. 1-я о Монашестве. Стран. 535 и 542.

³⁵ - «Отчего в настоящее время мало хороших Старцев?» – спросили однажды Афонского духовника. – «Оттого, что мало хороших послушников», – отвечал он.

³⁶ - Лишь весьма немногие из братий сначала, исповедывавшиеся у О. Архим. Моисея, когда он был общим духовником Обители, исповедывались у него и до смерти.

³⁷ - Главная обязанность будильщика в Оптиной Пустыни состоит в том, чтобы, вставая раньше других, до начала утрени обойти братски кельи и, останавливаясь у двери каждой, произнести: «Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас»! Когда из келий послышится «Аминь», тогда будильщик говорит: «Пению время и молитве час» и идет к следующей кельи, созывая таким образом всех к утрени.

³⁸ - Термометр висел у О. Моисея на крыльце.

³⁹ - См. Жизнеописание Игум. Антония. Москва 1870 г. Стран. 191.

⁴⁰ - Происходивший из купеческого семейства и получивший довольно хорошее образование.

⁴¹ - В числе последних был и Сергей Кириллович Нарышкин, живший в Обители несколько времени.

⁴² - См. в приложении письмо О. Игум. Антония Бочкова.

⁴³ - См. в приложении письмо О. Игум. Антония Бочкова.

⁴⁴ - Когда, по кончине Отца архимандрита Моисея, открыли ящик, в котором у него обыкновенно хранились деньги, то ящик оказался совершенно пустым; только в уголке его притаился один гривенник, заскочивший ребром в щель между стенкою и дном ящика и потому почти скрывшийся от взоров. О. Игумен Антоний, узнав об этом, сказал: «Верно, Батюшка, этого гривенника не заметил, а то он непременно и его бы истратил». И мы думаем также.

⁴⁵ - Ныне иеромонахи: О. Пимен Пащенко, духовник Обители и О. Макарий Попов.

⁴⁶ - Ныне Архимандрит и Настоятель Калужской Тихоновой Пустыни и благочинный монастырей Калужской епархии.

⁴⁷ - Это было со Св. Иоанном Милостивым. Однажды, совершая литургию, этот святой муж вспомнил, что один клирик имеет на него неудовольствие, а вместе с тем пришли ему на память и слова Христовы: «Аще принесши дар твой ко алтарю и ту помянешь яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред алтарем и шед прежде смирися с братом твоимъ» (Мф. 5:24). Отступив несколько от престола Патриарх призвал того клирика и пал к ногам его, прося прощения. Клирик, видя такое смирение Святителя, сам упал ему в ноги и со слезами взаимно просил прощенья. Тогда уже, примирившись с клириком, Св. Иоанн возвратился к престолу и со дерзновением принес Бескровную Жертву. (Четья-Минея 12 Ноября).

⁴⁸ - Преподобного отца нашего Аввы Дорофея поучения и послания. Изд. 1-е 1856 г. стр. 193.

⁴⁹ - Поучение 19-е, стр. 199.

⁵⁰ - В 1-й главе приведено было слышанное О. Моисеем в Сар. Пуст. от старца Серафима наставление: «Стоя в церкви, надобно творить молитву Иисусову, тогда будет внятно слышно и церковное богослужение».

⁵¹ - См. Сказание о жизни и подвигах Оптинского Старца иеромонаха Макария. Москва 1861.

⁵² - См. Руководство к духовной жизни Варсан. Велик. Москва 1855 стр. 654.

⁵³ - В Оптиной Пустыни были при О. Настоятеле Моисее в числе братства и полагали начало монашеской жизни: 1) Настоятель Сергеевской Пустыни Архимандрит Игнатий Брянчанинов, впоследствии Епископ Кавказский и Ставропольский, 2) О. Архим. Никодим, бывший настоятель Мало-Ярославецкого монастыря, 3) Архим. Мелетий, бывший экклисиарх Нево-Печерской Лавры, 4) Архим. Моисей, ныне настоятельствующий в Калужской Тихоновой Пустыни, 5) Архимандрит Ювеналий, бывший Настоятелем в Глинской и Коренной Пустынях и впоследствии Наместником Александро-Невской Лавры, 6) Архим. Леонид, нынешний наместник Св. Троицкой Сергеевой Лавры, Отцы Игумены: 7) Антоний, брат О. Архим., бывший Настоятелем Мало-Ярославецкого монастыря, 8) Антоний Бочков, бывший настоятелем Черемнецкого монастыря, 9) Геронтий, бывший Настоятелем Тихоновой Пустыни, 10) Пафнутий, ныне настоятельствующий в Николаевском Черно-острожском Мало-Ярославецком монастыре, 11) Исаакий, нынешний Настоятель Оптиной Пустыни и 12) Марк, бывший Наст. Мещовского монас. 13) О. Строители: Исаия, ныне наст. Покров. Доброго Монас. и 14) Досифей, ныне Наст. Мещовского Георгиевского монастыря.

⁵⁴ - Лествица Препод. Иоанна. Москва 1862 г., стр. 224.

⁵⁵ - Преподобного Аввы Дорофея Поучение. Москва 1856 г. Поучение 2, стр. 44.

⁵⁶ - Ныне Наст. Мещовского Монастыря иеромонах Досифей

⁵⁷ - В записках недавно скончавшагося монаха Порфирия Севрюгина, бывшего в 1862 г. помощником монастырского библиотекаря, сказано: «26 мая 1862 г., на другой день своего

приезда из Калуги, неутомимый в исполнении своей настоятельской обязанности, О. Архимандрит в послеобеденное время, вечерявшему уже дню и заходившему в свои пределы солнцу, изволил в последний раз навестить монастырскую библиотеку. Как бы предчувствуя скорое свое отшествие, он пришел в последний раз взглянуть и проститься с любимым своим книгохранилищем, которое в течение своего настоятельства неусыпно собирал и успел так щедро обогатить множеством разных, замечательных книг. Молча и внимательно обошел О. Архимандрит всю залу библиотеки, осмотрел незадолго до этого поставленные новые шкафы. Остался ими доволен и уходя изволил преподать свое пастырское и отеческое благословение нам обоим: библиотекарю О. Павлину и мне его помощнику Петру Севрюгину. Этот молчаливый его приход был последний. Из библиотеки, он отправился прямо в свои кельи и больше из оных уже никуда не выходил. Как всегда, так и тут своим красноречивым молчанием О. Архимандрит назидательно дал нам заметить, что потребно наблюдать хранение уст и не должно отверзать их без нужды».

⁵⁸ - См. приложения.

⁵⁹ - С 10 числа по самый день кончины О. Игумен Антоний каждодневно повторял то же самое, т. е. окроплял больного св. водою, читал канон на исход души и краткие молитвы к причащению.

⁶⁰ - См. Преп. Феогноста главы о деянии и видении, гл. 60-я: Восторгнутые класы в пищу души. Москва 1849, стран. 199.

⁶¹ - Некто из преданных О. Архимандриту Моисею, по выслушании рассказа о его кончине, размышляя о судьбе его, взял лежавшую перед ним книгу и раскрыл ее; ему прямо попало место здесь нами выписанное. Оно лучше всяких рассказов изображает то состояние, в котором О. Архимандрит сподобился отойти ко Господу.

⁶² - Ныне Настоятель Георг. Мещовского монастыря.

⁶³ - Смотри приложения.

⁶⁴ - Старанием О. Архимандрита Ювеналия.

⁶⁵ - Русские Достопамятности, выпуск пятый. Ивановский монастырь в Москве. Москва 1862.

⁶⁶ - Мне их показывал старый причетник, служивший в монастыре полвека. Во время пребывания Досифеи в монастыре, я бывал там с отцом моим и матерью и видел ее погребение. Иван Снегирев.

⁶⁷ - Обе эти собственноручные записки О. Архим. Моисея найдены были, по кончине его, в его бумагах. Писаны они очевидно ранее 1853 года, когда О. Моисей был возведен в сан архимандрита.

⁶⁸ - Собственноручные письма О. Архимандрита Моисея к О. Игумену Антонию, когда последний был еще в мире.

⁶⁹ - Два отрывка из следующих двух писем к тем же лицам.

⁷⁰ - Из письма к одной из помещиц, давших приют Оо. Пустынникам на своей земле.

⁷¹ - Одно из писем к О. Игумену Антонию, в то время когда последний очень скорбел о возложенном на него послушании – быть настоятелем Малоярославецкого монастыря.

⁷² - Брата покойного О. Архим. Моисея.

⁷³ - Бывшему настоятелю Боровского монастыря.

⁷⁴ - Скончавшийся в сане Епископа Астраханского.

⁷⁵ - См. Историю Русской Церкви Преосв. Филарета. Период пятый. Москва 1845 г. стр. 180–184.

⁷⁶ - См. Историю Российской Иерархии. Арх. Амвросия. Москва 1810. Часть II. Стр. LXXIX-CVI.

⁷⁷ - См. «Брянский Свенский Успенский монастырь», Москва. 1866 г. стр. 77.

⁷⁸ - См. статью священника Иоанна Модестова: «Пустынник Марк». Странник 1860. Ноябрь, стр. 229–232.

⁷⁹ - См. Русские Святые, чтимые всею Церковью, или местно. Преосв. Филарета Архиепископа Черниговского. Чернигов. 1863. месяц Май. Стр. 26–29

⁸⁰ - См. историческое и современное обозрение общежительной мужской Брянской Белобережской пустыни. Орел. 1863 г. стр. 10–11.

⁸¹ - См. жизнь О. Феодора, бывшего настоятелем Санаксарской обители. Москва 1847 г. стр. 8.

⁸² - См. Описание Богородицкой Площанской Пустыни. С.-Петербург. 1855. Стран. 22–25.

⁸³ - Сведения об О. Варнаве и О. Иларионе собраны от разных лиц и нам сообщены О. Сергием Федотовым, бывшим иноком Брянского Свенского монастыря, ныне О. Наместником Минского монастыря.

⁸⁴ - О. Дорофей, этот последний из Рославльских пустынников, коротко знавший обстоятельства жизни прежних отшельников, передавал священнику с. Якимовичей, О. Павлу Петровичу Белавенцу, что О. Никита жил в Рославльских лесах не менее 10 лет. Тоже самое подтверждала нам почтенная старица Надежда Феодоровна Броневская, слышавшая об О. Никите от своей свекрови Александры Афанасьевны Броневской, покровительницы пустынных старцев, живших в ее лесах и нередко собиравшихся в ее усадьбе. (А. А. Броневская скончалась в 1853 г, более 80 лет от роду). Основываясь, на таких достоверных свидетелях, мы должны признать неточным и недостоверным рассказ, помещенный в Домашней Беседе 1862 (вып. 25-й стр. 599) и в Страннике 1865 г. (Август стр. 70) о том, будто о. Никита только за полгода до своей кончины поселился в Рославльских лесах. Рассказ этот, очевидно, основан на каком-нибудь недоразумении.

⁸⁵ - Сохранилось известие, что О. Афанасий еще до поступления в Песношский монастырь проводил жизнь отшельническую в безмолвных местах. См. Брянский Свенский монастырь. Москва. 1860г. ст. 93.